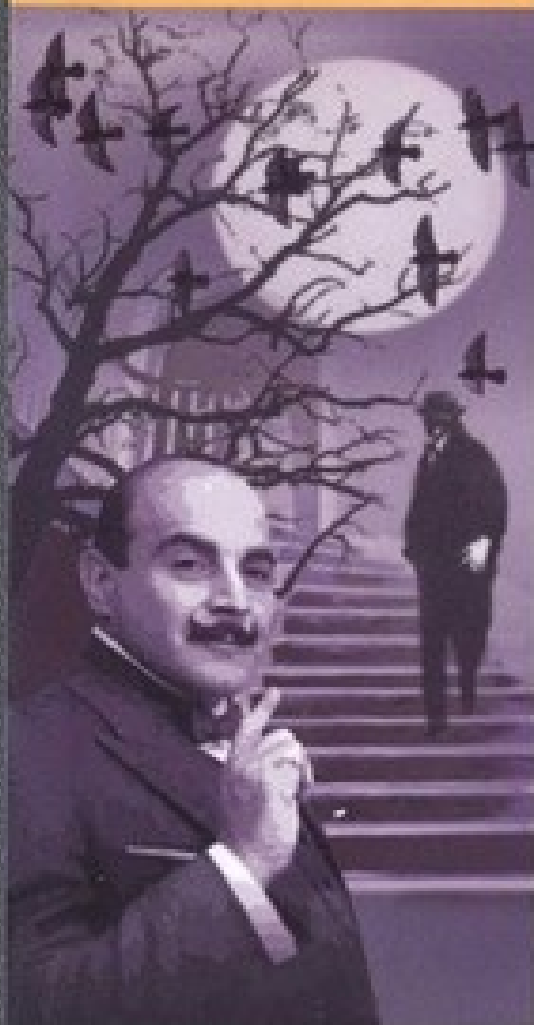

АГАТА КРИСТИ

Екатерина
Цилибаева

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

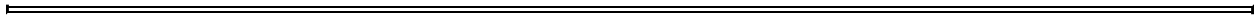
Annotation

Книга посвящена популярнейшей в мире писательнице — Королеве детектива Агате Кристи. В ее жизни, особенно в детские годы, нет ни одной мельчайшей детали, которая не играет существенной роли для понимания ее прославленных книг. В то же время ее творчество, в том числе под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, помогает лучше уяснить многие факты ее биографии. Читатели смогут погрузиться в приятную атмосферу викторианской Англии, лучше понять давно знакомые детективные романы, увидеть в новом ракурсе загадочные эпизоды жизни их создательницы, познакомиться с ее гениальным по простоте способом преодоления кризисных психологических ситуаций.

знак информационной продукции 16+

-
- [Е. Н. Цимбаева](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Эпилог](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АГАТЫ КРИСТИ](#)
 - [ПРОИЗВЕДЕНИЯ](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

Е. Н. Цимбаева
Агата Кристи

Agatha Christie

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Книги Агаты Кристи неизменно называют «самыми продаваемыми в мире после Библии и Шекспира». Думается, сравнение некорректно. Библия — ни в коей мере не произведение художественной литературы, она покупается и читается по совершенно иным основаниям и в данном ряду просто неуместна. Сравнить надо сопоставимые вещи. Например, вполне возможно, что тиражи и востребованность атласа автомобильных дорог Великобритании оставили позади всю английскую литературу вместе взятую — и что с того?

Шекспир, конечно, величайший драматург. Но при всей искренней к нему любви нелегко поверить, что в мире живут миллионы желающих читать его шедевры — именно читать, а не смотреть на сцене и в кино. Не в том ли тут дело, что ряд пьес Шекспира входит в обязательную программу всех англоязычных учебных заведений и их отдельные школьные издания и составляют такие баснословные тиражи?

Агата Кристи в другом положении. Ее не проходят в школе, ее не покупают потому, что «так принято», и не читают потому, что «так велено». За тиражами ее книг — реальные читатели, причем их число даже больше, чем число проданных экземпляров: ведь почти в любой семье непрочитанный детектив Агаты Кристи вызовет общий интерес.

Разумеется, популярность не равнозначна талантливости. Сама писательница отзывалась о собственном творчестве с пренебрежением. Журнальная критика относилась к нему снисходительно, театральная обычно бывала резко негативна, а литературоведение уделяло внимание разве что недетективным ее произведениям. Детективный жанр вообще охотно исключают из понятия «художественная литература». Это порой можно счесть справедливым, если речь идет о криминальном чтиве для одноразового потребления. Но классический английский детективный роман, каким он сформировался в 1930-е годы, — явление совсем иного порядка. В нем не следует искать глубокого психологизма или ждать сильной встряски для нервов, его назначение в другом. Классический детектив можно читать и просто ради эмоциональной разрядки, и ради удовольствия поломать голову над загадкой с заранее известными

правилами и логическим решением, и ради погружения в атмосферу полусказочной борьбы Добра со Злом с предсказуемым счастливым концом. Его называют «сказкой для взрослых», но история доказывает, что во времена нечеловеческих испытаний бывают нужны и сказки, которые способны восстановить подорванную веру в неизбежную победу Справедливости! В этом великий и несомненный гуманизм классического детектива.

Но у него есть и еще одно необычное назначение. Некогда Вальтер Скотт признавался, что сюжеты его романов складывались у него в голове как бы сами собой при чтении легкой необременительной беллетристики. В его время детективов не существовало, а жаль, — в подобной функции они незаменимы. Они стимулируют умственную активность читателя, как этого не сделать равнозначным по популярности в легком жанре фантастике или любовным романам, и при этом не отвлекают душевные силы на сопереживание вымышленным персонажам или этическим концепциям, чего требуют произведения Большой литературы. И потому классические детективы, совмещая интеллектуальный отдых и интеллектуальную гимнастику, издавна встречали и встречают поклонников среди представителей различных наук.

Любое из перечисленных свойств и многие, о которых пойдет речь в этой книге, в полной мере присущи творчеству знаменитейшей представительницы классического детектива — его Королевы.

Создание биографии Агаты Кристи — занятие прежде всего неблагодарное. Она сама написала «Автобиографию», соперничать с которой невозможно. Ее воспоминания, бесспорно, входят в число лучших произведений мемуаристики всех времен и народов — по крайней мере, они непревзойденны по своей *доброте*. Нет сомнений, что их с удовольствием прочтет каждый, кто интересуется бытом и нравами поздневикторианской Англии и постепенным, неотвратимым исчезновением этих быта и нравов в течение XX столетия. Однако привлекательность изображенного писательницей мира достигнута за счет сознательной односторонности изображения. Приступая в 1950 году к работе над книгой, Агата Кристи откровенно предупреждала: «Автобиография обязывает к слишком многому. Подразумевается скрупулезное исследование жизни, с именами, местами и датами в строгой

хронологической последовательности. Мне же хочется наугад запустить руку в собственное прошлое и выудить оттуда пригоршню воспоминаний». Она захотела «насладиться радостями памяти» — и именно это и сделала. Все, что не доставляло радости, она обошла молчанием; людей обрисовала лишь с самых лучших сторон; ни с кем не свела загробных счетов; создала восхитительную картину общества, в котором она жила... Но в этом был отчетливый элемент художественности. Строго говоря, «Автобиография» относится скорее к художественной литературе, чем к жанру мемуаров, что придает ей особую прелесть, но делает непригодной для изучения фактов биографии писательницы.

Однако альтернативы нет! Огромное количество сообщенных Агатой Кристи сведений просто не может быть проверено ни по каким иным источникам, настолько они личные. Единственную возможность проверки дают некоторые романы, написанные ею под псевдонимом Мэри Уэстмакотт и в определенной степени автобиографичные. Все они задуманы или созданы значительно раньше автобиографии, имеют с ней иногда разительное сходство в деталях — и в то же время разительные отличия в этих деталях! Когда речь идет об описаниях, например, поклонников юности самой мемуаристки и поклонников ее автобиографичных героинь, полное несоответствие их внешности и манер можно объяснить нежеланием выводить в романах реальных узнаваемых и еще живых людей, выставляя их на пересуд толпы. Но во многих случаях противоречия необъяснимы. Вот простейший пример. Вспоминая раннее детство в «Автобиографии», Агата Кристи описывала типичную вечернюю сценку в детской:

«Как сейчас вижу обои — розовато-лиловые ирисы, вьющиеся по стенам бесконечными извилистыми узорами. Вечерами, лежа в постели, я подолгу рассматривала их при свете стоявшей на столе Няниной керосиновой лампы. Обои казались мне очень красивыми. Я на всю жизнь сохранила приверженность к лиловому цвету.

Няня сидела у стола и орудовала иглой — шила или чинила что-нибудь. Моя кровать стояла за ширмой, и считалось, что я сплю, но обычно я не спала, а любовалась ирисами, пытаюсь разглядеть, как же они переплетаются между собой, а также сочиняла новые приключения Котят. В половине девятого горничная Сьюзен приносила для Няни поднос с ужином. Сьюзен, высокая крупная девица, отличалась резкостью движений и неуклюжестью и обыкновенно крушила все на своем пути. Некоторое время они с Няней переговаривались шепотом, потом Сьюзен удалялась, а Няня подходила и заглядывала за ширму.

— Я так и думала, что вы не спите. Хотите что-нибудь попробовать?

— О да, Няня, пожалуйста!

Мне в рот попадал кусочек нежнейшего сочного бифштекса — сейчас трудно поверить, что Няня всегда ужинала бифштексами, но я помню только их».

И переплетающиеся розовато-лиловые ирисы, и Няня, и неуклюжая горничная будут встречаться в описаниях детства нескольких героев Мэри Уэстмакотт и даже в детективных произведениях «самой» Агаты Кристи. Для сравнения — цитата (с большими купюрами) из «Неоконченного портрета» Мэри Уэстмакотт (1934 г.):

«Селия лежала в кроватке и разглядывала лиловые ирисы на стенах детской. Кроватка была отгорожена ширмой, чтобы не бил свет от Няниной лампы... Открылась дверь, и вошла Сьюзен с подносом... Повернувшись, Сьюзен наткнулась на столик. Ложка брякнулась на пол...

— Няня?

— Да, детка.

— А что ты ешь?

— Вареную рыбу и пирог с патокой.

Пауза. А потом Няня выглянула из-за ширмы. Она держала вилку, на кончике которой был крохотный кусочек пирога.

Селия повернулась на бок и свернулась калачиком. Лиловые ирисы плясали в свете лампы. Сладость разливалась от пирога с патокой...»

Конечно, здесь отличия пустячны по существу, но именно по таким мелочам и принято судить о степени достоверности того или иного источника. В мельчайших деталях воспроизводя собственное детство в романе, зачем менять бифштекс на рыбу и пирог? Художественного смысла в такой замене нет. И невероятно, чтобы ко времени «Автобиографии» писательница забыла то, что помнила в период создания «Неоконченного портрета»: чем старше она становилась, тем ярче становились воспоминания ее детства. Так можно ли верить тому, что она «помнит только бифштексы»? Нет. Но других данных не существует. И если на страницах автобиографии она преданно любит своего первого мужа, а в романе проскальзывает неудовлетворенность героини своим супружеством, — никаких иных данных для выявления истины также не существует. И если на страницах автобиографии она вспоминает отношение родителей к

ней как наилучшее, а устами Мэри Уэстмакотт жестко критикует точно такое же отношение к детям, — где для нее правда? И если на страницах автобиографии она очень скупое говорит о своем детективном творчестве, можно ли впрямь верить в ее равнодушие к делу жизни, которое она настойчиво продолжала вопреки чудовищным препятствиям?

Приходится признать, что «Автобиография» значительно менее точна, чем это вообще присуще любым мемуарам. Кроме того, она почти лишена датировок событий, а если даты и встречаются, они обычно недостоверны. Таково было вполне осознанное намерение автора: хотя «Автобиография» предназначалась для посмертной публикации, какая женщина захочет признать, сколько ей было лет когда бы то ни было! Когда речь идет о ее личной жизни, отсутствие дат и односторонность оценок событий и людей не должны восприниматься как недостаток, поскольку передают ее видение мира, чем и замечательны мемуары. Однако точность становится немаловажной тогда, когда жизнь Агаты Кристи вплетается в полотно Большой истории или когда она умалчивает о чем-то неприятном и горьком, в чем виноваты перед нею другие. Как бы мы ни уважали ее стремление описывать лишь лучшие стороны бытия, иногда неизбежно приходится несколько изменить ракурс и увидеть то, что она не пожелала или не сумела сказать.

3

Как ни странно, научная биография одной из самых знаменитых женщин XX века еще не создана. Причин тут несколько. Прежде всего играло роль нежелание ее дочери Розалинды Хикс допустить исследователей к эпистолярному наследию матери. Это препятствие устранила в 2004 году смерть Розалинды. Ее сын Мэтью Причард открыл семейный архив для биографов, однако первыми воспользовались предоставленной возможностью авторы популярных книг. Выпущенные ими биографии Агаты Кристи, где анонсируется использование писем и записных книжек, к сожалению, нельзя считать вводом этих существенно важных источников в научный оборот, поскольку авторы не дают даже элементарного источниковедческого описания материалов и не всегда приводят конкретные ссылки. Будем надеяться, что со временем письма и дневники писательницы будут изданы подобающим образом.

Но этим отнюдь не исчерпается сбор материалов к ее биографии. Так, ее секретарша и друг на протяжении полувека Шарлотт Фишер, весьма

вероятно, вела дневник и, бесспорно, писала сестре письма, богатые, возможно, интереснейшими подробностями — сохранились ли они? Дневники вели многие современницы и подруги Агаты Кристи, поскольку такова была еще не забытая викторианская традиция; все без исключения ее знакомые обменивались письмами, — всё это бесценные источники неизвестных сведений, но обнаружить их нелегко. Они сокрыты в семейных архивах, частных коллекциях, сам факт их существования неизвестен. Выявить их, получить к ним доступ, изучить, издать — задача, требующая участия многих и многих специалистов, естественно, проживающих на территории Великобритании и пользующихся необходимой финансовой поддержкой. Скоро ли она будет решена?

Пока научная биография остается делом будущего, выходят многочисленные биографии популярного характера, причем нередко в той или иной степени беллетризированные. Элемент вымысла в них вполне уместен, особенно когда источником сведений для авторов оказываются беседы с детьми друзей и родных Агаты Кристи: искренность веры респондентов в точность сообщаемой ими информации несомненна, но степень точности не выдерживает критики. Вдобавок авторы биографий в погоне за сенсационностью сюжета намертво приклеились к так называемому «таинственному исчезновению» миссис Кристи в 1926 году, иной раз посвящая всю книгу лишь этим одиннадцати дням^[1].

В предлагаемой книге читатель не найдет поминутной росписи событий тех дней, во-первых, потому что все такие росписи неизбежно фантазийны, во-вторых, потому что и без фантазий на ту ситуацию можно взглянуть совсем по-новому — стоит лишь резко изменить угол зрения. Вообще в своей работе автор опирается на наиболее достоверные факты, имеющиеся в распоряжении исследователей, и в то же время широко предоставляет слово самой Агате Кристи, чей голос в оценке ее жизни, безусловно, решающий. Цитаты, источник которых не сообщается, взяты из «Автобиографии», и поскольку ее можно — с определенными оговорками — причислить к художественным произведениям, то по общему правилу, принятому для цитирования художественных текстов, купюры не оговариваются, а ссылки на издание не даются.

Разумеется, жизнь Агаты Кристи не так интересна, как ее творчество, а вне его контекста часто и вовсе непонятна. Тем поклонникам писательницы, кто терпеть не может ее романы, вышедшие под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, или вовсе их не читал, хочется посоветовать изменить отношение к ним. Они не только открывают неожиданные или глубоко скрытые в других произведениях элементы

психологии и взглядов Агаты Кристи, но и содержат гениальную в своей простоте идею преодоления тех жизненных трудностей, которые вообще поддаются преодолению. Возможно, совет и личный опыт Королевы покажутся кому-нибудь небесполезными^[2].

При обращении к детективным произведениям Агаты Кристи перед автором возникло несколько вопросов. Многие ее романы и рассказы даже на языке оригинала выходили под разными названиями, а уж русские переводчики, особенно в 1990-е годы, стремились блеснуть в этом отношении новизной и изобретательностью либо просто сталкивались с непонятными им трудностями английского языка^[3]. Для того, чтобы читатели, весьма вероятно обладающие разными изданиями одних и тех же романов, могли сориентироваться в этой разноголосице, в конце книги дан список произведений в хронологическом порядке (время их выхода можно найти в «Основных датах жизни и творчества»), где после оригинального названия с его вариациями приводятся перевод, принятый в настоящем издании, а также наиболее известные русскоязычные варианты переводов. Аналогичного перечня рассказов нет, так как здесь разноголосица на всех языках не поддается никакому учету. В названиях глав настоящей книги — также заглавия произведений самой Агаты Кристи, более или менее одновременных периоду, описанному в главе (только первая глава названа по «детективному сериалу» ее матери).

Но проблема заглавий — пустяк в сравнении с совсем особой сложностью анализа детективной литературы. Нельзя исключить, что среди читателей этой книги могут встретиться счастливицы, еще не прочитавшие какой-нибудь роман Королевы детектива. Им хочется позавидовать — они могут с уверенностью рассчитывать по крайней мере на два часа удовольствия в жизни! И для того, чтобы не испортить им это удовольствие, автор всеми силами избегает малейших намеков на важнейшие составляющие сюжетов любых романов, как бы это ни было иногда нелегко.

Впрочем, одну тайну можно и нужно разоблачить: тайну триллера «Агата Кристи по-русски». В 1965 году, когда писательница уже подвела итог жизни в «Автобиографии», ее романы открыла для себя «самая читающая страна мира» — Советский Союз. До этого года творчество

Агаты Кристи искусственно находилось здесь под запретом. Не эра «оттепели», а начало «эпохи застоя» — по случаю 75-летия Королевы детектива — сняло этот бессмысленный запрет, однако в виде книг ее произведения так и не вышли (кроме двух-трех за четверть века). Переводы ее романов и рассказов начали издавать изредка в антологиях зарубежного детектива посреди подходящих венгерских и японских авторов, а чаще в различных, почти всегда не центральных, журналах: на первых порах лидерами тут выступали такие далекие от британских проблем издания, как «Звезда Востока» и «Литературный Азербайджан». Восьмидесятилетний юбилей Агаты Кристи в 1971 году стал апофеозом переводческой активности — и рубежом, после которого ее имя исчезло со страниц периодики. До 1979 года опубликовали всего три-четыре рассказа, из которых два в «Советском Дагестане». Возможно, причиной стало не давление цензуры, а подписание СССР Декларации о защите авторских прав в 1972 году (она не распространялась на произведения, вышедшие до этой даты, но живой автор вправе был требовать гонорар за публикацию!). И только с 1979-го журналы снова начали поднимать свои тиражи с помощью популярнейшего имени (в эту пору лидерами стали памятные, вероятно, многим «Дон» и «Волга»).

Агата Кристи так и не узнала, что именно в этой непонятной ей России ее книги обрели вторую родину. При ее жизни сведения, доходившие из-за «железного занавеса», не вдохновляли. Журнал «Радуга» обратился к ней в юбилейный год с просьбой разрешить перенести действие «Смерти в облаках» в современность. Ее литературный агент Э. Корк ответил, что «книга создана в определенное время и должна остаться в нем»^[4]. Или теперь каждый переводчик будет изменять сюжет по своему вкусу?! Эта странная просьба, никак не характерная для великой советской школы художественного перевода, объяснялась, видимо, тем, что когда «Радуга» взялась за роман, она обнаружила более успешного конкурента в лице «Литературного Азербайджана». Почему-то не сумев найти другой роман для перевода, «Радуга» издала свою «Смерть в облаках» только в 1976 году.

Советская цензура, надо отдать ей должное, намертво стояла на пути слабых творений писательницы, представляя ее читателям только в самом выгодном обличье. Стил и язык переводов колебались от отличных до небрежных, хотя в целом Агата Кристи даже без участия лучших мастеров перевода заговорила по-русски так же легко и непринужденно, как на родном языке (не в пример французскому языку, который почему-то делает ее такой нудной, что кое-как разобравшись в интриге, едва ли кто-то станет

перечитывать роман). В советские годы проблема была не в переводчиках, а в редакторах. Объем периодического издания часто вынуждал их сокращать текст. Сокращения обычно не имели цензурного характера: едва ли цензура запретила бы поженить героев или позволить им выписать газеты, тем более когда среди них фигурировала вполне пролетарская «Дейли уоркер»! Одним романам посчастливилось избежать сокращений (особенно хороши «Убийство в Восточном экспрессе» в «Урале» 1967 года и «Берег удачи» в «Звезде» 1968-го). Другие были не столь счастливы. Прекрасно переведенные «Почему не позвали Уилби?» («Литературный Азербайджан», 1971) и «Объявлено убийство» («Искатель», 1984) лишились развязки, посвященной личной жизни персонажей — что церемониться? детектив — не литература, сюжет ясен, и хватит с вас. А «Загадка Ситтафорда» вышла в 1986 году в «Науке и религии» сокращенной до полной потери смысла даже в сюжете. Конечно, с «серьезными» авторами журналы так не обращались.

Ситуация несколько не улучшилась, когда в 1990-е годы всякие барьеры рухнули и потоком хлынули сочинения Агаты Кристи. Она даже существенно ухудшилась. Помимо перепечаток старых советских переводов появились бесчисленные новые. Их качество было очень разным, вплоть до самого ужасного, а сокращения текстов иногда доходили до краткого пересказа всего «неважного». Два перевода романа «Убить легко» надо читать одновременно, поскольку сокращения всего «неважного» там сделаны в шахматном порядке, сквозь который еле проступает оригинальный текст^[5]. Но хуже всего то, что даже в отличных изданиях нельзя быть уверенным, что имеешь перед собой полный текст. Так, в прекрасном сорокатымном собрании сочинений «Детективы Агаты Кристи» (Рига: Полярис, 1995–1997) отрезан финальный взгляд мисс Марпл в «Немезиде», которым она фактически навсегда прощается с читателями. Да, он ничего не добавляет к сюжету и, возможно, даже к образу, но автор его описал, так зачем же убирать последнюю фразу?! Словом, приходится с огорчением констатировать, что читатели, давно и хорошо знающие «всю Агату Кристи» только по-русски, *всей* Агаты Кристи не знают^[6]. Но и в самом несовершенном обличье Королева детектива полвека владеет сердцами русских читателей. И, возможно, в нашей стране ее забудут позже всех.

Пролог

ПРЕВЫШЕ ВСЕГО — СОБАКА

(Чисто английская любовь)

1

Роман Агаты Кристи «Безмолвный свидетель», вероятно, единственный в мире, которому автор предпослал такие строки: «Дорогому другу, неприятзательному спутнику псу Питеру посвящаю». Терьер Питер по врожденной и неисправимой неграмотности, увы, не смог вполне оценить оказанную ему честь, он даже никогда не узнал, что стал прообразом важного действующего лица в этой книге. Но если в каких-то странах читатели и удивились оригинальному посвящению, этого не могло случиться в Англии.

С точки зрения англичан, никто не может быть более достоин любви человека, чем собака. Разве только кошка, но не другой человек! Это убеждение не внушается воспитанием, с ним англичане уже словно бы рождаются. И Агата Кристи в полной мере отдала дань этой любви. В «Автобиографии» она немало горячих строк уделила своему первому Другу — терьеру Тони. Какими эпитетами она описывает его появление в своей жизни! «Оглушительное событие», «несусветное чудо», «обрушившееся счастье»... Куда менее пылки ее описания сделанных ей предложений руки и сердца, писательских триумфов или иных памятных моментов взрослой жизни — разве возможно сравнение!

«В пять лет на день рождения мне подарили собаку — это было самое оглушительное событие из всех, которые мне довелось пережить до тех пор; настолько невероятное счастье, что я в прямом смысле лишилась дара речи. Встречаясь с расхожим выражением „онеметь от восторга“, я понимаю, что это простая констатация факта. Я действительно онемела, — я не могла даже выдать из себя „спасибо“, не смела посмотреть на мою прекрасную собаку и отвернулась от нее. Я срочно нуждалась в одиночестве, чтобы осознать это несусветное чудо. Кажется, насколько подсказывает память, я убежала в туалет —

идеальное место, чтобы прийти в себя, где никто не сможет потревожить мои размышления. Туалеты в те времена были комфортабельными, чуть ли не жилыми помещениями. Я опустила крышку унитаза, сделанную из красного дерева, села на нее, уставилась невидящими глазами на висевшую напротив карту Торки и стала думать об обрушившемся на меня счастье.

— У меня есть собака... собака... Моя собственная собака, моя собственная настоящая собака... Йоркширский терьер... моя собака, моя собственная настоящая собака...

Позднее мама рассказала мне, что папа был очень разочарован моей реакцией на подарок.

— Я думал, — сказал он, — девочка будет довольна. Но, похоже, она даже не обратила внимания на собаку.

Но мама, которая всегда все понимала, сказала, что мне нужно время.

— Она еще не может уяснить себе все до конца.

Пока я размышляла, четырехмесячный щенок печально побрел в сад и прижался к ногам нашего сварливого садовника по имени Дэйви. Щенка вырастил один из сезонных садовых рабочих. Вид заступа, погруженного в землю, напомнил ему родной дом. Он сел на дорожку и стал внимательно наблюдать за садовником, рыхлившим почву.

Именно здесь в положенный срок и состоялось наше знакомство. Мы оба робели и делали нерешительные попытки приблизиться друг к другу. Но к концу недели мы с Тони оказались неразлучны. Официальное имя, данное ему папой, Джордж Вашингтон, я тотчас для краткости предложила изменить на Тони. Тони был идеальной собакой для ребенка — покладистый, ласковый, с удовольствием откликавшийся на все мои выдумки. Няня оказалась избавленной от некоторых испытаний».

Даже горячо любимая Няня отошла на второй план! Позднее терьер Питер стал явной заменой второму ребенку, против рождения которого выступал ее муж Арчи, а чуть погодя он заменил и самого ушедшего Арчи... И если развод переживался тяжелее, чем неизбежная смерть собаки, зато и жизнь без собаки представлялась невозможной, тогда как существование без мужа на поверку оказалось совсем неплохо. Новый муж отнюдь не требовался, новая собака была нужна вне всяких обсуждений.

На смену Питеру пришли Тринкл, Бинго, которые сопровождали свою хозяйку повсюду и лаяли во время ее интервью на весь мировой эфир. При этом пристрастие Агаты Миллер-Кристи-Мэллоуэн к собакам казалось ее соотечественникам вполне умеренным: она не занималась всерьез их разведением (естественно, на некоммерческой основе), подобно ее дочери Розалинде, не посвящала им всю себя. Она просто их любила. А любила ли она кого-нибудь столь же сильно?

Конечно, в детстве для нее очень много значили канарейки, особенно незабвенный Голди, чьи исчезновение и возвращение потрясли ее душу так, как не потрясли ни мировые войны, ни семейные проблемы. Повзрослев, она стала большой поклонницей конного спорта и после войны даже учредила приз «Мышеловки» на скачках в Эксетере, который до последнего года жизни лично вручала победителю. Сама недоброжелательность не отыщет здесь даже следа саморекламы, ибо ее пьеса «Мышеловка» не только не нуждалась в рекламе, но напротив, своей неувядаемой славой поддерживала престиж этого не самого значимого спортивного трофея.

К огорчению части человечества, Королева детектива была равнодушна к кошкам. Обычно любителями кошек у нее выступают малосимпатичные персонажи, хотя в романе «Объявлено убийство» кот Тиглатпаласар принадлежит очень привлекательной семье викария и даже помогает мисс Марпл разгадать одну загадку.

Помогает, разумеется, случайно. Агата Кристи не придает животным волшебной значимости, вплоть до роли настоящих детективов-расследователей в духе, например, Лилиан Джексон Браун. И при всей своей любви к ним не вводит их в сюжеты просто ради сентиментального умиления или развлечения читателей. Питер в «Безмолвном свидетеле», как и Тиглатпаласар, нечаянно способствует прояснению одной тайны. Ту же роль выполняет кот Пух в романе «Убить легко». А гибель канарейки, в убийстве которой взаимно и бездоказательно обвиняют друг друга два персонажа в том же романе, становится катализатором решения о их роли в гораздо более важных происшествиях: тот, кто смог свернуть шею беззащитной птичке, способен на все! Однако разодрать на части петуха — безвредный и незначительный проступок!! Ведь канарейки, собаки, кошки и лошади в глазах англичан психологически несопоставимы с обычными

сельскохозяйственными животными.

Да разве может быть иначе? В романе «Одним пальцем» великолепный щенок становится единственным свадебным подарком любящей сестры своему брату, вполне сопоставимым с дарами других родственников и друзей. А в рассказе «Превыше всего — собака» леди целиком подчиняет свою жизнь интересам собачки, расстаться с которой для нее невыносимо даже при перспективе голода. Англичане убеждены, что важнее собаки может быть разве только вопрос жизни и смерти. А может быть, и не важнее...

В романе «Объявлено убийство» любительское воссоздание атмосферы преступления, проводимое двумя старыми подругами, прерывается звонком со станции железной дороги, где обретаётся их пропавший пес.

«— Что? — зло прокричала в телефонную трубку мисс Хинчклифф. — Он там с утра? Со скольких? Черт побери, и вы только теперь мне звоните? Я натравлю на вас ОБЖОЖ. Недосмотр? И это все, что вы можете мне сказать?

Она швырнула трубку.

— Звонили по поводу той собаки, рыжего сеттера. Он у них с утра на станции... с восьми утра! Без глотка воды, представляешь? А эти болваны позвонили только сейчас. Поеду заберу его».

И она умчалась, игнорируя слабые попытки подруги прояснить наиважнейшее обстоятельство преступления, вдруг всплывшее в ее памяти. Этот поспешный отъезд стоил нерасторопной подруге жизни, и Хинч, конечно, позднее горько корила себя:

«— Если б я подождала!.. Если б выслушала!.. Дьявол! Собака могла проторчать на станции еще четверть часа».

Но как бы то ни было, комфорт собаки был оплачен человеческой жизнью, и мисс Марпл, как и другим персонажам, это не показалось несоразмерно высокой ценой. А грозное ОБЖОЖ — самое старое в мире британское Общество борьбы против жестокого обращения с животными — в детективах Агаты Кристи обрушивается не на мучительство (против него оно как раз не проявляет себя), а на избыточную любовь к питомцам, наносящую им вред. Кошатница из романа «Часы», наполнившая свой домик двумя десятками питомцев, радостно встречает инспектора Скотленд-Ярда, расследующего убийство по соседству:

«— Надеюсь, вы пришли по поводу того ужасного человека, который приходил ко мне из ОБЖОЖ. Какое безобразие! Я написала на него жалобу. Подумать только, он заявил, что мои кошки содержатся в условиях, не

подходящих для нормального здорового существования! Форменное безобразие! Я живу только ради моих кисок, инспектор. Они — моя единственная радость. Для них делается все, что возможно».

И до соседских ли убийств тут?

3

Но почему кошки или собаки становятся «единственной радостью» не только чудаковатых старых дев, но вполне здравомыслящих матерей семейств? Сами англичане подтрунивают над этой своей особенностью в известном анекдоте. Гость видит на почетном месте в гостиной роскошную кошку и спрашивает хозяйку:

— А дети у вас есть?

— Дети есть, но у кошки оказалась на них аллергия и их увезли.

Было бы несправедливо утверждать, будто англичане любят своих домашних питомцев сильнее, нежели детей или возлюбленных. Но верно то, что животных любят открыто, не тая чувств ни от себя, ни от окружающих. Самые пылкие проявления этой любви не встречают неодобрения общества, тогда как родительская, детская или супружеская любовь требует решительного обуздания внешних проявлений.

В начале XIX века в книгах первой великой английской реалистки Джейн Остин отношение к детям описано поразительно современно: их любят и балуют, с ними возятся и играют, им позволяют изводить взрослых и скакать по мебели в гостиной. Викторианская эпоха все принципиально изменила. Она отправила детей наверх, в детскую, откуда от силы раз в день они чинно и благопристойно являлись под присмотром нянь и гувернанток пред очи родителей, дабы те не вовсе позабыли облик своих чад. При этом проявления чувств влюбленных или супругов и во времена Джейн Остин так сдержанны, как только могли бы пожелать викторианцы.

Однако холодность и равнодушие отнюдь не в натуре англичан! Им свойственны глубокие эмоции и страсти. Подавленные самоконтролем, загнанные вглубь общественным мнением, искореженные викторианским семейным кодексом, они искали выхода — и выплеснулись на домашних любимцев. Собачки и кошки заменили дочку для мамы и маму для дочки, доказывая, что «и англичане любить умеют». Им просто не дозволяется любить друг друга по-человечески.

Здесь же лежат корни известного пристрастия взрослых англичан к играм, игрушкам, детским стишкам и полудетским забавам. В

соответствующем возрасте им не давали вволю забавляться тем, чем они желали, даже запрещали привозить домашние игрушки в школы-пансионы, — и они начинали играть тогда, когда выходили из-под власти старших. Такой порядок казался им вполне правильным, они без колебаний подвергали тем же душевным мукам собственных детей — и тянули и тянули злосчастную традицию воспитания британской сдержанности и британской скрытости, британских комплексов и британских неврозов.

Агата Кристи была англичанкой. Но только в личной жизни. Как писательница она поднималась над национальной культурой чувств в такой мере, что умела не шокировать чувства представителей других, по крайней мере европейских, культур. Ее произведения пронизаны детскими считалочками и песенками, чьим шуточным строчкам подчинялся мрачный ход сюжета. Но то был продуманный творческий ход, а не проявление бессознательной эмоциональной инфантильности. Насколько заслуженно называют Агату Кристи Королевой детектива, настолько несправедливо величают ее Герцогиней смерти. В ее книгах как раз совершенно отсутствуют живописания всех видов смерти или даже страха смерти на манер столь любимых детьми и подростками «страшилок» и «ужастиков», приверженность к которым выдает во взрослом человеке незрелое восприятие действительности.

И вместе с тем она не страдала институтской боязнью хоть чем-нибудь травмировать чувствительные души. В то время как ее коллеги по детективному жанру Джорджетт Хейер или Дороти Сейерс (а до войны и Д. Диксон Карр) проводили расследование гибели лиц, впервые появлявшихся на страницах только в виде трупов и, соответственно, незнакомых читателям и не вызывающих жалости, Агата Кристи бестрепетно убивала персонажей не просто хорошо знакомых, но нередко очень симпатичных читателям, исключительно по сюжетным основаниям, а не из желания пощекотать нервы.

Такая зрелость ее творческой природы вызывает удивление именно потому, что ни в малейшей степени не была сформирована тем миром, среди которого она жила всю жизнь. Она выросла такой дочерью и такой матерью, такой женой и такой собачницей, какой и следовало ожидать, но она не стала такой писательницей, какой ей положено было бы стать. Как же ей это удалось?

Глава первая

ТАЙНА ЛЮБОПЫТНОЙ СВЕЧКИ

1

«Самое большое счастье, которое может выпасть в жизни, — это счастливое детство. У меня было очень счастливое детство. Милые моему сердцу дом и сад; мудрая и терпеливая Няня; мама и папа, горячо любившие друг друга, сумевшие стать счастливыми супругами и родителями».

С этих слов начинается «Автобиография» Агаты Кристи. Всю жизнь память снова и снова возвращала ее в незабываемую пору детства. Эти воспоминания всплывали в ее романах и стихах, в книгах под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, в письмах, дневниках и интервью. Агата Кристи и ее творчество непонятны без истории ее детства. Но впрямь ли это детство было безоблачно счастливо, или она постаралась себя в этом убедить? Ведь идиллическая картина, которую рисуют автобиография и поздние высказывания и записи, приходит в разительное противоречие с подчеркнутым горьким одиночеством ее маленьких героев, ведущих совершенно тот же образ жизни в родном доме. Каково же в действительности жилось девочке, родившейся в последнее викторианское десятилетие, 15 сентября 1890 года?

Родители...

«Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что в нашем доме в самом деле царило благоденствие и главной его причиной была необыкновенная доброта моего отца. В наши дни доброта не слишком ценится. Людей гораздо больше интересует, умен ли человек, трудолюбив ли, приносит ли пользу обществу, вписывается ли в принятые рамки поведения.

Сейчас мой отец вряд ли заслужил бы одобрение. Он был ленив. Но в его времена никто не работал, имея постоянный доход, никто и не ждал этого. В любом случае я решительно склоняюсь к тому, что из папы не вышел бы работяга.

Только позднее я поняла, как любили его окружающие.

После смерти папы нас засыпали письмами — местные лавочники, извозчики, старые рабочие; то и дело ко мне подходил какой-нибудь старичок со словами:

— Ах, я отлично помню мистера Миллера. Никогда его не забуду. Теперь таких людей не бывает.

Между тем он не обладал ни какими-то особыми достоинствами, ни редкостным умом. У него было простое и любящее сердце, и он действительно любил людей. Выделяло его отменное чувство юмора, он легко мог рассмешить кого угодно. В нем не было ни мелочности, ни ревности, он отличался фантастической щедростью, вплоть до расточительности. Счастливый и безмятежный».

Воистину счастлив отец, которого дочь вспомнит на склоне лет так по-доброму. Но многими годами ранее, в пору зрелости, ее отзыв звучал иначе. Он посвящен не реальному мистеру Фреду Миллеру, а отцу героини «Неоконченного портрета», и принадлежит не самой героине, а рассказчику Дж. Л., но всё же...: «Отец Селии, думаю, мне, был добродушным малым, всеобщим любимцем — пользовался бóльшим успехом, чем Мириам (мать героини. — Е. Ц.), — но не было в нем ее обаяния».

Подлинная миссис Миллер — тоже личность, и личность необыкновенно яркая. Приятно ли девочке, не обладавшей внешним блеском, быть дочерью такой матери? Во всяком случае, она понимала мать — а это немало!

«Мама, урожденная Клара Бомер, в детстве была очень несчастлива. Ее отца, служившего в шотландском полку в Аргайле, сбросила лошадь, он разбился насмерть; моя бабушка, юная и красивая, осталась вдовой с четырьмя детьми на руках и, кроме скудной вдовьей пенсии, без всяких средств к существованию. Ее старшая сестра, только что вышедшая замуж за богатого американского вдовца, написала Клариной матери письмо, в котором предложила взять кого-нибудь из детей на воспитание и обещала обращаться с ребенком как с родным.

Молодая вдова, не выпускавшая из пальцев иголки, чтобы как-то прокормить и воспитать четверых детей, приняла предложение. Из троих мальчиков и девочки она выбрала девочку; то ли оттого, что ей казалось, будто мальчики легче

найдут дорогу в жизни, в то время как девочка нуждается в поддержке, то ли, как всегда говорила мама, потому, что она больше любила мальчиков.

Мама покинула Джерси и поселилась в незнакомом доме на севере Англии. Думаю, нанесенная ей обида, горькое чувство отринутости наложили отпечаток на всю ее жизнь. Она потеряла уверенность в себе и стала сомневаться в чувствах окружающих. Тетя, щедрая, веселая, не имела, однако, ни малейшего представления о детской психологии. Мама получила все: богатство, комфорт, уют, заботу. Но безвозвратно потеряла беспечную жизнь с братьями в своем доме.

В газетных столбцах, отведенных для писем обеспокоенных родителей, я часто наталкиваюсь на просьбы: „Хотела бы передать на воспитание в богатую семью ребенка, чтобы он получил блага, которых я не могу ему обеспечить, — прежде всего первоклассное воспитание и образование“.

Мне всегда хочется кричать: „Не отпускайте своего ребенка“. Дом, семья, любовь и надежность домашнего очага — разве самое лучшее образование в мире может заменить это или сравниться с этим?

Моя мать была глубоко несчастна в новом доме. Каждый вечер она засыпала в слезах, бледнела, худела. Наконец она заболела, и тете пришлось вызвать врача. Пожилой опытный доктор немножко поговорил с девочкой, потом вернулся к тете и сказал:

— Девочка тоскует по дому.

Когда все вскрылось, наступило облегчение, но ощущение отверженности осталось навсегда. Думаю, мама сохранила горечь обиды на бабушку до конца жизни».

Тут нечего прибавить. Похоже, человечество так и не поймет, что разлука ребенка с матерью по любым, вроде бы наиразумнейшим причинам — путь во мрак. Единственное, о чем не упомянуто в автобиографии, — это то, что мать и тетка, столь безжалостно распорядившиеся девочкой, сами выросли на ферме в тяжелых условиях, а происхождение их было каким-то неясным, во всяком случае, нереспектабельным. И богатство досталось тетушке довольно поздно, отчего она и желала насладиться им в самой полной мере.

У теткинго американского мужа Натаниэла Миллера, также

безродного и выбившегося из бедности в стиле «американской мечты», был сын от первого брака, восемью годами старше Клары. Молодой Фред воспринимал богатство как некую данность и мнил себя принадлежащим к сливкам общества. Он вырос воплощенным бездельником-рантье, но без душевной пустоты, которую «золотая молодежь» слишком часто заполняет порочными развлечениями. Фред Миллер умел радоваться жизни, находя удовольствие в обычном светском времяпрепровождении, в коллекционировании и даже в хождении по магазинам, особенно ювелирным. Но обрести действительно прочный статус путем женитьбы ему не удалось — в знатном кругу его поставили на место. И в тридцатилетнем возрасте он обратил взор на племянницу мачехи, которую знал с ее детских лет и чью привязанность к себе давно подозревал. «Пока молодой беспечный повеса курсировал между Нью-Йорком и югом Франции, мама, робкая, тихая девочка, сидела дома, погруженная в мечты о нем, писала в дневнике стихи и вышивала ему кошелек. Этот кошелек отец хранил всю жизнь». Типичный викторианский роман, — только, в отличие от большинства романов литературных, со счастливым концом — нет нужды пересказывать здесь. Они поженились. Родили двух дочерей и сына.

Этих детей никогда не отдавали никуда, кроме положенных школ-пансионов, а младшую девочку, Агату, даже не послали в школу. Но и жизнь рядом с матерью — не всегда жизнь с матерью. Для маленького Вернона из «Хлеба Гиганта» Мэри Уэстмакотт, чье раннее детство до деталей совпадает с детством Агаты Миллер, «двойное божество Мама-Папа» — всего лишь «красивые, восхитительные тени». И не становятся ближе, даже если «Мама часто наносила визиты в детскую, чтобы поиграть „со своим милым малышом“». Вернон переносил ее приходы стойко и вежливо, хотя это значило оставить игру, которой он с головой увлекся, и начать другую, куда менее интересную». И явно чем-то очень личным продиктованы воспоминания героинь романов Мэри Уэстмакотт «Дочь есть дочь» и «Бремя» о «небрежно-добродушном безразличии» родителей к детям. А между тем последний роман написан одновременно с началом «Автобиографии»! Так что слова о «счастливых родителях» в воспоминаниях Агаты Кристи стоит понимать буквально: они сами были счастливы. Но были ли счастливы их дети?

Если не любовь, то что получили дети в родном доме?

Дом... В Англии это слово значит столько, сколько ни в одной другой стране мира ни сейчас, ни прежде. Дом — средоточие всего, опора на всю жизнь, то, что надо любить, беречь и сохранять до последней крайности, ценою любых страданий и даже преступлений (вспомним «Загадку Эндхауза»!). Дом назывался Эшфилд и находился в Торки. Эшфилд исчез с лица земли еще при жизни Агаты Кристи, уничтоженный урбанизацией. Его сохранили лишь старые фотографии и память девочки, родившейся в его стенах.

Торки — городок на южном побережье Англии, в графстве Девоншир, слывший в ту пору модным летним и особенно зимним курортом (ибо лето почиталось слишком жарким: шутка ли? бывает порой +21!). Летние удовольствия на этой второй Ривьере связывались с купаниями в море (из купальных кабинок, завозимых в море в отдельных бухтах для леди и джентльменов), с крокетом и теннисом (в корсетах и шляпках с перьями), регатой с фейерверком и праздниками в саду. Зимние радости ассоциировались отнюдь не с горными лыжами и иным времяпрепровождением на льду и снегу, а с «дневными концертами, интересными лекциями, балами и оживленной светской жизнью». Рядом находился Эксетер с древним знаменитым собором, что также служило ко славе Торки. В самом городке накануне рождения последнего ребенка в семье Миллеров заложили новую церковь, отец внес определенную сумму на ее строительство от имени новорожденной, и мисс Агата Мэри Кларисса Миллер получила свою церковь. А вокруг простирались еще не застроенные, покрытые цветами луга и даже остатки лесов. Бодрящий морской воздух, свежая английская зелень — завидно красивый и здоровый фон для счастливого детства. Городок состоял из прелестных вилл, широко расползшихся по очень пересеченной местности. Одной из этих вилл и был Эшфилд, особняк на вершине крутого подъема от моря, с парадными и жилыми комнатами, с помпезной оранжереей, наполненной тропическим благоуханием, с бесчисленными лестницами и переходами. Но вся эта пышность оставалась уделом взрослых. Миром девочки был Сад — еще одно святилище англичанина.

«Прекрасный, надежный и вместе с тем такой волнующий мир детства! Меня, наверное, больше всего увлекал сад. С каждым годом он значил для меня все больше и больше. Я знала в нем каждое дерево и каждому приписывала особую роль. С незапамятных времен он делился для меня на три части.

Во-первых, огород, обнесенный высокой стеной,

примыкающей к дороге. Совершенно неинтересно, если не считать клубники и зеленых яблок, которые я поглощала в огромных количествах. Кухня — все ясно. Никакого волшебства.

Потом шел собственно сад — вытянутая в длину лужайка, сбегаящая по склону холма, усеянная разными интересными „существами“. Каменный дуб, кедр, секвойя (такая высокая, что голова кружилась). Две пихты, по неясной для меня теперь причине олицетворявшие моих брата и сестру. Я осторожно проскальзывала на третью ветку дерева Монти. Если же тихонько пробраться вглубь кроны дерева Мэдж, можно было сесть на гостеприимно изогнувшуюся ветку и оттуда никем не замеченной наблюдать за жизнью внешнего мира. И еще там было дерево — я называла его скипидарным — с густой и сильно пахнущей смолой, которую я тщательно накапливала: это был „драгоценный бальзам“. И возвышался бук — самое высокое дерево в саду, щедро раскидывавшее кругом орешки, которые я с наслаждением поедала. Медный бук, который тоже рос в нашем саду, я почему-то не причисляла к своим деревьям.

И наконец, лес. В моем воображении он выглядел, да и сейчас смутно вырисовывается как самый настоящий Нью-Форест. Лиственный, скорее всего, ясеневый лес с вьющейся между деревьями тропинкой. Все, связанное с представлением о лесе, жило здесь. Тайна, опасность, запретное удовольствие, неприступность, неведомые дали...

Лесная тропа выводила к крокетной площадке или теннисному корту на вершине откоса против окна гостиной. Тотчас волшебство кончалось. Вы снова оказывались в мире повседневности, где дамы, придерживая подол юбки, катили крокетные шары или в соломенных шляпках играли в теннис».

Ах, времена, когда дамы в пышных платьях с талиями в рюмочку казались унылой обыденностью! Но какое счастье для ребенка жить в таком саду! Там можно было бесконечно катать обруч, играя в железную дорогу, часами скатываться с холма на деревянной лошадке, бегать с собственным терьером Тони — и все это даже без пригляда взрослых, уверенных в безопасности девочки, надежно огражденной от мира, лежавшего за изгородью.

Но английская приморская погода не часто позволяет беззаботно гулять даже вблизи дома. Приходится возвращаться домой. А Дом — это

детская, Дом — это не мама и папа, а Няня. Няня на всю жизнь осталась для Агаты существом с большой буквы. Она была рядом с маленькой Агатой днем и ночью, укладывала спать, одевала, купала, гуляла с нею, любила спокойно и ровно, без эмоций — и сердечко девочки было отдано Няне безраздельно, ибо больше любить ей было некого.

Отца она видела по утрам, когда заходила к нему в спальню пожелать доброго утра и поглядеть, сколько медяков завалялось в его карманах — из них складывались ее собственные средства: «Что судьба уготовила мне на этот раз: двухпенсовик? пятипенсовик? Однажды целых восемь пенсов! А иногда вовсе ничего. Незнание делало ожидание волнующим». И этим все первые годы общение исчерпывалось. Фред Миллер вел характерно английскую жизнь клубмена:

«Каждое утро он покидал наш дом в Торки и отправлялся в свой клуб. К обеду возвращался в коляске, а после полудня снова ехал в клуб играть в вист и приезжал домой как раз вовремя, чтобы переодеться к ужину. Весь сезон он коротал свои дни в Крикетном клубе, президентом которого состоял.

Иногда папа с удовольствием играл в любительских спектаклях. У него было несметное количество друзей, и он обожал приглашать их в гости. Два или три раза в неделю родители выезжали сами».

Маму девочка видела тоже единожды в день, если не считать тех минут, когда она восхищалась ею издали, видя из верхнего окна, как та в роскошном туалете садится в коляску, или следя с площадки лестницы, как та встречает оживленных гостей. Мать вставала поздно, поэтому общались они с дочкой ближе к вечеру: «После чая меня наряжали в накрахмаленное муслиновое платье и я спускалась в салон, чтобы поиграть с мамой». Если же мать пила чай у подруг, если родители отправлялись в гости, в театр, на концерт, если они уплывали за океан к американским родным, если проводили зиму в Египте... тогда и такие недолгие встречи с матерью прекращались. Все это было в порядке вещей, и подчиняясь законам природы, дети все-таки любили родителей. Но не любимую ли маму и всех милых викторианских леди жестко клеймит диалог дочери-подростка с матерью из романа «Разлука весной»?

«— Мама, а что ты, собственно говоря, для нас сделала? Может быть, ты нас купала собственными руками?

— Нет, я не купала вас, но...

— Может быть, ты готовила нам обед или причесывала нас? Нет, все это делала Нэнни. Она укладывала нас в кровати, а утром будила. Ты не чинила нам одежду, потому что это делала Нэнни. Она водила нас на прогулку...

— Да, моя дорогая. Просто я наняла Нэнни, чтобы она присматривала за нами. Я хочу сказать, что я за это платила ей жалованье.

— Нет, это папа платил ей жалованье... Но ведь ты, мама, не ходишь на работу каждое утро, а ходит папа. Почему ты не ходишь на работу?

— Потому что я веду домашнее хозяйство.

— Неправда, это делают Кэти и повар, а еще...

— Замолчи сейчас же, негодница!»

Впрочем, в семействе Миллеров и отец не работал, и мама участвовала в светских увеселениях лишь по желанию супруга, помнила о детях и оказывалась рядом тогда, когда они особенно в ней нуждались. Впервые маленькая Агата почувствовала это в ужасный день, когда пропала любимая канарейка Дики (или более официально Голди):

«До сих пор помню, как нескончаемо долго тянулся тот мучительный день. Он не кончался и не кончался. А я плакала, плакала и плакала. Клетку выставили за окно с кусочком сахара между прутьями. Мы с мамой обошли весь сад и все звали: „Дики! Дики! Дики!“ Мама пригрозила горничной, что уволит ее за то, что та, смеясь, сказала: „Должно быть, его съела кошка“, после чего я заревела в три ручья.

И только когда я уже лежала в постели, держа за руку маму и продолжая всхлипывать, где-то наверху послышался тихий веселый щебет. С карниза слетел вниз Мастер Дики. Он облетел всю детскую и потом забрался к себе в клетку. Что за немыслимое счастье! И представьте себе только, что весь этот нескончаемый горестный день Дики просидел на карнизе.

Мама не преминула извлечь из этого происшествия урок для меня.

— Смотри, Агата, — сказала она, — до чего же ты глупенькая. Сколько слез пролила впустую! Никогда не плачь заранее, если не знаешь точно, что случилось.

Я уверила маму, что никогда не буду плакать зря. Но кроме чуда возвращения Дики что-то еще случилось со мной тогда: я ощутила силу маминой любви и ее сочувствие в момент моего горя. Единственным утешением в тот миг полного отчаяния была ее рука, которую я сжимала изо всех сил. В этом прикосновении было что-то магнетическое и успокаивающее. Если кто-то заболел, маме не было равных. Только она могла придать вам силы и жизнестойкость».

Канарейка снова вернулась в клетку над кроваткой. Эту птичку ее хозяйка не забывала никогда. И до последних дней помнила как «самое острое ощущение: Голди, слетающий с карниза для штор после целого дня наших безнадежных, отчаянных поисков»...

3

Няня внушала мисс Агате основы пуританской морали и веру в незыблемость социальных устоев Британии. Она разрушила горделивую мечту девочки стать в один прекрасный день «леди Агатой»: «Этого не случится никогда. Никогда. Чтобы стать леди Агатой, вы должны родиться ею». Но не просто разрушила, а научила смиряться перед неизбежным — «недостижимое существует, важно осознать эту истину как можно раньше, и она сослужит вам хорошую службу в жизни».

Няня уделяла воспитаннице ровно столько внимания, сколько следовало по убеждениям тех лет, не часто отрываясь от бесконечного рукоделия за столом в детской: «Досыта насладившись игрой в сад, я возвращалась в детскую, где царила Няня — раз и навсегда, непреложно и неизменно. Может быть, оттого, что она была уже совсем немолода и страдала ревматизмом, я всегда играла рядом с Няней, но никогда — с ней самой».

Одинокие игры в большом саду, одинокие игры в большой детской рядом с Няней — так и шла жизнь маленькой Агаты изо дня в день пять первых лет. Но ребенок не может, не должен жить совсем один! если друзей нет, придется их выдумать: «Больше всего я любила превращаться в кого-нибудь. Сколько себя помню, в моем воображении существовал целый набор разных придуманных мною друзей». Сейчас психологи могут осуждать взрослых, на все ранние годы лишивших девочку не только друзей-сверстников, но и своего дружеского внимания, и обрекших на

жизнь в выдуманном мире. Однако Няня сделала свое: вольно или невольно развила в ребенке бурное воображение, столь пригодившееся ее последней воспитаннице впоследствии.

И мама внесла свою лепту:

«Очарование рассказов мамы состояло в том, что она ни разу не повторила ни одного из них, ее истории всегда были разными, и мы в самом деле ни разу не играли с ней в одну и ту же игру. Одна сказка, как я вспоминаю, была о мышке по имени Большеглазка. С Большеглазкой происходили разные приключения, и вдруг однажды, к моему ужасу, мама объявила, что сказки о Большеглазке кончились. Я так плакала, что мама сказала:

— Но я расскажу тебе о Любопытной Свече.

У нас были готовы уже два эпизода из жизни Любопытной Свечи, явно носившие детективный характер, когда вдруг, ни с того ни с сего, появились непрошенные гости; они пробыли у нас несколько дней, и наши тайные игры и истории повисли в воздухе неоконченными. Когда гости наконец уехали, я спросила маму, чем же кончается „Любопытная Свеча“, — ведь мы остановились в самом захватывающем месте, когда преступник медленно подливал яд в подсвечник, — мама страшно растерялась и явно не могла вспомнить, о чем идет речь. Этот прерванный сериал до сих пор тревожит мое воображение».

Вот он — первый детектив, услышанный в столь нежном возрасте и тогда же оборванный на самом интересном месте! что же еще нужно?!

Агата была самой младшей в семье, и можно даже заподозрить, что родилась нежданной. Десятью годами старше ее были погодки Мэдж (Маргарет) и Монти (Луис Монтан). Брат — «тяжелый случай»: обаятельнейший, всю жизнь внушавший окружающим — особенно женщинам — желание ему помочь и принимавший их помощь как нечто ему причитавшееся по праву, готовый увлечься чем угодно, но не преуспевший ни в чем. В нем несчастливо соединились весь внешний блеск и вся внутренняя неуверенность родителей. Сестра — «умница»,

красавица, выдумщица, пользовавшаяся исключительным успехом у противоположного пола, добрая к младшей сестренке, сочинительница забавных историй... но кто ж из поклонников Агаты Кристи ее не знает? Ирис из романа «Сверкающий цианид» имела сестру:

«Вот она, крошечный ребенок, ест хлеб с молоком, а Розмари, полная достоинства, делает за столом уроки.

Взморье, лето — Ирис завидует Розмари, которой, как „большой девочке“, позволяют купаться!

Розмари учится в пансионе и приезжает домой на каникулы. Теперь Ирис сама уже школьница, а Розмари в Париже „заканчивает образование“. „Закончившая образование“ Розмари возвращается из Парижа до невозможности изящная, с голосом, звучащим как музыка, красивая, покачивающая бедрами, с каштановыми, отливающими золотом волосами и огромными подкрашенными темно-синими глазами. Взрослая, томящая душу красавица, появившаяся из другого мира!»

Агата Кристи убила Розмари, Мэри Уэстмакотт вообще выбросила сестру из «Неоконченного портрета», оставив только брата и передав некоторые функции сестры кухне. Фрейдисты откапывают тут кучу комплексов писательницы. Но Розмари — пустоголовая кокетка, лишь внешне схожая с Мэдж. Настоящую Мэдж Агата обожала в детстве, уважала позднее и всю жизнь сохраняла с нею самые близкие отношения — а этим могут похвастаться немногие сестры со столь большой разницей в возрасте!

Но старшие брат и сестра — редкие гости в родительском доме. Круглый год они пребывали в пансионе или Париже, Итоне или Оксфорде, встречаясь с малышкой на каникулах. Зато в наследство от них она получила игрушки и безраздельное владение огромной комнатой для игр. Куклы и кубики особенного интереса не представляли, мягких игрушек — поверить трудно! — еще не выдумали.

«Главное удовольствие в дни, когда нельзя было гулять в саду, конечно же доставлял мне самый обыкновенный крашеный кукольный домик со свободно подвешенной передней стеной, за которой открывались кухня, столовая и холл на первом этаже, а на втором — две спальни и ванная комната. По крайней мере с этого все начиналось. Потом, постепенно, предмет за предметом,

приобреталась мебель. Тогда в магазинах был огромный выбор очень дешевой кукольной мебели.

Я до сих пор помню обворожительные вещи, которые можно было купить. Продукты например. Маленькие картонные тарелочки — жареная курица, яичница с ветчиной, свадебный торт, баранья ножка, яблоки и апельсины, рыба, бисквит, рождественский пудинг с черносливом. Плоские коробки с ножами, вилками и ложками. Наборы крошечных рюмок. И наконец, собственно мебель. В моей гостиной стоял гарнитур из обитых голубым атласом стульев, к которым я постепенно подобрала софу и довольно громоздкое золоченое кресло. Здесь же стояли туалетный столик с зеркалом, круглый полированный обеденный стол и уродливый столовый гарнитур, отделанный оранжевой парчой. Лампы и вазы, особенно вазы с цветами. Ну и, конечно, все, что требуется в домашнем хозяйстве: щетки, совки, метла, ведра, кастрюли.

Вскоре мой кукольный домик стал похож на мебельный магазин.

А можно — вдруг можно? — чтобы у меня был еще один кукольный домик?

Мама не считала, что маленькой девочке полагалось иметь два кукольных домика. Но почему бы, осенило маму, не попробовать, предложила она, использовать для этих целей буфет? Так в моем распоряжении оказался буфет — это был бешеный успех.

Еще одним упоительным развлечением был переезд. Грузовой машиной служила большая картонная коробка. Мебель грузили в машину и за веревочку тянули по комнате, совершая несколько кругов, пока грузовик не останавливался у „нового дома“. (Переезд совершался, по крайней мере, раз в неделю.)

Сейчас мне совершенно ясно, что я продолжаю играть в дома до сих пор. Я сменила бесчисленное множество домов, покупала дома, меняла их на другие, обставляла, отделявала, перестраивала. Дома! Благослови, Господь, дома!»

богатым. Богат, собственно, был покойный отец Фреда Миллера, настоящий «selfmade man». Его сын принимал как должное наличие земельных владений на Манхэттене и постоянный доход. Сколь был он велик? Фред Миллер об этом не задумывался, а его дочь так никогда и не разобралась, сколько денег и куда утекло между пальцев отца.

В доме было необходимое количество прислуги.

«Слуги работали с утра до вечера не покладая рук. Джейн каждый день приготавливала к обеду пять различных блюд на семь или восемь персон. А если ждали гостей, то на двенадцать или больше, причем каждое блюдо дублировалось: два супа, два рыбных блюда и т. д. Горничная чистила около сорока серебряных рамок для фотографий и туалетное серебро.

Она должна была наполнять сидячие ванны и потом выливать из них воду (маме казалось ужасным пользоваться общей ванной комнатой), четыре раза в день приносить в спальню горячую воду, зимой зажигать в спальнях камины и каждый день менять постельное белье. Другая горничная занималась чисткой изрядного количества столового серебра и мытьем посуды — хрусталя с особой тщательностью. Она также накрывала на стол.

Несмотря на такую тяжелую работу, мне кажется, слуги были счастливы, главным образом потому, что их ценили как настоящих специалистов, выполняющих работу, требующую высокой квалификации. Они ощущали высокий престиж своего труда и надменно взирали сверху вниз на всяких там продавщиц и прочую мелюзгу».

Возможно, все это верно, но добавим вскользь, что слуги, живя на полном содержании, получали ничтожное жалованье, которого ни при каких обстоятельствах не могло хватить на семью. Поэтому служанки и кухарка — всегда либо молодые девицы, ищущие женихов, либо состарившиеся в услужении старые девы (как Джейн). Встречались в услужении и бездетные пары (типа кухарка — дворецкий), но всегда пожилые, и остается гадать, посчастливилось ли им избежать потомства или их приняли в дом только тогда, когда шанс родить ребенка окончательно исчез. В любом случае ребенок и службы были несовместимы. Трагична история кухарки Агатиной бабушки, тайно родившей незаконную Дочь и сразу от нее отказавшейся не только из соображений морали, но и потому, что своим трудом не смогла бы ее

прокормить. Но если слуги и не были впрямь счастливы, они зато были интересны:

«Если бы я вдруг оказалась теперешним ребенком, то, может быть, сильнее всего тосковала бы по слугам. В каждодневную жизнь ребенка они вносили, конечно, самые яркие и сочные краски.

Со слугами меня связывали гораздо более близкие отношения, чем с мамиными друзьями. Стоит мне закрыть глаза, как я вижу Джейн, царственнодвигающуюся по кухне, с необъятной грудью, невероятного объема бедрами, перепоясанную тугим накрахмаленным кушаком. Это была олимпийка. И только когда ей предстояло приготовить большой званый обед, Джейн чуть-чуть краснела. В такие дни меня изгоняли из кухни беспощадно.

— Сегодня, мисс Агата, у меня нет времени. Хлопот полон рот. Вот вам горсть изюму. Отправляйтесь в сад и больше не беспокойте меня!

Я немедленно ретировалась, как всегда под большим впечатлением от непререкаемости ее высказывания».

Это вечное стремление викторианских детей на кухню объяснялось отчасти тем, что там было самое теплое помещение в доме, лишенном настоящего отопления, и тем, что там остро ощущалась чуждая миру леди прелесть созидательного труда, — и тем, что там непременно перепадало что-нибудь вкусненькое в ротик, вечно голодный от «положенного питания».

Миллеры не считались ни родовитым, ни даже зажиточным семейством, большинство их друзей были не знатнее, но богаче. Оглядываясь назад, Агата признавала, что «мы жили вполне комфортабельно, но не более того». Они не держали ни дворецкого, ни лакея, ни личной горничной матери, не имели выезда с кучером (впрочем, выезд редко имели даже настоящие богачи, ограничиваясь экипажем с наемными лошадьми, так как содержать конюшню было просто неудобно). У них были кухарка и две-три служанки, а по тем временам меньше нельзя было себе представить — и это верно, ведь пылесосов и полуфабрикатов, столь облегчающих жизнь, еще не изобрели! Но не всему можно верить в воспоминаниях о будто бы небогатой жизни. «Если в дождливый день мы собирались пойти к друзьям на чашку чая, то полторы мили шагали под

дождем в плащах и галошах. Мы никогда не вызывали кеба, разве что речь шла о настоящем бале и под угрозой оказывался бальный наряд». Однако Фред Миллер ежедневно ездил в клуб в кебе. Неужели дамы его семьи не могли себе этого позволить?!

Зато угощение, принятое в Эшфилде, отличалось поистине невероятной — и даже не английской! — изобильной роскошью.

«Тут уж, казалось бы, никак нельзя было обойтись без помощи повара и поварят. Недавно мне попало на глаза меню одного из наших давних обедов (на десять персон). Сначала предлагался выбор из двух супов — пюре и бульона, за ними следовало горячее тюрбо из палтуса или язык. После этого шел шербет, за ним седло барашка. И уж полной неожиданностью был лангуст под майонезом; на сладкое пудинг „Дипломат“ или русская шарлотка и потом уже десерт. А все это готовила одна Джейн».

И к обеду приходили не одни никому теперь неизвестные богачи. Бывала чета Киплинг, бывал Генри Джеймс, по соседству жил знаменитый тогда Иден Филпотс; миссис Миллер превосходно музицировала, мистер Миллер слыл артистом, оба они писали любительские рассказы и стихи — маленькую Агату окружала литературно-музыкальная атмосфера, далекая от серой буржуазности.

Впрочем, знаменитости не обращали внимания на девочку в муслиновом платьице, смотревшую на них с любопытством, никак не связанным с их славой.

Зачем-то мистер Джеймс ломает куски сахара руками, как-то непонятно общаются между собой мистер и миссис Киплинг... Куда заманчивее самой отправиться в гости к бабушке-тетушке (как называли мамину тетку для различения с маминой матерью). Поездка в пригород Лондона Илинг — словно поездка за границу. Во-первых, сам дом, больше и пышнее Эшфилда, таил главную прелесть — уборную!

«Роскошное, широкое сиденье красного дерева. Сидя на нем, я чувствовала себя как Королева на троне, быстро превращала Диксмистресс в Королеву Маргариту, Дики — в ее сына, Принца Голди — в наследника трона. Он сидел по правую руку от Королевы, на маленьком ободке, обрамлявшем рукоятку из веджвудского фарфора. Я уходила туда с утра, чтобы проводить

аудиенции, протягивать руку для поцелуев, и сидела до тех пор, пока не раздавался отчаянный стук в дверь: кто-то требовал, чтобы я немедленно уступила место».

Во-вторых, дом велся на самую широкую ногу, кладовка бабушки-тетушки была битком набита наивкуснейшими лакомствами, воскресный холодный ленч мог удовлетворить аппетит самого Гаргантюа и подавался на самых красивых в мире тарелочках с нарисованными фруктами. Но подлинным притяжением служила, пожалуй, сама бабушка-тетушка, хотя ни тогда, ни позднее Агата не отдавала себе в этом отчета. Некогда бестрепетная мамина воспитательница и папина мачеха, старая миссис Миллер любила внучатую племянницу. Единственная в семье, она радостно приветствовала малышку по утрам, когда та зарывалась в ее роскошную, под алым балдахином, постель; потом они весело играли «в цыпленка» в гостиной и девочка хохотала и визжала от восторга — ведь больше с нею никто никогда по-настоящему не играл.

Дома и Сады, Няня, бабушка-тетушка и иногда мама, канарейка Дики-Голди, песик Тони и кукольный домик, комфорт английского семейного очага и кухонные радости — вот слагаемые викторианского счастливого детства. И было еще одно — для мисс Агаты не взяли гувернантку! она имела счастье никогда не учиться! В последующие годы она поражала окружающих глубочайшим невежеством в простейших вопросах, даже таких элементарных, как прямой угол. Но ребенка отсутствие систематических занятий не могло не радовать.

Ее увлекающаяся разными новейшими теориями мама в тот момент «целиком отдалась идее, что единственный путь для воспитания и образования девочек — это предоставить им возможность как можно дольше пастись на воле; обеспечить им хорошее питание, свежий воздух, ни в коем случае не забивать им голову и не принуждать ни к чему». Агате прямо *запрещали* учиться читать, но это не подействовало: к пяти годам она овладела грамотой естественным путем, без всякого сознательного обучения. И тотчас открыла для себя детскую литературу от бессмертных стихов и считалок «Матушки-Гусыни» и «Алисы» до бесчисленных сентиментальных и поучающих викторианских повестей о страданиях маленьких девочек. Она читала все без разбора, запомнив на всю жизнь

стишки, а в более сложных книжках часто ничего не понимала и, признаться, не проявляла хорошего вкуса.

Маму искренне огорчил дочкин успех в чтении, а отец заявил, что уж тогда следует заодно научиться и писать. В области правописания мисс Агата проявила столь феноменальную тупость, что так и не сумела овладеть основами грамматики ни английского, ни — позднее — французского языка. Зато ей легко давалась арифметика, которой после завтрака обучал ее лично отец. Ей нравились сюжеты задач, ей доставляло удовольствие разбираться в их хитросплетениях и покорять себе цифры (хотя иногда она не могла решить, должен ли ответ получиться в овцах или в людях). Тем не менее они с отцом быстро дошли до десятичных дробей, но существование алгебры и геометрии осталось девочке неизвестным (как, по-видимому, и самому учителю?). Миссис Миллер, правда, любые сложения-вычитания казались тайной за семью печатями: «Маму удивляло, что я так люблю арифметику, так как она никогда не чувствовала вкуса к бесполезным, по ее мнению, цифрам, доставлявшим ей кучу хлопот в связи с приходившими домой счетами, заботу о которых в конце концов брал на себя отец».

Наибольшие, наследственно предсказуемые таланты Агата сразу же проявила в музыке. С первого занятия она выказала слух, технику, усердие и даже чрезмерное рвение и скоро играла весьма сложные пьесы. Не столь приятным, но единственно обязательным для девочки было посещение танцевального класса. В Торки на занятия ходили одни девочки, а в Илинге — обширном и весьма светском — в классе оказалось довольно много мальчиков. С непривычки Агата робела, ее неуверенность в своих способностях к танцам ставила ее в невыгодное положение: ей доставались наихудшие кавалеры, и она терпела разочарование за разочарованием в общении с противоположным полом. Но танцевать ее все-таки научили.

Тем и исчерпалось полученное ею образование.

Недостаточность собственных знаний не беспокоила маленькую Агату, ибо она о ней не подозревала, а вот учиться и играть без сверстниц казалось очень одиноко. И тогда она выдумала Школу.

«Школа служила лишь местом для семи девочек разных возрастов и разной наружности, вышедших из различных социальных кругов. У Школы не было названия — просто Школа.

Первые девочки, которые появились в ней, — это Этель Смит и Анни Грей. Этель Смит было одиннадцать лет, а Анни — девять. Этель, брюнетка с пышной гривой волос, отличалась

умом, любила играть в разные игры и говорила басом. Ее лучшая подруга Анни Грей, с льняными колечками волос и голубыми глазами, была полной противоположностью; она постоянно робела, нервничала и чуть что начинала плакать. Она держалась за Этель, свою верную защитницу. Мне нравились обе, но все же я предпочитала смелую и сильную Этель.

К Этель и Анни я прибавила еще двух девочек: Изабеллу Салливан, богатую золотоволосую красавицу с карими глазами. Ей было одиннадцать лет. Я не просто не любила Изабеллу — я ее ненавидела. Она была „светская“. Она важничала, хвасталась своим богатством и носила слишком дорогие и шикарные для ее возраста платья. Ее кузина, Элси Грин, похожая на ирландку, с темными кудрявыми волосами и голубыми глазами, была очень веселая и непрерывно хохотала. Относясь к Изабелле в целом положительно, она тем не менее иногда как следует отделявала ее. Элси была бедная; она донашивала старые платья Изабеллы, и это иногда вызывало в ней обиду, но не слишком сильную, потому что у нее был легкий характер.

Кое-какое время мне прекрасно жилось с ними. Они путешествовали со мной по „Трубной“ железной дороге, ездили верхом, занимались садоводством и подолгу играли в крокет. Я часто устраивала турниры, состоящие из нескольких матчей. Все мои надежды были сосредоточены на том, чтобы ни в коем случае не выиграла Изабелла. За исключением жульничанья, я прилагала все старания, чтобы помешать ей выиграть: криво держала ее молоток, била быстро, почти не целясь, и, несмотря на все это, чем более небрежно я играла, тем больше везло Изабелле. Она попадала в воротца из самых неудобных позиций, посылала шар издали через все поле и почти всегда с успехом; она чаще всего выигрывала или уж, во всяком случае, не вылетала из турнира. Просто невыносимо.

Через некоторое время мне показалось, что было бы неплохо принять в Школу девочек помладше. Ими оказались шестилетние Элла Уайт и Сью де Верт. Пышноволосая Элла, прилежная и трудолюбивая, была невероятно скучной особой. Она всегда готовила уроки, прекрасно продвигалась по „Детской энциклопедии“ доктора Бруэра и очень недурно и фала в крокет. Сью де Верт, на редкость бесцветную, не только внешне, с ее светлыми волосами и бледно-голубыми глазами, но и внутренне,

я просто не чувствовала. Элла и Сью очень дружили между собой, но Эллу я знала как свои пять пальцев, а Сью ускользала от меня. Думаю, причина заключалась в том, что Сью — это на самом деле была я сама.

Должна сказать, что „девочки“ не расставались со мной долгие годы, разумеется меняясь и взрослея. Они участвовали в музыкальных вечерах, пели в опере и получали роли в музыкальных комедиях. Уже взрослой девушкой я то и дело вспоминала их и примеривала им разные платья из моего гардероба.

Я сама смеюсь над собой в такие моменты, но девочки по-прежнему со мной, хотя, в отличие от меня, не состарились. Двадцать три года — самое большее, что я могу представить».

Как пластична детская душа! если подружек нет, их можно выдумать. И, может быть, это не так уж плохо: друзья, которые живут внутри нас, никогда нас не покинут, друзья извне — бог весть...

7

Первое настоящее детское горе — разлука с Няней. Старая женщина, обеспечившая себе комфортную старость, оставила работу. Больше Агата ее не видела. Заботы о ее утреннем и вечернем туалете возложили на одну из горничных. Взрослые отнеслись с полнейшим спокойствием к удару, подорвавшему в ребенке веру в самые основы надежного существования. Что такое уход служащей, есть о чем говорить? Робкая девочка не умела выразить мучившие ее чувства. Каждый день она писала Няне одинаковые короткие письма. Та отнюдь не поощряла упрямую детскую верность.

«Она отвечала мне дважды в месяц милыми, довольно неопределенного содержания посланиями. Думаю, маму очень волновало, что я никак не могу забыть Няню. Позднее мама рассказывала мне, что обсуждала эту проблему с папой. Неожиданно папа ответил с озорным огоньком в глазах:

— А что же особенного, ведь ты всегда помнила меня, когда я был в Америке.

Мама ответила, что это совершенно другое».

Ну конечно, свои привязанности — это совсем не то, что чужие, какое может быть сравнение?

Нескоро прошли бы острая боль и тоска одинокой пятилетней крошки, но клин клином вышибается. Полнейшая неумелость отца в делах создала внезапно финансовые затруднения — и когда! Мэдж исполнилось шестнадцать, настала пора выйти в свет, тут-то и обнаружилось, что средств на лондонский сезон нет. Разочарование матери и сестры не поддавалось описанию. Мама была лишена не только ласки в детстве, но и нарядов в юности, поскольку тетушка упорно видела ее дитем и одевала в фартучки. Поэтому она мечтала дать дочерям всё им причитающееся и мысленно давно видела старшую красавицу в туалетах от лучшей портнихи, представляющуюся ко двору, танцующую с самыми завидными кавалерами. Увы... Подавленный угрозой разорения, отец начал ощущать проблемы со здоровьем. Испытанным средством поправить дела и здоровье считался отъезд за границу, где жизнь на порядок дешевле. Смысл отъезда состоял в том, чтобы сдать дом вместе со слугами за хорошие деньги, уехать на север или юг Франции и поселиться в скромном отеле.

«Если память мне не изменяет, это переселение произошло, когда мне было шесть лет. Эшфилд сдали, кажется, американцам, за внушительную сумму, и семья начала готовиться к отъезду.

Нам предстояло переехать на юг Франции, в По. Естественно, я была в восторге от этой перспективы. Мы поедем, говорила мне мама, в такое место, где увидим горы. Я задавала кучу вопросов. „Они очень-очень высокие? Выше, чем колокольня церкви Святой Марии?“ — спрашивала я с огромным интересом. Выше колокольни Святой Марии я ничего не видела. Да, горы гораздо, гораздо выше. Они поднимаются на сотни, тысячи футов. Я убегала в сад с Тони, захватив с собой огромную горбушку хлеба, выклянченную в кухне у Джейн, и, не переставая грызть ее, принималась обдумывать все это, пытаюсь представить себе горы. Я запрокидывала голову и смотрела в небо. Вот какие будут горы — вверх, вверх, вверх, пока не утонут в облаках».

Старшие не приходили в такой восторг. Миссис Миллер любила горы, но оздоравливающий эффект пребывания в Гаскони был далеко не очевиден, а светский статус тех мест никак не равнялся Ривьере. Выбирать не приходилось — по дешевизне По был вне конкуренции, к тому же

утешала перспектива встретить там некоторых друзей из Америки, чьи обстоятельства, возможно, оказались схожи.

До гор было еще далеко. Требовались паспорта (маленькая Агата почему-то уверилась в их ненужности, но она ошиблась — визы впрямь не требовались, но выправить паспорт, внутри Великобритании не применявшийся и выдававшийся на короткий срок для путешествий к вящей пользе соответствующих служб, было необходимо). Потом начинались Сборы: десятки гигантских, даже двухэтажных, сундуков, огромные кожаные чемоданы и баулы, бесчисленные шляпные картонки, портпледы, перетянутые ремнями с ручками, саквояжи и прочее, прочее. Потом их ждала переправа через море, которую Агата выдержала с честью, гордясь превосходством над страдающими матерью и сестрой. Следующее небывалое событие — ночь в спальном вагоне, на верхней полке! Девочка на всю жизнь влюбилась в поезда.

Наконец По. Но где же горы? «Высь над моей головой — за пределами видимого или постижимого? Вместо этого я увидела на горизонте нечто напоминающее торчащие зубы, в лучшем случае поднимающиеся на один или два дюйма над уровнем земли. Это „это“? Это горы? Я ничего не сказала, но до сих пор ощущаю это чудовищное разочарование».

Конечно, «она ничего не сказала»! Как много раз потом она столкнется с последствиями своей болезненной деликатности, порожденной, вероятно, детским одиночеством...

Взрослые были довольны: американских друзей оказалось даже больше, чем ожидали. Появились и другие. К мисс Агате приставили английскую гувернантку, отлично говорившую по-французски. Однако девочка не желала учить французский, а ее поведение стало безобразным. Неужели это прежнее послушное тихое дитя? сорванец, доводивший вместе с новообретенными американскими подружками персонал отеля до истерик обычными ребяческими выходками вроде замены соли на сахар в солонках, а то и хуже. Однажды болтавшие в гостиной отеля матери получили записку: «С почтением от бельгийской леди, которая живет в другом крыле отеля. Известно ли миссис Селвин и миссис Миллер, что их дети ходят по карнизу на четвертом этаже?»

Бельгийская леди обладала крепкими нервами, коли послала горничную к мамам, а не наверх спасать первым делом детей. Матери зато

проявили все положенные эмоции, дождавшись, когда дети сами влезут в ближайшее (третье от начала их пути) окно, и послав им «приказ немедленно явиться в гостиную миссис Селвин. Обе мамы были вне себя. Мы не понимали почему. Нас отправили в постель на весь оставшийся день. Никакие доводы в защиту не принимались во внимание; нас даже не захотели выслушать. И напрасно.

— Но вы никогда не говорили нам, — наперебой пытались сказать мы, — вы никогда не говорили нам, что нельзя ходить по карнизу».

Наверное, и впрямь не говорили? Но как еще могла девочка выразить свой бессознательный протест против мира, отнявшего у нее Няню? к счастью, ждать избавления от одиночества ей оставалось недолго.

Разочаровавшись как в английской, так и во французской гувернантках, миссис Миллер вдруг пригласила к дочери милую, простую, курносую помощницу портнихи, у которой они с Мэдж шили платья. Мари Сиже происходила из бедной и многодетной семьи, а значит, не могла не обладать умением обращаться с малышами, на ее лице читались спокойствие и добродушие, а главное, она ни слова не понимала по-английски, и не было надежды, что она освоит язык: Агата будет *вынуждена* выучить французский. Так и случилось — через какую-то неделю девочка начала весело болтать с Мари по-французски. Но ее не *вынудили*. Мари стала не няней, а настоящей подружкой, товарищем во всех играх, которым предавалась с той же детской непосредственностью, с нею стало радостно гулять и обмениваться замечаниями обо всем на свете. С ее точки зрения, она получала фантастически высокое жалованье (которое целиком откладывала на приданое, ничего не тратя) просто ни за что, ибо заботиться об одной милой девочке вместо оравы младших сестер и служить у настоящей леди вместо грубой портнихи казалось каникулами души.

Агата снова сделалась кроткой и вежливой. Не слишком ли вежливой? умение постоять за себя, постоять за слабого вопреки внушаемой деликатности — тоже бесполезно. Однажды она напросилась с отцом и сестрой на верховую прогулку в горы под водительством местного услужливого и любезного гида. Тот отлучился в сторону и вернулся с великолепной бабочкой.

«„Для маленькой мадемуазель!“ — воскликнул он. Вытащив из лацкана булавку, он проткнул бабочку и прикрепил ее к моей шляпе! О, ужас этого мгновения! Сознание, что несчастная бабочка отчаянно машет крылышками, пытаюсь избавиться от

булавки. Агония, которая выражается в этих взмахах. Конечно же я ничего не могла *сказать*. Во мне боролись противоречивые чувства. Ведь со стороны гида это было проявлением любезности. Он принес мне бабочку. Он преподнес ее мне как особый дар. Разве я могла оскорбить его чувства, сказав, что такой дар мне не нравится? И вместе с тем как же мне хотелось избавиться от него! А бабочка тем временем трепетала, умирая, я слышала, как бьются о мою шляпу ее крылья. В таких обстоятельствах у ребенка есть только один выход. Я заплакала.

— В чем дело? — спросил папа. — У тебя болит что-нибудь?

Но я не могла ответить. Конечно же не могла. Гид стоял рядом, не сводя с меня внимательного и озабоченного взгляда. Тогда папа сказал довольно сердито:

— Она еще слишком мала. Нечего было брать ее с собой.

Я зарыдала с удвоенной силой».

И только один человек ее понял.

«— В чем дело, Агата? — спросила мама.

Я не ответила. Я только безмолвно смотрела на нее, и слезы продолжали катиться у меня из глаз.

Мама задумчиво разглядывала меня несколько минут, а потом спросила:

— Кто посадил ей на шляпу эту бабочку?

Мэдж ответила, что это сделал гид.

— Понятно, — сказала мама. — Тебе это не понравилось, правда? — обратилась она ко мне. — Она была живая, и ты думала, что ей больно?

О, восхитительное чувство облегчения, сладостное облегчение от того, что кто-то понял твои чувства и сказал тебе об этом, так что ты теперь свободен от кабалы долгого молчания! Я бросилась к маме в объятия, обхватила ее за шею и закричала:

— Да, да, да! Она билась. Она билась. А он был такой милый и хотел сделать приятное. И я не могла сказать».

Многие годы спустя, размышляя над этим эпизодом в «Неоконченном портрете», художник Дж. Л. сочтет, что будущий муж Селии в такой ситуации еще бы оборвал бабочке крылья. Агата была добра, но ее доброта оставалась пассивной. А ее деликатность и неумение сказать «нет» сохранились на всю жизнь. Она понимала их неправильность, и если не сама, то уж ее мисс Марпл коршуном налетала на мальчишек, мучающих

кошек, и пугала их до паники.

Проведя лето в Гаскони, Миллеры побывали проездом в Париже, где их настолько заели комары, что спать пришлось под москитными сетками, и где они впервые увидели диковинное фырчащее чудище — автомобиль. Оттуда перебрались на Нормандские острова — это уже была почти Англия, еще более холодная и ветреная поздней осенью и зимой, нежели родные края (странный маршрут! лето на юге, зима на островах — казалось бы, разумнее поступить наоборот). Единственным развлечением Агаты с Мари стали спектакли по разным сказкам, которые давались почти каждый вечер перед аудиторией из мамы и папы. Отец нередко ими искренне наслаждался, мать мужественно терпела, Мари превосходила самое себя, щеголяя в мужских ролях с открытыми ногами, — Агата впервые познавала притягательную силу театрального искусства.

Но вот, наконец, и возвращение в Эшфилд. Дом. В нем все осталось по-прежнему, никто не покусился на лошадку и обруч, все деревья стояли в целостности и сохранности. И вдобавок рядом теперь была Мари.

Сестра официально «вышла в свет», но на лондонский сезон денег так и не нашлось, пришлось «выходить» в Нью-Йорке, и на время Агата потеряла из виду и ее, и маму. Те вернулись довольно скоро, сочтя разумным во славу американского дебюта посещать лондонские приемы и балы по подписке. Все эти события мира «взрослых» не касались Агаты, но, наверное, ей случалось испытывать ревность, видя, как на несколько лет внимание мамы сосредоточилось исключительно на Мэдж? Об этой ревности очень глухо упоминается в детективных романах, чуть более явно в романах Мэри Уэстмакотт, но ни намеком в «Автобиографии». Никого не удивило, что вскоре Мэдж не знала отбоя от предложений руки и сердца. Вволю поразвлечшись и поразобравшись в жизни, она остановила выбор на сыне маминой старинной приятельницы Джеймсе Уотсе, солидном, состоятельном и достойнейшем молодом человеке, внешне очень сдержанном, в душе робком, в общении скучном. Мама была счастлива породниться с подругой, папа не очень-то желал расставаться со старшей дочерью, но согласие на помолвку, конечно, дал. Агате жених сестры нравился, так как относился к девочке серьезно (потом она убила его под видом мужа Розмари в «Сверкающем цианиде»).

Посреди таких важных событий младшая девочка была почти лишена

даже обычных детских удовольствий. Ее Мари, накопив приданое, покинула Англию после трех лет службы — и связь с нею прервалась, даже в переписке. Новую няню уже не взяли, подружек-сверстниц найти было негде. «Полагаю, мама была настроена против детских праздников, уверенная, что во время них дети перегреваются, перевозбуждаются и переедают и в результате по возвращении домой тотчас заболевают. Наверное, она была права. Наблюдая пышные детские праздники, на которых мне довелось побывать, я раз и навсегда пришла к заключению, что, по крайней мере, треть детей скучает». К счастью, «девочки из Школы» всегда оставались с Агатой, давая спасительный душевный комфорт.

Единственным реальным развлечением была ежегодная ярмарка в Торки. Карусели французского типа, где верхом на лошадке с развевающейся гривой можно было кружиться под приятную музыку; русские горки с их стремительными головокружительными подъемами и спусками. Из двух репродукторов гремела музыка... (тут неясное место в воспоминаниях — радио еще не изобрели, о чем идет речь? граммофон с усилителем?., сомнительно). Показывали и разные редкости в духе старины: самую толстую женщину, человека-паука; устраивали тир, в котором Мэдж и Монти транжирили большую часть времени и денег. Успехом пользовался и кокосовый тир, откуда Монти обыкновенно приносил огромное количество кокосовых орехов. «Я их обожала. Мне тоже иногда позволяли поразить мишень в кокосовом тире, при этом любезный хозяин аттракциона подводил меня так близко к цели, что мне даже удавалось иной раз выиграть несколько кокосовых орехов».

В бесчисленных лавках, вроде рождественских, продавались лакомства и игрушки:

«Моим главным пристрастием были так называемые „пенни-обезьянки“, мягкие, пушистые, по пенни за штуку, насаженные на длинную булавку, которую прикалывали к воротнику пальто. Каждый год я покупала по шесть новых „пенни-обезьянок“, розовых, зеленых, коричневых, красных, желтых, и пополняла ими свою коллекцию. Со временем становилось все труднее отыскать новый цвет.

Мне уже исполнилось двенадцать лет, когда на ярмарке появились золотые рыбки — настоящая сенсация. Весь прилавок оказался уставленным маленькими кувшинчиками, в каждом из которых плавала одна рыбка, — надо было бросать туда пинг-

понговые шарики: если шарик попадал в горлышко, рыбка — ваша. Начиналось это, как и кокосовый тир, сказочно легко. Во время первой регаты, на которой они появились, мы выиграли одиннадцать рыбок и торжественно принесли их домой, чтобы поселить в баке. Но вскоре цена на шарик подскочила с пенни за штуку до шестипенсовика».

По вечерам устраивались фейерверки на набережной. Так как из Эшфилда их было не видно, — разве что отдельные ракеты, взлетающие особенно высоко, — Миллеры обычно отправлялись к кому-нибудь из друзей, живших поблизости от гавани: «Собирались в восемь часов; гостей угощали лимонадом, мороженым и печеньем. Эти вечера в саду — еще одно очарование тех далеких времен, по которому я, не будучи поклонницей алкогольных напитков, очень скучаю».

К тому времени Агата уже осознала, что Эшфилд и его сад — самые родные, но, возможно, не самые прекрасные в мире. Ее мать считала красивейшим поместьем в Торки классический георгианский особняк с огромным парком в 33 акра, стоящий над рекой Дарт, — Гринуэй. Однажды она показала его дочке не без тайной зависти: владельцы Гринуэя принадлежали, конечно, к иному социальному слою, нежели обитатели вилл на холмах Торки. И дело было не только в уровне дохода. Миссис Миллер понимала, что там — мир родовитых семей, до которых им никогда не подняться: родовитость, как и титул леди Агаты, можно получить только от предков!

Семейство Миллер уже не мечтало даже о сохранении прежнего уровня жизни и быстро двигалось к разорению. Девочка не считала это катастрофой — сколь часто она читала о подобных коллизиях в книжках! Как ухитрился папа так расстроить дела, навсегда осталось ей непонятным. Деньги дедушки просто исчезли в неизвестном направлении, а несуществующие доходы проживались в кредит. Отец ничего не умел предпринять, наивно пытался искать работу в Лондоне, но потом нашел наипростейший выход — заболел и умер в своем родном доме в Илинге, предоставив вдове и детям справляться с созданной им ситуацией как умеют. И это тоже была самая что ни на есть викторианская литературная ситуация.

Вспомним, как отец маленькой Сары из повести Фрэнсис Бернетт, получив ложное известие о пропаже денег, вложенных в алмазные прииски, бессовестно — не найти иного слова — умер от горячки, бросив дочь вдали от дома, даже не сообщив никому о ее местонахождении, и только игра случая вернула ее в привычный мир. Конечно, не умри он, не получился бы душещипательный сюжет, но на таких именно сюжетах и вырастали поколения викторианцев. Мужчинам позволялось уходить от своих и чужих неприятностей, болезней и страданий куда угодно: от клуба до гроба. Девочки же безропотно терпели самые жестокие лишения. Любопытно, что литературным мальчишкам, вроде бесподобного маленького лорда Фаунтлероя той же Бернетт, не грозило бедствий страшнее временной потери титула или, в крайнем случае, как у героев Диккенса, унижительной жизни в школе или недолгой работы на фабрике. И не стоит удивляться, что запутавшийся в делах отец Оливера Твиста умирает, губя судьбы детей, в том числе нерожденного младенца. А герой «Морского договора» Конан Дойла от бесчестия и краха карьеры падает в буйной горячке на руки невесты, которая не дрогнула, хотя теряла из-за его промаха даже больше, чем он. А по страницам романов Агаты Кристи скользят милейшие беспомощные джентльмены, оберегаемые и защищаемые своими решительными и предприимчивыми женами. И даже герой знаменитой «Женщины в белом» Уилки Коллинза никогда бы не вступил в смертельную схватку с негодяями за права своей любимой, если бы его не поддержала другая мужественная и гордая женщина.

Фред Миллер скончался на руках жены, оплаканный семьей в лучших традициях викторианских романов, — напрасно думать, что они описывали несуществовавший мир. Но этот мир быстро уходил в прошлое. В том же 1901 году умерла королева Виктория. Викторианская эпоха завершилась вместе с XIX веком.

Глава вторая

СНЕГ НАД ПУСТЫНЕЙ

Наступил XX век. Страхнув бремя позднего викторианства, Англия наслаждалась безмятежностью эдвардианского десятилетия. То была пора карнавальной веселости балов и легкомысленности загородных приемов, изысканности всепроникающего *art déco* и удручающего упадка литературы. Эдвардианство открыло путь эмансипации и гигиене, слой за слоем освободив тела от вороха лишней одежды. Символами перемен стали велосипеды и роликовые коньки для обоих полов. Спорт перестал быть уделом богатых аристократов и бритоголовых профессионалов ринга. Плавание на совместных пляжах сделало смешным купание в бухтах для леди и джентльменов.

1

«Со смертью отца наша жизнь полностью переменялась. На смену безопасному беззаботному миру детства пришла реальность. Для меня не существует сомнений, что незыблемость домашнего очага держится на главе дома — мужчине. Мы привыкли подсмеиваться над выражением „Отец лучше знает“, но в нем отражена одна из характерных черт поздней викторианской эпохи. Отец — это фундамент, на котором покоится дом. Отец любит, чтобы семья садилась за стол в одно и то же время; после обеда отца не следует беспокоить; отец хотел бы поиграть с тобой в четыре руки. Все это выполняется беспрекословно. Отец заботится о том, чтобы семья была сыта, чтобы в доме поддерживался заведенный порядок, чтобы можно было заниматься музыкой».

Оказалось, однако, что предоставленная самой себе миссис Миллер способна трезво оценивать ситуацию и находить разумные решения. Откажись она раньше от милой викторианской женской отстраненности, семья могла бы и не разориться. От финансового краха уцелели деньги, завещанные дедом непосредственно внукам. Каждому досталось по 100 фунтов в год, что вместе с обещанным матери пожизненным небольшим

доходом от одной из дедушкиных фирм оставляло возможность небогатого, но подобающего существования. Однако расходы необходимо было жестко урезать. Первым делом следовало продать Эшфилд и переселиться в домик поскромнее. Но сверх ожидания, она натолкнулась на противодействие детей. Они решительно и единодушно воспротивились продаже Эшфилда и умоляли сохранить его. «Это наш дом, — говорили мы, — и мы не вынесем его потери». Джеймс Уотс обещал небольшую, но постоянную добавку к тещиным деньгам. «Наконец, тронутая, как мне кажется, больше всего моей отчаянной любовью к дому, мама сдалась. Она решила, что, во всяком случае, можно попытаться. Теперь я понимаю, что неблагоприятно было так цепляться за него. Конечно же надо было продать Эшфилд и купить более подходящий дом. Но хотя мама прекрасно понимала это и тогда, а еще больше потом, все же, мне кажется, она была довольна, что мы там оставались: ведь Эшфилд долгие годы так много значил для меня! Мое пристанище, кров, приют, место, которому я действительно принадлежала. Мне никогда не приходилось страдать от отсутствия корней. Хотя сохранять Эшфилд было безумием, именно благодаря этому безумию я приобрела нечто очень ценное: сокровищницу воспоминаний».

Уступив младшей дочери, миссис Миллер, по крайней мере, позаботилась поскорее устроить жизнь старших детей. В следующем сентябре, до окончания срока траура, по ее настоянию Мэдж вышла за Джеймса Уотса. Миссис Миллер, конечно, вслух не объясняла необходимость венчаться без промедления простым желанием избавить дочь от нужды. «Мама уверяла, и, думаю, в этом была доля правды, что с течением времени, когда они с Мэдж сблизятся еще теснее, расставаться станет труднее». Отец Джеймса тоже по каким-то неясным причинам стремился к тому, чтобы сын, едва окончивший Оксфорд, немедленно женился в столь раннем по английским понятиям возрасте. Он даже обещал выделить сыну землю из своих владений и построить дом для молодой пары (годы спустя дом еще не достроили, а когда он был готов, Джеймсу и Мэдж пришла пора занять после смерти старого Уотса родовой особняк).

Англо-бурская война очень удачно разразилась в эти же месяцы и решила судьбу безалаберного Монти, уже бесплодно перепробовавшего несколько профессий. Вступив в армию добровольцем на волне патриотического энтузиазма, он так в ней и остался. Где еще можно было получить жалованье и положение, не облакая себя ответственностью и раздумьями? Военная служба в Африке или Индии, грозившая в ту пору лишь опасностями тропических болезней, была веками испытанным прибежищем для непутевых, но добропорядочных сыновей. Дамы Миллер

вздохнули с облегчением, пристроив «главу рода» к приличному делу.

Сразу по кончине отца Агата осталась в опустевшем Эшфилде совершенно одна, на попечении кухарки Джейн: мама с Мэдж уехали на юг Франции для восстановления душевного покоя. Девочка восстанавливала свой покой доступными ей средствами, пытаясь по-взрослому командовать в доме, что Джейн вежливо игнорировала. Через долгие три недели мать вернулась. Агата очень хорошо осознала глубину уже свершившейся потери и страшно боялась потерять еще и маму.

«Мы не были больше семьей Миллер; немолодая женщина и маленькая наивная девочка, совершенно не готовая к превратностям судьбы, просто оказались теперь вдвоем, и, хотя внешне мало что изменилось, жизнь стала другой.

После папиной смерти у мамы начались сердечные приступы. Впервые я поняла, что значит беспокоиться о других, но, неопытная и маленькая, я сильно все преувеличивала. По ночам я просыпалась с отчаянно бьющимся сердцем, уверенная, что мама умерла. Двенадцать и тринадцать лет — самый подходящий возраст для таких волнений. Думаю, я понимала, что схожу с ума напрасно и что страхи мои необоснованны, но ничего не могла с собой поделать.

Я никогда не признавалась маме в этих ужасных приступах страха за нее, и, наверное, она никогда о них не подозревала. Каждый раз, когда она отправлялась в город, я безумно боялась, что ее могут задавить. Сейчас все это кажется таким глупым, лишним. Со временем, через год или два, мои страхи постепенно улеглись. Конечно, я всегда страдала от избытка воображения, сослужившего мне хорошую службу в моей профессии, в самом деле, фантазия — основа писательского ремесла, но в других случаях она может вызвать массу неприятных переживаний».

Конечно, девочку ужасала перспектива остаться одной в мире, огромность которого она постепенно осознавала. Но дело было не только в страхе за мать. Просто наступила пора бесконечных отроческих переживаний, поиска себя и своего места в жизни: Агата Миллер потихоньку выросла.

После смерти Фреда Миллера жизнь в Эшфилде изменилась. Светское времяпрепровождение никогда не увлекало миссис Миллер в такой мере, как ее мужа. Она была рада свести его практически на нет, хотя чувствовала себя уязвленной быстротой, с которой друзья ее позабыли. Доходы позволили бы жить без всяких лишений, но мать предусмотрительно сэкономила на всем, дабы собрать средства на будущий выход дочери в свет. Большинство комнат теперь заперли, камин топили лишь в двух-трех жилых помещениях, к которым классную комнату с роялем не причислили. Джейн больше не приходилось готовить парадные обеды, хозяйка с дочерью довольствовались макаронами с сыром или рисовым пудингом. Миссис Миллер понимала, что Джейн, с ее великолепным кулинарным искусством, вправе претендовать на более высокое жалованье — она имеет для этого все основания.

«Мама подыскала для Джейн место, где она будет получать больше денег и работать с настоящей помощницей.

— Вы заслуживаете этого, — сказала мама.

Джейн бесстрастно выслушала мамину речь, не выказав никаких эмоций.

На следующее утро, однако, она появилась в маминной комнате:

— Я просто хотела сказать, мэм, кое-что. Я подумала к решила остаться у вас, мэм. Я поняла все, что вы мне сказали, и согласна получать меньше; но я жила здесь очень долго. Все равно брат настаивает, чтобы я приехала к нему потом, и я обещала вести его дом, когда он уйдет с работы: через четыре или пять лет. А до тех пор я остаюсь здесь.

— О, это так великодушно с вашей стороны, — расчувствовалась мама.

Однако в этом соглашении существовал изъян. Привыкнув за многие годы готовить определенным образом, Джейн решительно не могла переменить свои привычки. Один из папиных друзей получал большое удовольствие, слушая, как Джейн по телефону отдает распоряжения.

— Я хочу шесть лангустов — только не омаров, — свежих, и креветок не меньше чем... Но я всегда заказывала двенадцать филе камбалы, — в отчаянии говорила Джейн.

Тот факт, что у нас не было теперь достаточно ртов, чтобы съесть двенадцать филе, даже считая ее и ее помощницу, не

укладывался в голове Джейн».

Все же миссис Миллер деликатно и постепенно сократила расходы, взяла на себя заказ продуктов и составление меню. Мысль о возможности варить макароны самой, конечно, не приходила ей в голову. А для ее дочери преданная Джейн навсегда осталась образцом служанки, «каких теперь уже нет».

Проблемы экономии не беспокоили Агату: так ли уж важно, что купить — леденцы или шоколад? а если она ела теперь гораздо меньше, чем требовал быстро растущий организм подвижной девочки-подростка, то бледные тощие барышни не представляли ничего необычного в Англии. В тринадцать лет она вымахала почти под метр семьдесят, но не имела, к глубокому своему разочарованию, даже признаков округлости груди. Она по-прежнему оставалась в одиночестве. Только на смену одиноким играм в саду Эшфилда пришли более активные спортивные занятия. Она открыла для себя радость быстрого движения: в Торки около бездействовавшей зимой эстрады создали скейт-ринг: приноси свои коньки, плати два пенса и катайся до упаду. А в августе — сентябре ни дождь, ни шторм не мешали купаниям в море.

Нравы претерпели необратимые изменения. Прежние крошечные, укрытые от малейшего взора бухты для раздельного купания леди и джентльменов не исчезли, но появились просторные пляжи для совместного купания. Никакие возражения ретроградов не останавливали прогресс, разве что в области безобразных и неудобных купальных костюмов. «Купальные костюмы оставались цитаделью добродетели вплоть до моего замужества. Хотя совместное купание уже широко распространилось, старые леди и консервативно настроенные семейства все еще рассматривали их как нечто весьма подозрительное. Но прогресс брал свое, не щадя даже маму. Мы часто ходили на пляжи, где разрешалось купаться женщинам и мужчинам. Насколько я помню, мужчины не особенно стремились предаваться радостям совместного купания; они твердо оберегали свою независимость. И если некоторые из них отваживались появиться на Мидфут-Бич, то при виде сестер своих друзей приходили в смущение, так как по-прежнему считали их чуть ли не обнаженными».

Но если физическое развитие девочки не оставляло желать лучшего, с ее интеллектуальным образованием все обстояло по-старому. Ее ничему систематически не учили, даже не поощряли к серьезному чтению. Она по-прежнему читала сентиментальные романы для девочек и мечтала о

приключениях. По утрам на смену арифметике, умершей вместе с отцом, пришла история: «Я корпела над трудом под названием „Великие исторические события“. Проработав каждую главу, мне нужно было ответить на вопросы, помещенные в конце. Из нее я узнавала о главных европейских и мирового значения событиях, произошедших во время правления английских королей, начиная с короля Артура. Как приятно, когда вам твердо говорят, что король Такой-то плохой; эта книга отличалась библейской категоричностью. Я узнала даты рождения и смерти всех английских королей и имена всех их жен, — не могу сказать, чтобы эта информация хоть сколько-нибудь пригодилась мне в жизни». Конечно, можно пожалеть о прискорбно низком уровне образованности самой миссис Миллер, которая создала у дочери представление об истории как собрании бесполезных дат, даже не попытавшись познакомить со смыслом этой науки хотя бы по историческим романам. Столетием раньше высказанная великой Джейн Остин мысль, что подлинно образованную женщину отличает «развитый обширным чтением ум», была начисто забыта викторианцами. И мисс Агата осталась прямо в Митрофанушкиной уверенности, что все ей неизвестное и знать-то не стоит!

Зато она, к радости матери, проявила таланты в сфере, как нельзя лучше способствующей надеждам на замужество. В округе появилось семейство Хаксли, небезупречное в смысле происхождения, зато страстно увлеченное любительским театром. Музыкальные таланты и врожденный сильный голос Агаты Миллер навели их на мысль поставить оперу. Она удивила всех и даже себя свободой, с которой сразу же вышла на публику: «Помнится, я не испытывала на сцене ни малейшего страха. Не странно ли для особы столь застенчивой, которой порой стоило невероятных усилий перешагнуть порог магазина? Которая, прежде чем появиться на большом приеме, буквально скрежетала зубами? Единственным, что совершенно не приводило меня в замешательство, было пение». Естественно, мать весьма одобряла любительские выступления дочери, позволявшие богатой торкийской публике из самых достойных соседей увидеть юную статную барышню в наиболее выигрышном свете. И хотя до поиска женихов было еще далеко, в таких случаях полезно пустить добрую славу впереди девушки.

Меньше чем через год после свадьбы у Мэдж родился сын Джек. Роды

оказались крайне тяжелыми, пришлось пригласить сразу двух докторов, едва не чудом тем удалось спасти и мать, и дитя. Мэдж оправилась сравнительно быстро, но больше детей У нее не было. Зато Агата стала тетей и даже заменила на крестинах крестную мать, которая не смогла приехать. С тех пор Мэдж с ребенком проводили каждое лето в Эшфилде, к великой радости младшей сестры — наконец-то семья походила на прежнюю, открывались запертые в другое время комнаты, няня и служанка оживляли пустой дом, детский голосок разбивал унылую тишину. Высшим счастьем было слышать саму Мэдж: «Я рассчитывала, что она будет рассказывать мне разные интересные истории и внесет разнообразие в мою жизнь. Своего первого Шерлока Холмса — „Голубой карбункул“ — я услышала от Мэдж, и с тех пор одолевала ее просьбами рассказывать еще. Больше всего я любила „Голубой карбункул“, „Союз рыжих“ и „Пять апельсиновых зернышек“, хотя и все остальное тоже нравилось мне. Мэдж была великолепной рассказчицей».

Перед тем как выйти замуж, она начала, по примеру родителей, писать сама. Некоторые из ее рассказов были опубликованы в «Ярмарке тщеславия», почему-то под псевдонимом, хотя напечататься в этом журнале считалось большим литературным успехом, и отец страшно гордился старшей дочерью. Она написала серию рассказов, посвященных спорту: «Шестой мяч в молоко», «Мимо», «Касси играет в крокет» и др. Младшая сестра великодушно отметила в воспоминаниях эти опыты старшей: «Очень остроумные и увлекательные. Перечитав их лет двадцать тому назад, я подивилась, как же хорошо она писала. Интересно, продолжала бы она писать, если бы не вышла замуж? Совершенно очевидно, что из всех членов нашей семьи Мэдж была самой талантливой».

Несомненно, что умение строить диалоги было у сестер Миллер врожденным, полученным от одаренных родителей, но ссылка на замужество, будто бы помешавшее старшей развить талант, тут чистое лукавство. С конца XVIII столетия, со времен славы миссис Рэдклиф, мисс Фанни Берни (позднее французской графини) и мисс Марии Эджуорт, литературные занятия в Англии считались вполне подобающими для дам. И смешно думать, будто бы при наличии няни у Джека и необходимых слуг в богатом доме Уотсов Мэдж не имела времени для сочинительства. Вероятно, она не имела только одного — стимула. Ее воспитали как леди. А леди не должна *действовать*... даже если ее ребенок и сестра тонут у нее на глазах.

Однажды во время сильной зыби Агата с Джеком чуть не утонули, купаясь в бухте для леди. Старый грубый спасатель, которого Миллеры всю

жизнь почитали бесполезным, вытащил их из воды со всей своей неделикатностью.

«Нагруженная нами лодка приплыла к берегу, и на пляж, весело смеясь, спустилась Мэдж со словами:

— Что вы там такое делали? Что за суматоха?

— Ваша сестра чуть не утонула, — сердито сказал старый джентльмен. — Держите вашего ребенка; а ее положим и посмотрим, не надо ли дать ей несколько тумачков.

Полагаю, они надавали мне тумачков, хотя не думаю, чтобы я полностью потеряла сознание.

— Не понимаю, откуда вы узнали, что она тонет. Почему она не закричала?

— Я следил за ней. Если человек тонет, он не может кричать, уже поздно.

С тех пор мы относились к „Морскому волку“ с глубоким уважением».

В зимнее время года общение с Мэдж не прерывалось — она часто приглашала маму и сестру к себе в Чешир на рождественские праздники, хотя жила в доме свекра, поскольку ее с мужем дом все еще не был достроен. Огромный и в меру безвкусный псевдоготический особняк в Эбни сулил Агате бесчисленные радости: он был раем для гурманов, с роскошным столом и никогда не запиравшейся кладовкой, набитой шоколадом, казавшимися невероятными после вынужденного воздержания в Эшфилде. Вдобавок в нем имелись доступные всем три рояля и орган (!), в саду был прорыт псевдоготический туннель, подходивший для игр в разбойников и привидения, и наконец, в нем жила Нэн Уотс. Девочки познакомились на свадьбе Джеймса и Мэдж, когда их обеих отправили подальше от праздновавших взрослых в классную комнату. Весьма быстро найдя общий язык, они великолепно провели там время, сломав пружины старого дивана и подружившись на всю жизнь. Их общей страстью были сливки, которые они поглощали в огромных количествах при всяком случае. В остальном Нэн была вполне современной особой: грубила матери, к тайной зависти Агаты, не стеснялась в манерах и выражениях, а позднее меняла мужей с быстротой и легкостью, недоступными викторианским леди.

Хотя бы раз в год обеих девочек брали в Манчестер смотреть пантомимы с песенками, иногда они посещали и настоящие театральные

представления. Бабушка-тетушка в Илинге, поездки к которой оставались другим праздником гурманства и душевной теплоты, неизменно водила внуку чуть не каждую неделю на музыкальные комедии — в моду вошли оперетты. Их безмятежная веселость и озорной задор составляли столь разительный контраст с викторианской чинностью, что увлекали даже старых джентльменов, а уж музыкально одаренная девочка распевала ариетки во весь голос.

После такого сказочного мира Эшфилд удручал тишиной и безлюдностью. Гости, даже соседские сверстницы, сюда не заходили. Агата не рвалась душой в большой мир, находя отраду в беседах со своими «девочками». Она мысленно устраивала их судьбы, а своя ее пока не беспокоила. Она любила часами играть на рояле и петь. Зимой или промозглым туманным днем, каких хватало в Торки, нетопленая классная комната сама по себе служила испытанием. Девочка входила в нее, открывала рояль, дула на пальцы и играла без перерыва сколько хватало матери сил слушать снизу — в противном случае пальцы окоченели бы от холода. Горло, способное выдержать такое пение хоть раз, навеки застраховано от ларингитов и ангины!

Тихим времяпрепровождением стало изящное рукоделие. Инстинктивно ища приложение творческим силам, Агата занялась самым викторианским делом — вышиванием подушечек. Она копировала цветы с фарфоровых ваз и старалась переносить на атлас, достигнув высокого мастерства. Вот когда бабушка и мать полностью одобрили ее успехи! Вечерами они сидели с матерью перед единственным пылавшим камином: Агата вышивала, мать читала. На смену простеньким и слезливым повестям для девочек пришли, наконец, Вальтер Скотт и Диккенс, Теккерей и Дюма. Миссис Миллер читала отлично, пропуская скучные, по ее мнению, описания природы Скотта или жалостливые страницы Диккенса, временами внезапно засыпала, но вскоре просыпалась и читала с прежним жаром. Вкусы обеих полностью совпадали: Вальтер Скотт и Теккерей казались растянутыми и трудными, Диккенс — чересчур сентиментальным, а у Дюма дочери больше всего нравилась часть про замок Иф в «Графе Монте-Кристо». Как она сама заметила по другому поводу, «поразительно, как ничтожно мало мы меняемся в своих пристрастиях!».

Уже Агата пыталась сочинять оперетты и романы, когда внезапно

миссис Миллер объявила дочери, что ее «образование все-таки оставляет желать лучшего и неплохо было бы походить в школу». Разумеется, это был всего лишь предлог. Не дочкина безграмотность, не пробелы во всяких ненужных ученых материях обеспокоили, наконец, заботливую мать. При всех своих талантах, при высоком, но не чрезмерно росте, при заметной уже красоте, ее пятнадцатилетняя Агата отличалась косноязычием и полнейшим неумением держаться в обществе. Да и откуда ей было признать этого умения, если она даже со сверстницами общалась эпизодически на катке и изредка в гостях, не выезжала за пределы родственного круга и не видела хотя бы Лондона? кто в этом был виноват? а выход в свет уже не за горами, всего год или два осталось на приобретение необходимого лоска.

Школа в Торки, преуспевшая в разных там науках, не привила светскости. Агата заинтересовалась — страшно сказать! — алгеброй. Тотчас миссис Миллер приняла решение: сдать Эшфилд за очень хорошую сумму и отправиться обеим в Париж, дабы младшая дочь поучилась в том же пансионе, что и старшая — и с тем же успехом. Разлука с родным домом далась тем легче, что от них, наконец, со слезами на глазах и с единственным чемоданом в руке, ушла преданная Джейн. Новых слуг даже не стали искать. Дом сдали, нашли жилье для миссис Миллер в Париже, Агату поместили в пансион.

«На третий день я отчаянно затосковала по дому. Неудивительно: за последние четыре-пять лет я так сильно привязалась к маме, никогда с ней не разлучаясь, что в первый раз, когда я действительно покинула дом, мне ее очень недоставало. Самое интересное, что я не понимала, что со мной происходит. Я просто не хотела есть. Каждый раз, когда я думала о маме, слезы наворачивались у меня на глаза и текли по щекам. Помню, глядя на блузку, которую сшила мама — очень плохо, но собственными руками, — я рыдала с удвоенной силой именно оттого, что блузка в самом деле была такая неудачная, плохо сидела, складки не ложились. Мне удавалось скрывать свое отчаяние от окружающих, и только по ночам я плакала в подушку. Когда мама приехала, чтобы взять меня на воскресенье, я встретила ее как обычно, но в отеле бросилась ей на шею, обливаясь слезами. Мне приятно сказать, что я все же не попросила ее забрать меня обратно, не опустилась до такой слабости. Кроме того, увидев маму, я почувствовала, что больше

не буду мучиться, так как теперь поняла наконец, что со мной происходит».

Париж, *Belle époque*! Последняя пора высшей элегантности и первая слава «Мулен Руж», премьера «Веселой вдовы» Легара и расцвет музыкальных ревю, ресторан «Максим» и... — и все это оставалось совершенно неведомым юным девицам. «Les jeunes filles» оберегались от малейших контактов с реальным миром еще основательнее, чем в Англии. По Лондону девушка из среднего класса могла ходить без сопровождения и даже могла путешествовать в одиночестве по стране без ущерба для репутации, в Париже это считалось недопустимым. Пансионеры отмеряли километры по залам и галереям Лувра, посещали классические представления в Опере, чинно гуляли парами в Булонском лесу. И если из-за кустов выскакивал вдруг столь характерный для французских парков непристойный тип, они благовоспитанно его не замечали (хотя что другое можно сделать в такой ситуации?). Вместе с тем и домоводство, обязательное в английских школах, во Франции не преподавалось. Барышень готовили в невесты, а какими они станут женами и матерями, никого не волновало.

За две парижские зимы и лето Агата Миллер сменила три пансиона. Всюду она демонстрировала крайнюю беспомощность в грамматике и живописи, зато исключительные способности к музыке, пению и арифметике — и всюду позорно проваливалась на экзаменах или концертах. Обычно до самих концертов дело вообще не доходило — она заболела накануне и выздоравливала через два дня. Если же ей удавалось выйти к доске или инструменту, в глазах у нее темнело, руки дрожали, она находилась почти в обморочном состоянии и действовала наобум. Сперва такое состояние казалось окружающим следствием застенчивости, преодолимой с опытом. Были месяцы, когда она брала уроки музыки и пения у лучших педагогов не для общего развития, а всерьез задавшись целью стать оперной певицей или профессиональной пианисткой. Все данные у нее были, викторианские предубеждения против артистической карьеры понемногу развеивались XX веком, а славу последнего из ее пансионов составляла талантливая пианистка, в замужестве леди Лимерик. Но увы!

«Прежде чем окончательно вернуться домой, я попросила Карла Фюрстера откровенно ответить мне, считает ли он, что упорный труд и прилежание могут сделать из меня

профессиональную пианистку. Он, хоть и чрезвычайно деликатно, не стал лгать. У меня нет достаточного темперамента, чтобы выступать перед публикой, сказал он. И я знала, что учитель прав. Я была очень благодарна ему за то, что он сказал правду. Некоторое время я чувствовала себя несчастной, но постаралась не принимать этот печальный вывод слишком близко к сердцу.

Если вашим мечтам не суждено осуществиться, гораздо лучше вовремя признать это и двигаться дальше, вместо того чтобы сосредоточиваться на разбитых упованиях и надеждах.

Рано испытанное поражение послужило мне хорошим уроком на всю жизнь; я поняла, что не обладаю темпераментом, позволяющим мне выступать перед публикой в любом качестве. Думаю, что корень этого явления лежит в неспособности контролировать свои физические реакции».

Впрочем, миссис Миллер отнюдь не была разочарована. В «Неоконченном портрете» именно матери приписана инициатива приглашения педагога с мировой славой на чашку чаю с просьбой высказать именно то, что отвечает интересам дочери (как их понимает мать). В автобиографии об этом нет ни слова. Однако в данном случае Агата Миллер в ретроспективе соглашалась с решением матери: все-таки сцена — не место для молодой девушки. Ее единственное назначение — замужество.

Разумеется, любая девушка росла с этой уверенностью.

«Самое замечательное в девичестве, каковое есть предчувствие женственности, состоит в том, что жизнь воспринимается как увлекательное приключение. Совершенно не знаешь, что с тобой случится. Вот отчего так интересно становиться женщиной. Никаких забот о том, что делать, — биология сама решит. Ждешь мужчину, который, раз появившись, полностью изменит твою жизнь. Что ни говорите, но на пороге таких предчувствий голова кружится. Что будет? „Может, я выйду за какого-нибудь дипломата... Наверное, мне бы

понравилось ездить за границу, смотреть мир...“ Или: „Пожалуй, я не хотела бы выйти замуж за моряка; ведь пришлось бы все время жить у моря“. Или: „Кто знает, может быть, я выйду замуж за мостостроителя или первопроходца“. Весь мир открыт, но выбор не за вами, все предопределено судьбой. Судьба может послать *кого угодно*: например, пьяницу, который сделает вас несчастной на всю жизнь; но это только увеличивало накал ожидания. К тому же это не был брак с профессией; вас ждал брак с *мужчиной*. Выражаясь словами старушек нянь, кормилиц, кухарок и горничных: „Однажды явится Мужчина вашей жизни, ваш Суженый“.

Конечно, всегда находились девушки, заявлявшие, что они не хотят выходить замуж, обычно по какой-нибудь благородной причине. Как правило, они собирались уйти в монастырь или работать в лепрозории. Речь шла, таким образом, о том, чтобы принести себя в жертву ради какого-то очень важного дела, — неизбежный этап. Горячее стремление стать монахиней было гораздо более характерно для последовательниц протестантской религии, чем католической. Девушки-католички рассматривали уход в монастырь как призвание, как выбор жизненного пути, в то время как протестанток привлекал аромат религиозной таинственности. Профессия больничной сиделки тоже считалась вполне героической, овеянной славой мисс Флоренс Найтингейл. Но главной темой оставался брак: за кого вам предстоит выйти замуж — вот главный вопрос».

Мысль об опасности остаться старой девой никого не посещала. Каждая девушка готовилась к замужеству, но далеко не все мужчины в Англии хотели или способны были жениться. Агата Миллер прошла все положенные этапы девичества. Она влюблялась с самого нежного пятилетнего возраста. Она мечтала о принце Эдди и лондонском епископе, об актерах и взрослых приятелях брата. Все романы ее воображения завершались или смертью героя, с последним вздохом произносящего «Мадемуазель, я всю жизнь любил вас!», или ее собственной гибелью во имя спасения своего кумира. В конце пребывания в пансионе, после разочарования в перспективах актерской стези, она вознамерилась стать медицинской сестрой. Но ее мать ясно видела цель и умела ненавязчиво к ней идти. Не возражая ни словом, она стала заказывать дочери парижские туалеты. А платья тех лет — это подлинные произведения высокого

декоративного искусства. Серьезная мечтательница может презрительно смотреть на моду, но ей невозможно презирать искусство. И постепенно искусство пробудит в ней вкус к нарядам, а от нарядов уже легко перейти к их назначению — удовольствию привлекать к себе взоры.

Миссис Миллер запаслась рекомендательными письмами даже в салоны некогда недоступного Сен-Жерменского предместья. Для школьницы, еще официально не представленной в свете и обязанной молча сидеть в уголке на чинных приемах, этот мир казался убийственно скучным. Этот мир был очень добр к ней, прощал промахи в этикете, тихонько обучал куртуазности былых времен, — ведь ее мать была вдовой американца! а разве бывают бедные американцы? Мисс Агата Миллер почиталась богатой невестой, которых уже давно с распростертыми объятиями принимали в самых аристократических европейских семействах. Американская ученица из ее пансиона некогда вышла за французского виконта и как-то посетила родные пенаты с юным сыном. Французский барон и американец по манерам, он стал предметом мечтаний всех девиц. Агата тоже влюбилась бы в него, но он исчез с ее горизонта. Однако эта встреча оказала воздействие на юную барышню: «Внезапно все во мне переменялось. Я покинула мир своих воображаемых героев. Наступил конец романтических влюбленностей в реальных и выдуманных героев — персонажей из книг, общественных деятелей, друзей, посещавших наш дом. Я потеряла способность любить бескорыстно, жертвовать собой во имя спасения любимого и начала думать о реальных молодых людях как о молодых людях — пленительных созданиях, с которыми я хотела встречаться и среди которых в один прекрасный день надеялась найти своего Суженого. Я вступила в мир женщин на охоте! Я хотела теперь встретить настоящего молодого человека, множество молодых людей».

Мечтания определялись темпераментом — и только. Позднее мисс Марпл огорчалась за молодежь шестидесятых годов, считавшую сексуальное самовыражение *обязанностью*. В начале XX века никто не навязывал юношам и девушкам определенного образа мыслей, они жили как им хотелось, а если девушек старались оберечь от слишком раннего и ненужного любовного опыта, то и в этом было огромное преимущество. Еще Байрон высказался вполне определенно, что в этой сфере — как, впрочем, и во всех других — мечты всегда превосходят реальность, а его, надо полагать, можно считать тут авторитетом! Мисс Миллер выросла в уверенности, что нет ничего превыше девической чистоты, в первую очередь в глазах молодых людей. В подтверждение она привела в

воспоминаниях историю о девице, предложившей спутнику, подвозившему ее в автомобиле на бал, снять на часок комнату в отеле: мол, «я часто так делаю». Спутник в ужасе немедленно порвал с нею знакомство и пожаловался ее старшей подруге, от которой и пошла эта история.

Кто выдумал эту нелепость? Агата Кристи, молодой человек, подруга, кто-то четвертый? Юноша, рассказывающий подобное о девушке, невероятен в пору, когда понятие *джентльмен* не потеряло своего смысла. Все могло быть: девушка имела в виду остановиться поесть мороженого, которого дома ей не давали; или желала произвести ложное впечатление опытности, столь свойственное очень юным, а произвела обратный эффект; или ее просто оклеветали в лучшем случае подруги, если не спутник. Но сам по себе случай невероятен, принимать его всерьез невозможно. Даже полувеком позже никто бы не сдал такой парочке не только номер в отеле, но и комнату над пабом. И если именно этим эпизодом Агата Кристи оправдывала невинность своих современниц, она напрасно искала им оправдания — его не требуется! В конце концов, даже в ХХI веке не только в Англии с ее пуританскими традициями и холодной кровью коренных жителей, но и во Франции, по данным медицинских наблюдений, мягко говоря, не все девушки теряют невинность до брака. Хорошо, если им вообще удастся это сделать!

Наконец наступила пора и Агате Миллер сделать модную греческую прическу, заказать вечернее платье и «выйти в свет». Проблему недостатка средств миссис Миллер решила со свойственной ей практичностью. После краткого летнего пребывания в Эшфилде она обнаружила у себя подходящие заболевания, потребовала от докторов прописать ей зиму в Египте, снова сдала дом за большие деньги, — и повезла дочь в Каир.

Египет тех лет составлял часть Британской империи к вящему удобству всех, кто не желал терпеть туманы и промозглость родных островов. Таковых находилось предостаточно. В зимние месяцы в отели Каира (о Красном море еще не помышляли) съезжались владельцы английских особняков, сданных чужакам-иностранцам, отпускники-военные, туберкулезные больные и маменьки с дочерьми на выданье. В Каире стояло несколько полков — праздный отдых нуждался в защите, а барышни в кавалерах! Балы и маскарады, пикники в Сахаре, гольф, скачки, поло, все английские забавы в романтической южной атмосфере как нельзя

более подходили для наиприятнейшего начала светской жизни. «С точки зрения юной девушки, Каир воплощал сладостную мечту. Мы провели там три месяца, пять раз в неделю я ходила танцевать. Балы давались во всех крупных отелях по очереди. Я оставалась застенчивой, но страстно увлекалась танцами и танцевала хорошо. Мне нравились молодые люди, и вскоре обнаружилось, что и я нравлюсь им, так что все шло прекрасно. Мне было всего семнадцать лет, и Каир сам по себе ровно ничего не значил для меня — девушки от восемнадцати до двадцати одного года редко думают о чем-нибудь, кроме юношей, что более чем естественно!»

Агата получила первое вечернее платье из бледно-розового атласа с букетом роз на плече. Естественно, она, как и все девушки, хотела черное — но в ту пору вкусам девиц не потакали. И вот она танцует посреди бальных зал, бросая томные взгляды на зрелых загорелых полковников, а встречая внимание только со стороны незрелых скучных юношей. Но то была прекрасная прелюдия жизни — «легкое вступление в науку жизни без слишком жестокой расплаты и тяжелых разочарований». Молодые люди пребывали, как и ныне, в своем собственном мире, далеком от реального мира взрослых, но пребывали в нем под присмотром взрослых, — и это служило им надежной защитой от последствий собственных ошибок, неведения и наивности. Опыт ведь ничем не заменишь, сколько и чего заранее ни читай, а приходит он, увы, только с годами и ничем иным.

Мисс Миллер училась нелегкому искусству заполнения бальной книжечки (и так его и не освоила), болела за своих кавалеров на соревнованиях по поло, отчаянно противилась посещениям всяких там пирамид и музеев с мумиями. Ей нужен был Египет не туристический, а свой — Англия под небом юга, раскрывавшая заледеневшие в родном климате молодые души. Южные романтические ночи оказывали свое действие: ей сделали несколько предложений руки и сердца, но несмотря на новизну ощущений, она не была польщена: «Не могу избавиться от ощущения, что в большинстве случаев мне и моим подругам предлагали выйти замуж совершенно несерьезно и без всякой ответственности. У меня есть подозрения, что если бы я приняла какое-нибудь из предложений, то поставила бы молодого человека, сделавшего его, в весьма затруднительное положение». Она ни в кого не влюбилась, так как ей некогда было выделить кого-то из толпы молодых офицеров, — слишком многое следовало успеть! Но она научилась вести себя в обществе, поддерживать беседу с мужчинами и не теряться в толпе девиц. Она перестала быть дебютанткой.

В наилучшем расположении духа миссис Миллер и ее дочь плыли из

Александрии в Венецию, навстречу английскому светскому сезону, ибо каирский как бы и не шел в счет. В Англии Агата продолжала бы считаться дебютанткой со многими преимуществами этого положения. Ее непременно приглашали бы с матерью на приемы все знакомые, ее стали бы заботливо оберегать от любых расходов и беспокойств. «Хозяйки всегда проявляли щепетильность в вопросах, касающихся девичьих денег. Они знали, что мало у кого из девушек имелись лишние, чтобы выбрасывать их на ветер, — даже самые богатые получали на карманные расходы не больше пятидесяти или ста фунтов в год. Поэтому хозяйки не спускали с девушек глаз. Если их приглашали играть в бридж, то только при том условии, что кто-то ручался за них и брал на себя уплату долгов в случае проигрыша. Таким образом дебютанткам создавали ощущение вовлеченности в происходящее и освобождали от страха оказаться в долгу».

В Англии девушку ждало прежде неведомое испытание: приглашения в загородные дома. Она ездила в старинные особняки иногда с мамой, порой совсем одна, облаченная в роскошный и очень дорогой костюм для верховой езды. Заказав его для пущего эффекта, миссис Миллер, однако, категорически запретила дочери садиться на лошадь:

«— Ты совершенно не умеешь ездить верхом, — заметила мне мама. — Страшно подумать, если ты покалечишь чью-нибудь дорогую лошадь».

Вероятно, только английская мать не подумала бы при этом о целостности еще и дочери?

Загородные приемы рассматривались эдвардианцами как место безудержного и часто довольно безобразного веселья, если не разгула. Выходки разбушевавшихся гуляк пугали юную леди. Она была слишком робка и наивна, чтобы отстоять свое добро от вышвыривания в окно, а иной раз хозяйка дома оставляла ее и вовсе в неприятном положении. Один такой гадкий и глупый эпизод описан в «Неоконченном портрете», но только ли с его героиней он случился?

«Прелестные ножки, — бормотал он. — Прелестные. Вы ведь не против, не так ли?

Селия была очень даже против. Но терпела. Может быть, так оно принято, когда гостишь в загородном доме. Ей не хотелось показаться неотесанной деревенщиной или малым ребенком. Она стиснула зубы и сидела как деревянная».

Дело, по счастью, не зашло слишком далеко, хозяйка пришла вовремя,

сказав в оправдание ему банальное: «Человек он чрезвычайно состоятельный». Девушка вздохнула с облегчением, узнав, что на загородных приемах «необязательно позволять гладить ноги». Увы, доверие к собственным чувствам дано только детям и совсем взрослым людям. Всякий, кто оглядывается на чужие мнения, просто не знает, что еще не повзрослел.

Впрочем, не все приключения в жизни девушек связаны с мужчинами. Самое незабываемое ощущение вызвал... аэроплан. Агата с матерью отправились поглядеть выставку этих новейших изобретений, будущее которых казалось совсем не очевидным. И вдруг объявление: «Пять фунтов за полет»!

«— Можно мне? О, мамочка, можно мне? Пожалуйста! Это было бы потрясающе!

Думаю, что потрясающей была моя мама. Стоять и наблюдать, как любимое дитя поднимается в воздух на аэроплане! В те дни они разбивались каждый день. Она сказала:

— Если ты действительно хочешь, Агата, можно.

Пять фунтов представляли для нас немалую сумму, но затраты оправдались. Мы подошли к заграждению. Пилот посмотрел на меня и спросил:

— Шляпа крепко держится? Ол райт, садитесь!

Полет продолжался не более пяти минут. Мы поднялись в воздух и сделали несколько кругов — до чего же невероятное чувство! Потом самолет плавно спланировал на землю. Пять минут экстаза и еще полкроны на фотографию; выцветшее пожелтевшее фото, которое я люблю показывать: крошечная точка на небе — это я на аэроплане десятого мая 1911 года».

Светская жизнь, включая даже поездки к бабушке-тетушке, к Мэдж или к старым Уотсам, не отнимала все-таки слишком много времени. Отсутствие средств на кеб или машину лишало Агату возможности принимать приглашения в дома, расположенные дальше мили-двух от Эшфилда, если только ее не обещали подвезти от дома или ближайшей станции. Дома же делать было почти нечего. Хозяйство взяла на себя юная Люси, мечтавшая постепенно достичь положения самой «миссис Роу» (так

величали незамужнюю Джейн равные ей). Музыка и пение служили теперь только развлечением: от надежд на карьеру оперной певицы Агата окончательно отказалась, а слава концертной исполнительницы или аккомпаниаторши ее не привлекала. Однажды после тяжелого гриппа, страдая от невыносимой скуки и одиночества, она получила от матери совет:

«— Почему бы тебе не написать рассказ? — предложила она.

— Рассказ? — переспросила я удивленно.

— Да. Как Мэдж.

— Но мне кажется, я не смогу.

— Почему?

Никаких причин не было, разве что...

— Ты не знаешь, можешь ты или нет, пока не попробуешь, — наставительно заметила мама. Наблюдение справедливое. Она исчезла со свойственной ей внезапностью и через пять минут появилась снова с тетрадью в руках.

— В конце есть несколько записей для прачечной, но остальные страницы совершенно чистые. Ты можешь начать прямо сейчас.

Если мама что-то предлагала, ей подчинялись безоговорочно. Я села в кровати и стала размышлять о рассказе, который мне предстояло написать. В любом случае это было интереснее, чем раскладывать пасьянсы».

Нужно вспомнить, что с давних пор среди друзей мистера и миссис Миллер числилось множество литераторов, включая знаменитостей первой величины, что они сами в молодые годы немного писали психологические и сентиментальные вещицы, чтобы понять, отчего сестры Миллер поощрялись родителями к сочинительству. Мэдж писала на спортивные сюжеты, Агата сразу же обнаружила стремление к изображению сложных психологических переживаний под оригинальным углом: например, разговор глухой дамы и нервного молодого человека на светском рауте, наверняка забавный; или ужасы спиритических сеансов; или остро эмоциональные ситуации в духе популярного в те годы Дэвида Лоуренса (автора «Любовника леди Чаттерлей», тогда еще не написанного). Рассказы посылались в различные журналы, но, в отличие от рассказов Мэдж, неизменно возвращались.

Однако Агата уже увлеклась новым видом творчества, сменившим

прежнее вышивание. Она затеяла роман. Действие происходило в памятном ей Каире, сюжет был не таинственным, а просто непонятным. Единственное, что ей сразу стало даваться легко, было сложное искусство диалога. Как и Мэдж, она писала бегло и драматично, и недаром позднее обе сестры Миллер ярко проявили себя в драматургии. Но других достоинств роман не имел. Подобно большинству начинающих авторов, она нагромодила столько персонажей и перипетий, что сама не сумела пересказать сюжет. Тем не менее длиннейший роман был завершен — а это уже немало. Если произведение большой формы удалось не бросить на полпути, у автора есть шанс преуспеть в будущем, потому что он выказал главнейшее качество для успеха — упорство. Название она дала эффектное — «Снег над пустыней». Позднее она высмеяла его в «Смерти на Ниле», где пошлоэротическая романистка миссис Оттерборн навязывает Пуаро свою книгу под похожим названием: «Мощное, интригующее название. Снег в пустыне, он растает при первом же дыхании страсти». Но в юные годы «снег в пустыне» имел совсем другой смысл: «Подразумевалось, что в пустыне идет снег, ложится на песок — и это напоминает поверхностные события жизни, которые проходят, не оставляя следов в памяти».

Среди соседей в Торки оставался давний друг родителей знаменитый тогда писатель Иден Филпотс (кто-то слышал о нем?). Его и пригласили стать первым судьей литературных опытов Агаты. Его отзыв был самый вежливый (не обижать же знакомых). «Кое-что из написанного Вами, — писал он, — имеет определенные достоинства. У Вас прекрасное чувство диалога, и Вы могли бы сделать его веселым и естественным. Попробуйте выбросить из Вашего романа все нравоучения; Вы слишком увлекаетесь ими, а для читателя нет ничего скучнее. Предоставьте Вашим героям действовать самостоятельно, так чтобы они сами говорили за себя вместо того, чтобы постоянно заставлять их говорить то, что они должны были бы сказать, и объяснять читателю, что кроется под тем, что они говорят. Пусть читатель разберется сам».

Он дал множество советов по улучшению стиля, лексики и прочего. А мог бы дать всего один совет, пригодный для любого юного автора, создавшего будь то художественный или научный труд. Если автор доволен своим сочинением, оно может оказаться таким замечательным, как ему кажется, или совсем бездарным, но если он не смеет сам о нем судить и просит советов высоких авторитетов, — оно наверняка плохо.

Литературный агент Филпотса, к которому мисс Миллер пришла по рекомендации последнего, без особой деликатности вынес приговор: «Лучшее, что он может посоветовать, это выкинуть эту книгу из головы и

написать другую». На сем первый творческий период Агаты Миллер и завершился. Он принес одну пользу: она напрактиковалась печатать на старой машинке Мэдж и с тех пор постепенно отвыкла писать от руки.

Три года полувзрослой жизни не прошли даром — они принесли мисс Агате Миллер множество брачных предложений, одно из которых заставляло ее дрожать от негодования на тупоумие поклонника даже спустя целых полвека. Но из серьезных предложений руки она одно почти приняла, а два приняла по-настоящему с одобрения матери. Не многовато ли помолвок? Правда, официальные объявления в газеты не посылались по молодости сторон, но простое «взаимное согласие», известное родственникам, уже считалось преддверием брака. Поэтому вполне понятно, что мисс Миллер, почти год не отвечавшая одному мужчине ни «да», ни «нет», а потом дважды разрывавшая помолвки, явно напрашивалась на всеобщее осуждение за легкомыслие, если не что-то худшее. То, что эти истории не уничтожили ее репутацию, следует признать подарком судьбы, пославшей ей на редкость великодушных поклонников и их родных.

А поклонники были более чем различны. Пылкий и опытный мужчина старше ее, встреченный ею на костюмированном балу, пораженный ее восхитительным обликом и обрушивший на нее шквал ухаживаний и изумительные любовные письма, — возможно, с его стороны в этих отношениях было больше романтической увлеченности, чем подлинного чувства. Юный сын маминой задушевной подруги, приносивший ей толстые книги по теософии и спиритизму, — его неуверенность в себе и собственных чувствах бросалась в глаза даже его сверстнице^[7]. Флегматичный, медлительный и неразговорчивый сосед-ровесник, брат давних приятельниц, склонных к крайней лени, — он и сам сделал предложение с ленцой, словно от отсутствия иных тем для разговора. И ни подруга матери, ни соседки-приятельницы не затаили на Агату зла за безответственную «игру в помолвку» — что крайне удивительно. Еще более странно, что она не благодарила за это небеса, а только поздравляла себя в воспоминаниях с «избавлением» от неподходящих замужеств. Каждый из кандидатов в женихи стал бы ей замечательным мужем — надежным, любящим, внимательным, хотя, вероятно, утомительным в общении. Однако существовало некое «все же»: ей приходилось убеждать

себя в их достоинствах; стоявшие между нею и любым посторонним человеком барьеры не удавалось разрушить ни снаружи, ни изнутри. Тогда зачем же ей было принимать предложения, не будучи уверенной в своих чувствах к женихам? А она принимала тотчас, едва предложения делались! буквально в тот же миг, какими бы неожиданными и даже неуместными они ни были. Что ею двигало? желание зацепить хоть кого, а там уж подумать? просто неразумие и ветреность? или, может быть, та чрезмерная деликатность, которая в детстве помешала ей спасти умиравшую бабочку из боязни обидеть гида? ведь он хотел сделать приятное, действовал от чистого сердца, как же она может *сказать*, что ей неприятно до слез?!

И вот словно все повторялось:

Он:

«— Ты можешь поверить в такое?

Я чуть было не сказала, что, конечно, не могу, но вовремя сдержалась».

Или снова Он с тем же занудством:

«— Поразительно, ты не находишь?

Я совершенно не находила. Но у меня был хороший характер, и я беззаботно ответила, что, должно быть, такие случаи бывают».

Так ведут себя женщины, стремящиеся во что бы то ни стало выйти замуж, но Агата Миллер таких целей как раз и не ставила. Деликатность деликатностью, но когда решалась не судьба бабочки, а ее собственная судьба, боязнь нанести обиду постепенно уступала место свойственному ей здравому смыслу: «В какой-то момент я почти убедила себя, что ради мамы должна продолжать любить Уилфреда; к счастью, моя сентиментальность не простиралась так далеко». Но тотчас после отказа одному в ответ на неожиданное предложение от другого приятного ей, но не более, знакомого «немедленно ответила, что тут и думать не о чем: я с удовольствием выйду за него замуж». Правда, такая готовность с легкостью подчиняться в духе истиной леди действовала лишь до поры: после вынужденного отъезда каждого из женихов она испытывала облегчение и со временем, страдая и раскаиваясь, все-таки заставляла себя написать письмо с отказом.

Два первых поклонника впоследствии нашли себе чудесных жен, а разочаровал ли их ее отказ, осталось Агате неизвестным. Ей-то казалось, что она стала их благодетельницей. Возможно. Последнему жениху она, кажется, все-таки причинила боль, а главное, сама потом имела основания не раз задуматься — не сделала ли она тогда ошибку? Ему, бывшему полной противоположностью решительно во всем ее окончательному избраннику, она всю жизнь приписывала все достоинства, которых не

находила у этого избранника. Он стал чем-то вроде запоздавшего Идеала. Что было бы, если бы она вышла замуж за этот Идеал? вероятно, Идеалом стал бы предшествующий отвергнутый поклонник?

Агата еще была молода, но годы понемногу шли. Здоровье ее матери резко ухудшалось, она стремительно теряла зрение и желала, наконец, увидеть дочь пристроенной за состоятельного и доброго человека, который станет ей опорой на всю жизнь. Ее дочь была помолвлена в очередной раз, но уже зрела мысль, что жених уехал в Индию зарабатывать средства напрасно — он не обретет невесту по возвращении. Агата была уверена, что в надвигавшемся разрыве виноват он сам: не ревнует, убеждает развлекаться, добропорядочно толкает на поиск более состоятельного мужа — разве так любят?

Приближалось Рождество 1911 года.

Глава третья

КВАРТИРА НА ЧЕТВЕРТОМ ЭТАЖЕ

1

По случаю праздника знакомое семейство давало бал для избранных офицеров из гарнизона Эксетера. Первым Агату пригласил прежде неизвестный ей младший лейтенант, блондин выше ее ростом, с дерзким и самоуверенным выражением красивого лица. Он был неотразим для девушек: превосходно танцевал, гонял на мотоцикле и собирался вступить в только что формирующиеся Королевские воздушные силы! Агата ахнула — аэропланы! но он рассеял ее иллюзии: просто в авиации гораздо быстрее сделать карьеру. Они протанцевали вместе все обещанные ему танцы и несколько обещанных другим: конечно, так не полагалось, но он отмахнулся от приличий, а она, как обычно, уступила.

Через несколько дней она увидела его в гостиной Эшфилда, запинающегося и краснеющего под взорами раздраженной неожиданном визитом миссис Миллер. Потом они посетили два праздничных концерта в Торки и Эксетере. Потом танцевали на новогоднем балу у соседей. Романтичная девица и трезво-практичный молодой человек. Они на всё смотрели по-разному, держались противоположных мнений по всем вопросам, казались друг другу непредсказуемыми и непонятными, у них не было ни одной общей мысли или чувства, но... Исчезло «все же»: не требовалось преодолевать какие-то барьеры, убеждать себя в его достоинствах. Она чувствовала себя с ним легко, его неловкий напор вызывал в ее сердце радостный отклик, ей было просто пустить его в свою жизнь. Так Арчибальд Кристи сумел в одну неделю стать ее судьбой.

Их кружил общий вихрь. Он сделал предложение с ходу, без раздумий, в те же новогодние праздники.

«Вагнеровский концерт состоялся спустя два дня после новогоднего бала. После концерта мы вернулись в Эшфилд. Когда, как обычно, мы пошли в классную комнату, чтобы поиграть на рояле, Арчи заговорил со мной с видом отчаяния. Он сказал, что через два дня уезжает в Солсбери, чтобы приступить к летным тренировкам. Потом свирепо заявил:

— Вы должны выйти за меня замуж. Вы должны.

Он сказал, что с первых же мгновений нашего танца понял, что я стану его женой.

— Я чуть с ума не сошел, пока узнал ваш адрес. Это было безумно трудно. Для меня никто никогда не будет существовать, кроме вас. Вы должны стать моей женой.

Я ответила, что это совершенно невозможно, потому что я уже помолвлена с другим человеком. Он яростным жестом отмел всякие возражения.

— При чем здесь это? — возразил Арчи. — Надо разорвать эту помолвку, и все.

— Но я не могу поступить так. Это невозможно!

— Абсолютно возможно. Я еще ни с кем не был помолвлен, но если был бы, тут же, не задумываясь, разорвал бы помолвку.

— Но я не могу так поступить с ним.

— Ерунда. Вы должны так поступить.

— Вы сумасшедший. Вы даже не понимаете, что говорите.

Он и вправду не понимал».

Очень вероятно, что этот отточенно-литературный диалог передает не подлинные реплики, а их подразумевавшийся смысл. Неловкое, с постоянными запинками объяснение Селии и Дермота из «Неоконченного портрета» кажется более близким к реальности:

«— Я должен вас видеть. Я хочу вас видеть всегда — постоянно. Выходите за меня замуж.

— Мне жаль... очень жаль... но я не могу... нет, не могу.

— А мне все равно необходимо вас видеть... Я, наверное, слишком поспешил с предложением... Я не мог ждать.

— Видите ли, я обручена с другим...

— Неважно. Откажитесь от него. Вы ведь любите меня?

— Я... люблю, по-моему.

Заикаясь, Дермот произнес:

— Я... я... это прекрасно... мы сразу поженимся... я не могу ждать...

В первый раз Селия глядела ему в глаза, и взгляд его больше не выскальзывал и не убегал в сторону.

Глаза такие голубые...

Робко... нерешительно... они поцеловались».

Однако следует всегда помнить, что любой англичанин воспитан в традициях абсолютной закрытости: для него немыслимо впустить кого бы то ни было в свой внутренний мир, поведать хоть какие-то интимные подробности даже задушевной подруге, даже психотерапевту. Тем более это относится к писателям, которые никогда не могут забыть о существовании читателей, даже если ведут дневник. Что бы ни писала Агата Кристи в романах или автобиографии, это ни в коей мере не исповедь.

Но не так уж важно, что и как происходило в те первые дни 1912 года. Главное произошло: предложение было сделано — и тотчас, как уже случалось дважды, принято. Миссис Миллер, скорее всего, не отнеслась к очередной помолвке серьезно: молодой человек был всего на год старше ее дочери, в таком возрасте младшим офицерам начальство *настоятельно* советовало не жениться. Свою задачу она поняла просто: надо спустить молодого человека с небес, доказать туманность перспектив женитьбы и бессмысленность долгой помолвки без надежд на брак в обозримом будущем, а дальше — рассчитывать на появление нового поклонника, который отвлечет дочь. А как быть? У Агаты 100 фунтов в год, у него — крошечное лейтенантское жалованье и от силы 80 фунтов, которые станет выделять ему мать, поскольку основное наследство достанется когда-нибудь его старшему брату Кристобалью, тоже военному. О чем тут может идти речь? ему никогда не обрести не то что приличных, а даже сносных средств на семью.

Арчи слушал все доводы с раздражением и еле сдерживался, чтобы не взорваться, иногда даже отвечал с недопустимой резкостью. Потом он пожаловался Агате: «Кажется, твоя мать решила все свести к деньгам». В действительности, финансовые аргументы миссис Миллер выдвигала как предлог: они были приличны и привычны. Нельзя же было объяснить влюбленной девушке, что из всех ее симпатий Арчи Кристи — самый неподходящий кандидат в мужья. Он из достойной семьи и сам, очевидно, человек вполне порядочный, он явно искренне увлечен. Но в нем угадываются целеустремленность и твердость, качества превосходные, но по природе своей эгоистичные. Сочетать стремление к цели со вниманием к чувствам и желаниям окружающих дано не всем. Ему не дано. Мать Селии высказала это намеком: «Мне кажется, он очень хорош собой — очень хорош. Но невнимателен к другим...» Миссис Миллер, скорее всего, не пыталась ничего сказать, предоставив дело будущему. Со своей стороны, мать Арчи, по второму замужеству миссис Хемсли, отнеслась к происшедшему аналогично: внешне с полным одобрением, зная упорство сына и не пытаясь ему открыто противоречить, но в душе...

«Пег приняла меня с необыкновенным радушием, которое показалось мне даже чрезмерным. Я так ей понравилась, я такая очаровательная, я — именно та девушка, о которой она всегда мечтала для своего сына, и так далее, и так далее. Правда и то, что он еще слишком молод, чтобы жениться. Она ничего против меня не имеет, — могло быть и гораздо хуже. Я могла оказаться дочерью табачного торговца (в те времена это рассматривалось как настоящая катастрофа) или разведенной — они уже появлялись понемногу — или танцовщицей кабаре. Верный себе, Арчи не проявлял ни малейшего интереса ни к тому, что она думала обо мне, ни к моему мнению о ней. Он принадлежал к тем счастливым натурам, которые проходят по жизни, совершенно игнорируя отношение к себе и своим поступкам: все его помыслы всегда были сосредоточены исключительно на собственных желаниях». Но это, конечно, позднейшие соображения, не приходившие в голову польщенной девице, ставшей объектом настоящей страсти — да еще кого! одного из первых авиаторов! Она понимала, как завидуют ей все подружки.

Ведь Арчи летал в те времена, когда «вылет» был близок к понятию «смерть». Риск, превышавший все мыслимые нормы, являлся неотъемлемой частью профессии летчика, ставя его в уникальные условия: он соединял славу первых космонавтов, римских гладиаторов и кинозвезд в одном лице и, конечно, обладал высшей привлекательностью для противоположного пола. Аэропланы отличались абсолютной неустойчивостью, самые дикие эксперименты конструкторов испытывались на людях, парашюты только-только искали применение; кислородное голодание, перепады давления с потерей или набором высоты становились полным сюрпризом; связь с землей отсутствовала, видимость зависела от погоды, летчик оставался один на один с неведомым. Не проходило недели, чтобы кто-то не разбивался. К этому уже привыкли. Но вот 19 июня 1912 года в небе над Дуэ в ходе учений французского воздушного флота произошло первое в мировой истории столкновение аэропланов, оба авиатора погибли — «катастрофа, заставившая содрогнуться человечество», не ожидавшее, что на воздушном океане может не хватить места для всех! Однако Агата относилась к перспективе смерти жениха вполне беспечно: «Странно, что я так мало беспокоилась о безопасности Арчи. Летать, конечно, опасно, но

тогда опасно и охотиться, я привыкла к тому, что люди ломают себе шеи во время охоты. Просто случайности жизни. В те времена не слишком настаивали на призыве „Безопасность прежде всего“ — это вызвало бы только насмешки. Напротив, людей привлекали и интересовали все нововведения, будь то локомотивы или новые модели самолетов. Арчи принадлежал к числу первых пилотов, под номером, мне кажется, 105 или 106. Меня распирала гордость за него».

Почти полтора года они переходили от надежды к отчаянию. «Время от времени волны отчаяния захлестывали нас и один писал другому, что мы должны расстаться. Другого выхода нет — приходили мы к обоюдному согласию, помолвку надо расторгнуть. Потом проходила неделя, и оказывалось, что ни он, ни я не в состоянии вынести разрыва, и мы возвращались к нашим прежним отношениям». Упования миссис Миллер и миссис Хемсли на действие времени, на увлекающийся характер Арчи и слабый характер Агаты, как ни странно, не оправдывались.

Но и финансовая ситуация ничуть не улучшалась — возник некий «пат». Они хотели пожениться, но средств не имели, а брак без приличной обеспеченности почитался такой глупостью, что это понимали даже молодые люди. Влюбленным никогда не удалось бы соединиться, но вдруг громом среди ясного неба, непредвиденная, нелепая и непонятная грянула Первая мировая война.

2

Прошло ровно сто лет с тех пор, когда Англии грозила серьезная опасность от вторжения Наполеона, так, однако, и не состоявшегося. Британцы отвыкли от войн. Конечно, за минувший век случились и восстание сипаев в Индии, и Крымская война, и «опиумные войны» с Китаем, и англо-бурский конфликт, и множество колониальных столкновений. Во всех них погибло немало достойных людей (особенно в Крыму), но саму Англию это никак не затрагивало: госпитали, раны, болезни, недостаток продовольствия — все происходило где-то далеко, в иной жизни. И тем не менее забывшее само слово «война», потрясенное неожиданностью английское общество как ни одно другое оказалось готово действовать в непривычных обстоятельствах. Старый добрый простой призыв Нельсона — «Англия ждет, что каждый выполнит свой долг» —

составлял плоть и кровь британской системы ценностей, британского воспитания. Минуло всего несколько дней, как мужчины ушли на фронт, а женщины в госпитали. «Долг» не составлял привилегию высших классов. Кухарка Люси, с ужасом думая, что сказала бы миссис Роу по поводу ее поступка, все же вступила в Женские вспомогательные части. На ее место пришлось взять двух старушек, которые не вполне сознавали происходившее и почитали всякие ограничения военного времени, включая карточную систему, личным себе оскорблением:

«— Извините меня, мэм, — дрожащим от негодования голосом сказала старшая из них, Мэри, спустя несколько дней, — нас не устраивает питание. — Два раза в неделю мы ели рыбу и потроха. — Я привыкла каждый день съедать полноценный кусок мяса.

Мама попыталась втолковать ей, что введены ограничения и мы должны есть рыбу и мясо, объявленное „съедобным“, два или три раза в неделю. Мэри только качала головой.

— Это несправедливо. Никто не имеет права так обращаться с нами, это несправедливо».

Однако без служанок в Эшфилде действительно стало нельзя обходиться. С началом войны ослепшая, старчески подозрительная бабушка-тетушка вынужденно покинула родной Илинг и перебралась к племяннице, которую некогда забрала к себе от родной матери. Наступила расплата за прежнее равнодушие к воспитаннице. С ее приездом большинство комнат превратилось буквально в мебельные склады, а настроение матери Агаты еще сильнее ухудшилось. Бабушка сидела посреди всего нажитого за долгую жизнь и теперь никому не нужного добра, слезы текли из ее невидящих глаз, а вокруг рушился привычный и понятный ей мир. Остались вдали добрые друзья-соседи, исчезли удовольствия обыденной жизни, даже газету она не могла прочесть, — а племянница не хотела ее замечать, и молодой внучке не хватало для старушки ни времени, ни внимания. Долгие годы спустя Агата поняла, как безнадежно тяжело старческое одиночество. Но в ту пору окружавшая действительность казалась ей вполне естественной: война так война. Молодость принимает все.

Арчи отправили на фронт одним из первых. Агата успела всего полчаса повидать жениха перед его отправлением во Францию. «Как и все летчики, он был совершенно убежден, что его убьют и мы больше никогда

не увидимся. Спокойный и беззаботный, как обычно, он вместе со всеми первыми пилотами воздушного флота считал, что война прикончит их, и очень скоро — во всяком случае, первую волну. Германская авиация славилась своим могуществом». Могущество! Еще не завершились споры о сравнительных достоинствах летательных аппаратов легче или тяжелее воздуха. В небесах Первой мировой аэропланы Антанты боролись с германскими дирижаблями-цеппелинами, огромными и страшными на вид, ценою в миллион марок каждый, но уязвимыми от одного хорошего выстрела в их воздушный баллон. Авиация стремительно развивалась для нужд воюющих армий. К задачам разведки и коррекции артиллерийского огня быстро прибавились новые: появились истребители и бомбардировщики. Арчи Кристи летал на истребителях, что при его храбрости было смертельно опасно, но, по правде сказать, летчики оказались не в худшем положении, чем в мирное время. По-прежнему смерть грозила им скорее не от врага, а от собственной машины. Зато им почти не угрожали раны. Невеста могла быть уверена: Арчи или погибнет, или вернется целым и невредимым, — среднего не дано.

Агата направилась в отделение Красного Креста. Города на южном побережье готовились принимать раненых, в Торки под госпиталь заняли мэрию. Первоначально девушек не ждало ничего интереснее работы уборщицами (разумеется, безвозмездно). Уход за ранеными мужчинами казался неподобающим для барышень, в помощь медицинским сестрам пришли дамы, ранее преуспевшие в роли сиделок-благотворительниц. Но первые раненые появились очень — слишком — скоро, и тотчас всем стало не до хорошего тона. «Большинство дам средних лет не имели настоящего представления о том, что означает уход за ранеными, и, преисполнившись самыми добрыми намерениями, как-то не подумали, что им придется иметь дело с такими вещами, как судна, утки, последствия рвоты и запах гниющих ран. Такие идеалистки с готовностью уступили свои обязанности: им никогда и в голову не приходило, признались они, что придется заниматься чем-то подобным. Так получилось, что девушки сменили их и заняли свои места у постелей раненых». Их ждало резкое погружение в грубейшие формы реальности. Их право на обморок, еще вчера культивируемое, стало запретным даже в самых ужасных ситуациях операционных и моргов. Их гоняли с поручениями те, кто прежде делал им реверансы. Всякое проявление ими слабости при виде крови или ампутированных конечностей встречало презрение медицинских сестер. Доктора, недавно с любезнейшим видом приходившие в их дома по вызовам, теперь смотрели сквозь них и швыряли им под ноги полотенца.

Они общались с простыми, необразованными мужланами-солдатами, к которым их доселе и близко не подпускали.

И девушки выдержали.

Естественно, корсеты, длинные юбки и изящные прически пришлось забыть. Годом ранее мать Арчи высоко поднимала брови, видя его невесту в отложном воротничке вместо приличного стоячего, теперь война внесла и не такие перемены. В Женских вспомогательных частях девушки облачились в брюки с сапогами, в повседневной одежде ноги оказались открыты от середины икр — и никого это уже не интересовало. В далеком прошлом остались всякие заботы о мелочах репутации, предложение соблюдать воскресный день звучало как шутка — на войне нет выходных. К ужасу бабушки, Агата возвращалась ночью из госпиталя в полном одиночестве, но если ей вдруг и попадался подвыпивший солдат, тот почитал своей обязанностью проводить госпитальную сестру до дома со всею галантностью и благодарностью за ее труд.

3

От Арчи приходили хорошие вести: он был жив, получил уже несколько орденов (в том числе русский орден Святого Станислава), его несколько раз упомянул сам генерал Френч среди храбрейших офицеров, он продвигался в чинах. На Рождество 1914 года он получил увольнительную на несколько дней (германская армия могла бы атаковать ослабленного праздниками противника, но ведь и она была распущена по домам!). Жених и невеста прошли долгий и очень несхожий путь, увидели мир по-новому и по-разному, им было тяжелее обычного понимать друг друга. Они встретились в Лондоне. Агата мечтала немедленно выйти за него замуж, и мать вдруг поддержала ее. «Ты права, — сказала она. — Я думаю, теперь глупо думать о таких вещах, как риск». По своему обыкновению, миссис Миллер выдвигала предлоги и не упоминала *главного*. А главным было то, что длинные ежедневные списки погибших в газетах ясно показывали, что после войны найти мужа будет невероятно сложно. А положение вдовы, пусть даже с ребенком, все же намного перспективнее положения незамужней и уже не юной девицы.

Однако Арчи резко отверг саму мысль о браке:

«— Нельзя придумать ничего глупее, — сказал он. — Все мои друзья тоже так считают. Слишком эгоистично и совершенно

неправильно жениться очертя голову и оставить после себя молодую вдову, а может быть, и с ребенком.

Я не согласилась с ним. Я страстно отстаивала свое мнение».

Он победил, они решили провести Рождество у его отчима и матери. Однако решение, казавшееся ему единственно правильным утром в Лондоне, вечером в родном доме вдруг показалось совсем неправильным.

«Я уже легла, но еще не заснула, когда в дверь постучали. Я встала, открыла. Это был Арчи. Он вошел, захлопнул за собой дверь и отрывисто сказал:

— Я изменил мнение. Нам нужно пожениться. Сейчас же. Мы поженимся завтра.

— Но ты сказал...

— О, к дьяволу все, что я сказал. Ты была права, а я нет. Ясно, что мы должны поступить именно так. У нас остается два дня до моего отъезда.

— Но все это страшно трудно, — слабо возразила я.

Мы ссорились так же, как двадцать четыре часа назад, выдвигая противоположные аргументы. Нет нужды говорить, что он снова победил».

И не встал перед глазами ошеломленной натиском Агаты образ бьющейся на булавке бабочки! Впрочем, бессмысленно поверять любые решения военных лет разумом, ибо война изначально ему противоположна. В конце концов, статус жены или вдовы военного летчика был высок и послужил бы ей надежной защитой на всю жизнь.

Утром выяснилось, что специальное разрешение на венчание невозможно получить по случаю Рождества, гражданская регистрация невозможна из-за бюрократических проволочек. Мать Арчи впала в истерику от их намерения, отчим поддержал с условием, что они сами справятся с трудностями и тотчас исчезнут с глаз подальше. Полдня они носились по окрестностям: викарий согласился обвенчать их с нарушением некоторых процедур, они искали деньги на покупку разрешения, потом искали друзей, а сроки поджимали — после положенного часа венчание было бы незаконным... Запыхавшись и ошеломив себя и всех срочностью обычно неспешного дела, они кое-как успели к церемонии, в обычной одежде, и единственное, о чем в тот момент думала Агата, было желание... умыться. Так ровно через три года после первой встречи они все-таки

сумели пожениться. Выйдя из церкви, Агата, трепеща, позвонила домой. Ее страх оправдался. Мэдж, приехавшая провести в Эшфилде праздники, раз уж привычная Швейцария оказалась недоступной, жестоко разругала сестру за опасность сердечного приступа, который может случиться у матери при внезапном известии о браке дочери. Но куда деваться? Молодожены решили ехать в Торки, однако добравшись туда лишь к полуночи в переполненных поездах, не посмели явиться в Эшфилд к потрясенным родственницам, а сняли номер в отеле, где и провели первую ночь (вероятно, просто рухнув в постель от смертельной усталости). К счастью, умиротворяющая атмосфера Рождества сгладила последствия их эскапады: утром в Эшфилде их встретили как положено обычаем, они сумели насладиться настоящим праздником. А на следующий день Арчи снова отправился на фронт. Он оставил жене свой первый дар — имя: Агата Кристи.

В госпитале уже все знали, что сестра Миллер сделала завидную партию, выйдя за капитана Королевских воздушных сил. Событие в условиях войны незаурядное.

«— Вам здорово повезло, сестра, — сказал раненый. — Вышли замуж за офицера, насколько я понимаю? — Я ответила, что действительно достигла этого головокружительного успеха. — Да, вам здорово повезло. Но не то чтобы я очень уж удивился — вы хорошенькая девушка».

Однако медицинские сестры отнеслись к случившемуся очень сдержанно. Сплошь незамужние, они практически не имели надежд на брак — а может быть, не особенно к нему и стремились? Для английских девушек выбор медицинской профессии был почти равнозначен уходу в монастырь для католичек. К ним и обращались всю жизнь как к монахиням: сестра такая-то. Нередко госпитальные сестры даже жили в особых общежитиях при больницах. В отличие от монахинь они могли в любой момент уйти, но куда? карьера врача оставалась закрытой для женщин, а менять высокий статус дипломированной сестры на участь горничной или компаньонки было бы нелепо. Агата выслушала от медицинских сестер весьма формальные поздравления, но ей было неясно, завидуют ли они ей или в душе сожалеют о новой жертве *мужчины*. Во всяком случае, она почувствовала, что атмосфера в госпитале стала для нее не слишком дружественной.

Летом они встретились с Арчи в Лондоне во время его очередного трехдневного отпуска. Он выглядел нервным, издерганным, не желал слышать ни о чем неприятном. Его мучил синусит (воспаление пазух носа) — совсем неромантическая болезнь, сопровождавшаяся вдобавок сильными головными болями. Вскоре после его возвращения на фронт от него пришло известие, что из-за синусита он больше не будет летать, ему поручили организационную работу в авиации. Для карьеры это было прекрасно, репутацию отважного офицера он давно заслужил, а невозможность непосредственного участия в боевых действиях теперь казалась не столь обидной, как показалась бы год назад. Шел к концу 1915 год. Сводки неизменно гласили: «На западном фронте без перемен». Войну за всех союзников вела теперь одна Россия.

Жизнь в госпитале тоже стала иной. Полевые госпитали перевели во Францию, с ними из Торки исчезли вши, ампутации и пр. Теперь приходилось лечить преимущественно солдат — жертв различных болезней, соответственно резко возросла потребность в лекарствах. При госпитале создали аптеку, и Агата охотно перешла туда на работу. Фармацевты тех лет не имели возможности просто отпускать больным требуемое количество патентованных таблеток; все лекарства приходилось готовить самим по рецептам докторов. Нужно было изучить химию, о которой девушки даже не подозревали, разобраться в формулах, ядах, пробирках и т. д. и т. п. Сдача экзамена на звание помощника фармацевта была делом сверхсложным, которое в Англии усугублялось тем, что требовалось знание метрической системы, полностью непонятной никому из британцев, включая докторов. Для них 0,1 г и 0,01 г не представляли разницы, что было особенно интересно, если речь шла о ядах! Знакомство с медициной и фармакопеей «изнутри» произвело сильное впечатление на молодую женщину. Если прежде она испытывала неприязнь к докторам за их презрение к персоналу, но прощала во внимание к их искусству, то теперь она разуверилась в самом этом искусстве: «Любой профан, каковым я себя считала, наивно верит, что доктор занимается пациентом строго индивидуально, подбирает самое подходящее для него средство и, исходя из этого, выписывает лекарство соответствующего состава в нужных дозах. Вскоре я заметила, что тонизирующие препараты доктора Уиттика, доктора Джеймса и доктора Вайнера не имеют ничего общего между собой и столь же не зависят от заболевания пациента, сколь зависят от доктора».

С тех пор в ее романах обаятельные доктора стали частыми героями — но либо преступниками, либо жертвами! Лишь однажды врач, эпизодический персонаж «Смерти в облаках», остался благородным и

живым, однако ему пришлось пожертвовать медицинской практикой и вообще покинуть Англию ради счастья возлюбленной.

Фармацевты оказались не лучше. Тот, у которого сестра Кристи обучалась, однажды поразил ее странностью поведения:

«Однажды, может быть, стараясь произвести на меня впечатление, вытащил из кармана комочек темного цвета и показал мне его со словами:

— Знаете, что это такое?

— Нет, — ответила я.

— Это кураре, — заметил доктор. — Вам известно, что это такое?

Я ответила, что в книгах читала о кураре.

— Интересная штука, — сказал доктор, — очень интересная. Если он попадает в рот, то не приносит никакого вреда. Но стоит ему проникнуть в кровь — вызывает мгновенный паралич и смерть. Именно им отравляли стрелы. А вы знаете, почему я ношу его в кармане?

— Нет, — ответила я, — не имею ни малейшего представления. „Вот уж глупость“, — подумала я, но удержалась и ничего не добавила.

— Что ж, — сказал он задумчиво, — наверное, дело в том, что это дает мне ощущение силы.

Тогда я взглянула на него. Это был маленький смешной круглый человечек, похожий на малиновку, с крошечным красным лицом. В данный момент он просто лучился чувством детского восторга.

Вскоре после этого мое обучение закончилось, но я часто думала потом о мистере Р. Он поразил меня и, несмотря на вид херувима, показался весьма опасным человеком».

Без малого полвека спустя Агата Кристи вспомнила о нем и сделала героем «Виллы „Белый конь“».

Два года ее со всех сторон окружали лекарства и яды, два года она двигалась по неизменному маршруту дом — аптека — дом, за два года она

лишь раз видела Арчи, которому не давали отпуск, четвертый год тянулась война. Непосредственная опасность отступила, возбуждающий эффект борьбы прошел — тяготы повседневности остались. И так хотелось уйти от них, хотя бы в воображаемый мир. В аптеке у нее нередко оставалось свободное время, когда все лекарства приготовлены, а дежурство длится и длится и остается только сидеть и размышлять. Даже беспокоиться о поиске мужа больше не требовалось. Обручальное кольцо на пальце внушало чувство устроенности: важнейшее позади. Ее невольно потянуло к полузабытому сочинительству. Писать легкие психологические этюды стало сейчас невозможно — рука нечаянно напишет что-то тяжелое про боль разлук, про горечь потерь. Драмы о спиритизме тоже казались не ко времени. Для исторических романов она была недостаточно эрудированна, да и не до прошлого, когда живешь в историческом настоящем. Любовные коллизии могли бы отвлечь от действительности, но, по правде говоря, она не умела описывать любовь и не слишком желала уметь.

Ей вспомнился давний разговор с Мэдж:

«Я сказала, что сама хотела бы попытаться написать детективный роман.

— Не думаю, что у тебя получится, — сказала Мэдж. — Это слишком трудно. Я уже думала об этом.

— А мне бы все-таки хотелось попробовать.

— Держу пари, что ты не сможешь, — сказала Мэдж.

На этом мы и остановились. Мы не заключили настоящего пари, но слова были произнесены. С этого момента я воспламенилась решимостью написать детективный роман. Дальше этого дело не пошло. Я не начала ни писать, ни обдумывать мой будущий роман, но семя было брошено».

Пришла пора ему прорасти. Почему детективный роман? С конца XVIII века женщины-писательницы не представляли в Англии ничего необычного. Они могли быть талантливыми и даже гениальными, как Джейн Остин, но им приходилось соперничать с ничуть не менее талантливыми и даже гениальными английскими писателями-мужчинами. Деления литературы на «женскую» и «мужскую» практически не существовало, но никто не мог игнорировать мнение соседей, родных и читателей. А британское общество требовало от писателя, чтобы он в первую очередь был *джентльменом*, и карало за любые отступления от хорошего тона и приличий. Еще жестче было давление на *леди*.

Исключительная одаренность позволила бы ей подняться над неодобрительным перешептыванием, но если особенной одаренности не было или она ее не ощущала в себе, для женщины-писательницы существовали вполне очевидные ограничения в выборе жанра и сюжетов. И как это ни покажется странным теперь, в начале XX века детективный жанр был заведомо и без всяких сомнений *самым благопристойным!* В Англии он воспринимался как подчеркнуто спортивная игра между автором и читателями, ведущаяся по заранее известным правилам (в ту пору еще не сформулированным, но уже общепризнанным), нарушать которые недопустимо. Секс, всякие подонки общества и низменные стороны жизни в детективе казались так же неуместны, как на футбольном поле. По сути, это была не совсем литература, а литературная игра, но зато стать настоящим мастером этой игры было нелегко.

Единственным романом, историю возникновения которого Агата Кристи поведала читателям, был ее первенец — «Таинственное происшествие в Стайлс». Законы жанра были ей с юных лет известны и симпатичны. «Любовные мотивы в детективном романе всегда навевали на меня беспробудную скуку и, как я чувствовала, были принадлежностью романтической литературы. Любовь, на мой взгляд, не совмещалась с чисто логическими умозаключениями, характерными для детективного жанра». Это почти цитата из наставлений Шерлока Холмса доктору Уотсону. Сюжет, который она обдумывала во время одиноких бдений в аптеке, почти копировал действительность и был строго современен: бельгийские беженцы и среди них отставной полицейский Эркюль Пуаро, раненный на фронте капитан Гастингс, госпитальный фармацевт девушка Синтия, молодая дама, с начала войны работающая дояркой... — все они очерчены очень бегло, так как любой читатель той поры мог подставить на их место сколько угодно близких и знакомых. Естественно, убийство должно произойти путем отравления — не пропадать же знаниям, полученным Ценою таких умственных усилий! Действие происходило в богатом особняке, перешедшем на режим жесткой экономии. Почему-то позднее Стайлс ассоциировался у критиков с Эбни, где жили Уотсы, однако в нем нет ничего готического, как в самом Эбни. Никакой «готики» нет и в романе, никакого нарочитого нагнетания страхов, никому не нужных посреди ужасов военных будней. События развиваются при свете дня, без лишних переживаний] и страданий, с бытовой ясностью и психологической легкостью — и в этом тоже был дух уставшего от тревог времени.

Агата увлеклась романом. «Я бродила по дому с отсутствующим видом. Мама спрашивала, почему я не отвечаю на вопросы, а если отвечаю,

то невпопад. Я все время путала петли в бабушкином вязании; у меня вылетели из головы все дела, которые я собиралась сделать; я писала на конвертах неправильные адреса. Наконец наступил момент, когда я почувствовала, что могу начать писать. Я посвятила маму в свои намерения. Мама, как обычно, проявила полную уверенность в том, что ее дочери могут все, что захотят.

— О-о-о? — сказала она. — Детективный роман? — Чудесное развлечение для тебя, не правда ли? Когда ты начнешь?»

Начать легче, чем закончить, особенно при путанице нагроможденных в романе сюжетов. Наконец Агата попросила двухнедельный отпуск и в тиши отеля в Дартмуре сумела привести героев к развязке. Рукопись ушла в одно издательство, вернулась с пометкой «издатель сожалеет...», ушла в другое, в третье... а там и забылась самой сочинительницей.

6

Ее жизнь неожиданно изменилась. В середине 1918 года майор Кристи был переведен в Лондон, в Министерство военно-воздушных сил. Впервые супруги Кристи получили возможность зажить нормальной семейной жизнью. Ее организация, естественно, пала на Агату.

«Бабушка плакала, мама сдерживала слезы. Она сказала:

— Дорогая, у тебя начинается новая жизнь, с мужем, и я надеюсь, что все у вас будет хорошо.

— Если кровати деревянные, — сказала Бабушка, — не забудь проверить, нет ли там клопов».

Проблем, однако, было больше, чем представляла бабушка, никогда не снимавшая мебелированных комнат.

Они арендовали квартиру на Нортвик-террас, сравнительно недалеко от Риджентс-парка, но на *нефешенебельной стороне*, как говаривала леди Брэкнелл у Оскара Уайльда. Любопытно, для семей какого состава было распланировано это жилище? Две огромные комнаты, разумеется, ледяные зимой, явно позднее выгороженные крохотные кухонька и ванная — и за все две с половиной гиней в неделю без питания и обслуживания, что очень дорого. Это было жилище для непродолжительного пребывания, никто не мог бы снять его на год (136 фунтов в год за две комнаты — немыслимо!). С ними поселился ординарец Арчи, вышколенный слуга из герцогского дома, что супруги Кристи рассматривали как огромное преимущество. Но где он спал? в коридоре? в крохотной кухоньке? на диване в гостиной под

боком у молодой четы? об этом не говорится в воспоминаниях — все слишком привыкли к слугам, чтобы при всем уважении к ним считать их самостоятельными личностями. Питались как получалось: брали еду в муниципальных столовых, что-то стряпала хозяйка дома, что-то готовила Агата, в основном из патентованных смесей.

В этой-то квартире с заботливой хозяйкой и ужасными кроватями с торчащими пружинами и началась настоящая супружеская жизнь давно обвенчанной четы. Их прежние короткие встречи не способствовали установлению взаимопонимания: Арчи был подавлен, обстановка неподходяща, все приходилось откладывать на «после войны». И вот для них война почти закончилась, быт кое-как наладился. Ни слова в «Автобиографии», но в «Неоконченном портрете» звучит намек на некоторую разочарованность героини в супруге: «С него слетела вся его самоуверенность, властность, дерзость. Он был юн, застенчив, по уши влюблен, и Селия была его первой любовью». Он не выражал своих чувств нежными словами или ласками, и вообще, «лучшим было то время, когда они, перед тем как отправиться спать, сидели у камина». Конечно, любовь героини превращала недостатки мужа в достоинства, но ее явно огорчала его неопытность. Агате Кристи не довелось встретить на своем пути пресловутого «мужчину с опытом», иначе она узнала бы, что даже в романах это редко значит нечто большее, чем тиражирование приемов, раз одобренных какой-то особой (возможно, льстившей ему по каким-то соображениям), а всем прочим женщинам предоставляется соглашаться с ее мнением — переубедить его все равно не удастся. Никакой опыт не заменит взаимопонимания между мужем и женой, а оно зависит от усилий обоих.

Кристи были обычной молодой четой, хотя их совместная жизнь и началась фактически через четыре года после свадьбы. Они имели все основания для счастья, сознавали это и почти по-детски играли «в семью». Возникали и разногласия: муж желал ложиться в десять вечера, а жена мечтала о развлечениях, не задумываясь о том, что ему с утра на службу; возникли, видимо, разногласия насчет закрывания окон в спальне (во всяком случае, позднее эти два фактора ее Паркер Пайн считал единственно существенными для перспектив удачной семейной жизни, а Таппенс возмущалась домоседством своего Томми). Но все эти трения очень скоро потеряли значимость.

Жизнь замужней дамы показалась Агате с непривычки невыносимо скучной. Дел по дому почти нет, окрестности не сравнить с родным Эшфилдом, друзья далеко, а любимая подруга Нэн Уотс живет (с первым из

ее мужей) хотя в Лондоне, но в иных обстоятельствах:

«Звучит глупо, и на самом деле это было глупо, но никто не станет отрицать, что разница в имущественном положении отдаляет людей друг от друга. Дело не в снобизме или социальном положении; речь идет о том, можете ли вы позволить себе вести такой же образ жизни, как ваш друг. Если ваши друзья богаты, а вы — бедны, ситуация становится затруднительной.

Я и в самом деле была немного одинока. Я скучала по госпиталю и друзьям, ежедневным встречам с ними, мне не хватало моего дома, но я отлично понимала, что это неизбежно».

Агата всегда была одинока и поэтому привычно легко приняла новый образ жизни как составную часть супружества. Занялась от скуки бухгалтерией и стенографией, хотя смысла в этих занятиях не существовало — не собиралась же она в самом деле когда бы то ни было работать секретаршей?! Она только очень огорчалась отсутствию ребенка. Ее воспитали в убеждении, что дети появляются чуть ли не от рукопожатий, почему и нельзя позволять мужчинам ни малейшей вольности. Теперь ей пришлось убедиться, что желанные дети рождаются, видимо, не столь легко, как нежеланные.

И вдруг война закончилась.

Арчи знал об этом заранее, но не имел права никому говорить. Для его жены мир стал полным сюрпризом, причины окончания многолетних сражений казались столь же непонятны, как и причины их начала. Ошеломленные лондонцы плясали на улицах, Агата шла с бухгалтерских курсов и пугалась царящей вокруг вакханалии. Ставшая уже привычной тяжесть упала с души и только тогда все поняли, какой давящей она была все эти долгие пять лет. А через несколько недель Агата почувствовала признаки беременности. И не она одна: на свет рвались долгожданные «дети победы».

Ей не повезло. Первый восторг сменился долгими месяцами непрерывной тошноты. Сочувствующая квартирная хозяйка ей в утешение выдумала, будто тошнота — признак будущей девочки. Миссис Кристи так и осталась в убеждении, что токсикоз неизбежен и обязателен, отчего впредь предпочла детей не иметь. Арчи, всегда ненавидевший свои и чужие болезни, никогда не помогавший болевшим близким под типичным предлогом «не хочу мешать», на сей раз переносил нездоровье жены с кротким терпением и безграничным желанием сделать ей что-то приятное.

Он готов был и варить специальную питательную смесь, и брать на себя домашние хлопоты. Из всех сил стремился порадовать ее чем-то вкусеньким. Она ничего не могла есть, но, к собственному удивлению, с голоду не умерла. И родила здоровое дитя.

Ребенок появился на свет там же, где его мать — в Эшфилде, 5 августа 1919 года. Обе бабушки Агаты не дождались правнучки, умерев одна за другой годом-двумя раньше. Но Клара Миллер приняла звание бабушки как положено: суежилась, готовила дом к родам, помогала акушерке, ухаживала за роженицей и новорожденной. Как и предсказывали, родилась девочка, названная после долгих споров Розалиндой. Арчи был доволен — он не желал сына, который вытеснил бы его из сердца жены без права на ревность с его стороны. Уступить первенство девочке казалось ему не так горько. Однако он напрасно беспокоился: сердце жены принадлежало ему безраздельно, а любые причины для разочарованности в совместной жизни уже не имели значения — отныне семья обязана была подчиняться интересам ребенка.

Молодая мать приходила в восторг от своей *прелестной* малышки, но видела ее не часто. Она не кормила, девочка выросла на искусственном молоке. Через две недели после родов Агата вообще уехала в Лондон подыскивать новое жилье. С появлением ребенка существование в Лондоне должно было резко измениться. Арчи демобилизовался в чине полковника, которого он никогда бы не достиг за каких-то пять лет, если бы не условия военного времени. К сожалению, война имела не только положительные последствия. Худшим стала инфляция. До войны чин полковника означал очень высокий уровень обеспеченности. Любая маменька выдала бы дочь за полковника, не спрашивая дополнительных подробностей — доход и статус были очевидны. После войны тридцатилетний офицер оказался одним из тысяч военных, неспособных прокормить семью на жалованье: появилось первое «потерянное поколение».

Но Арчи себя не потерял, он умел быстро ориентироваться не только в небе, но и на земле. Он решил покинуть ставшую малоперспективной в мирное время авиацию и заняться бизнесом в Сити. Безработица среди отставных героев войны принимала невиданные размеры, и он мудро нашел место в некоей фирме еще до увольнения. С учетом его зарплаты, всех рент и пособий Кристи могли рассчитывать примерно на 700 фунтов в

год, а ведь необходимо было держать няню и служанку. Почему необходимо? «Сейчас, вспоминая об этом, я удивляюсь, как при таких скромных доходах мы намеревались держать няню и прислугу, но в то время без них никто не мыслил себе жизни, и это было последнее, от чего мы решились бы отказаться. Нам бы, к примеру, тогда не пришло в голову завести машину».

Служанка пришла сама: Люси демобилизовалась из Женских частей и рвалась помогать дорогой «мисс Агате». Ей предстояло стать не только поварихой, но мастерицей на все руки. В благодарность ей положили неслыханное жалованье — 36 фунтов в год! Правда, на полном содержании, кроме покупки выходной одежды, но даже вообще ничего не тратя (что маловероятно), Люси за десять лет службы смогла бы скопить только половину суммы, которую ее хозяйева почитали еле сносной на год. Такова социальная структура тогдашней Англии!

Кристи временно сняли большую квартиру в четыре спальни и две гостиные за пять гиней в неделю, весьма далеко от центра, на Эдисон-роуд, на крайнем западе большого Лондона, и отныне Арчи ежедневно пришлось ездить в Сити буквально через весь город на подземке, пешком добираясь чуть не полчаса до ближайшей станции. Няню нашли в бюро по найму. Джесси Суоннел ненавидела родителей, но обожала детей.

«— В конце концов, — сказала я ей однажды, — у ребенка должны быть родители, иначе вам некого было бы нянчить.

— Ну что ж, в этом какая-то доля истины есть, — ответила Джесси и нехотя улыбнулась».

Жизнь вроде бы устроилась, но только на два месяца, пока длился договор на квартиру. Срочно требовалось найти новую. В рассказе «Слишком дешевая квартира» Агата Кристи живописала послевоенную атмосферу поисков жилья, когда взмыленные молодые пары носятся по окраинам огромного города, вечно пересекаясь, одним духом взлетая на верхние этажи в желании опередить конкурентов. Ей самой посчастливилось. После многих треволнений она нечаянно арендовала сразу две квартиры: одну на четвертом этаже соседнего дома по Эдисон-роуд всего за 90 фунтов в год, другую в приятном районе Баттерси-парк за Темзой. На четвертом этаже они поселились сами, а квартиру в Баттерси сдали за 190 фунтов, получив чистую прибыль в 100 фунтов и на опыте узнав, отчего так вздорожало лондонское жилье, где в бесконечной череде субаренд крайними оказывались самые малоимущие.

Мебель покупать не пришлось — ее привезли с «мебельных складов» в Эшфилде, в котором исчезновение скольких-то столов, шкафов и прочего осталось вовсе незаметным. У Агаты, правда, не было пианино, и она играла только во время нередких визитов в родной дом. Отделка квартиры частично собственными руками многому научила молодую хозяйку. Другие домашние заботы ее не обременяли, будучи возложены на Люси. Дочь находилась на попечении Джесси, мать имела полную возможность в свободную минуту заглянуть в детскую, потрогать кулачок малышки, подарить новую погремушку — и отправиться по своим делам. Единственное, что ей приходилось делать, были прогулки. Коляску стаскивали с четвертого этажа без лифта и везли до ближайшего парка в Кенсингтоне не менее получаса, а потом проделывали весь путь обратно до четвертого этажа. Обычно это делала Джесси, но когда той приходилось стирать пеленки, Агата заменяла ее. Арчи видел дочку по вечерам, вернувшись с работы. Впрочем, он заработал на нервной почве диспепсию (еще менее романтическое заболевание, чем синусит) и часто просто ложился на диван, не желая ни есть, ни разговаривать.

И все-таки это были счастливейшие три года их семейной жизни. Розалинда росла. Деньги проживались полностью, но это никого не смущало. Светские развлечения остались в полузабытом довоенном прошлом. Изредка они выбирались во Дворец танцев взамен прежних балов. По выходным отсутствие средств вынуждало к прогулкам по окрестностям города, которые доставляли и моцион, и глоток свежего воздуха, а главное, удовольствие побродить вдвоем в тиши садов и полей.

Сюда же, в квартиру на четвертом этаже, однажды пришло письмо из издательства «Бодли Хед»: миссис Кристи приглашали для встречи с мистером Джоном Лейном. Она была совершенно потрясена. Она и думать забыла про свой «Стайлс», а тут его собираются *издать*. Джон Лейн предложил ей обычный грабительский издательский договор: гонорар предусматривался только с определенного тиража (выше того, который издательство планировало напечатать), все права на публикацию в журналах и прочее издательство оставляло себе, пять следующих книг автор обязывался передать данному издательству на тех же условиях. Агата подмахнула договор не глядя. Какие следующие пять книг? ее издадут, ее роман выйдет — и точка.

Она хотела взять псевдоним Мартин Уэст, но Джон Лейн настоял на ее собственном имени. Первый роман нового автора — Агаты Кристи — вышел тиражом две тысячи и прилично продавался. Она была на седьмом небе и даже получила 25 фунтов — мягко говоря, немного, да и те

издательство подарило в виде поощрения, а не по договору.

Арчи, однако, глядел вдаль: он убедил ее продолжить сочинительство.

«— Ты могла бы заработать кучу денег, — сказал Арчи.

Конечно, может, он был и прав, но какие-то двадцать пять фунтов в качестве платы за целую книгу меня не слишком вдохновляли на продолжение литературной деятельности.

— Если книга оказалась хорошей и издатель на ней кое-что заработал, а я уверен, что это так, он захочет напечатать и следующую. У тебя всегда должно быть что-нибудь наготове, — поучал Арчи.

Я слушала и не возражала. Я восхищалась его умением ориентироваться в финансовых проблемах и стала размышлять о новой книге».

Естественно, она «слушала и не возражала» — как всегда. Но теперь ее покладистость и неумение сказать «нет» были на пользу.

Новая книга отвлекла Агату от бессмысленных занятий бухгалтерией. Она получилась веселой, легкой, скорее боевиком, чем детективом, — но об этом позднее. И принесла уже 50 фунтов. Третий роман был вдохновлен поездкой во Францию во время двухнедельного отпуска Арчи, сюжет был запутан сверх меры, а общая атмосфера явно имела налет французского влияния.

Сочинительство по роману в год не казалось обременительным, наоборот, рассеивало скуку будней, небольшие гонорары служили приятной прибавкой к бюджету, Розалинда привыкла, что мама работает у себя в комнате и тревожить ее шумом нельзя.

Арчи довольно скоро понял, что фирма в Сити, столь любезно взявшая его на приличный оклад, по меньшей мере занимается сомнительными сделками. Его это беспокоило: он не мог потерять что-нибудь при возможном крахе, но сама нереспектабельность ситуации раздражала его. Он как-то невольно увлекся гольфом — наиболее приличествующей солидному деловому человеку игрой. Агата не любила гольф: еще ее второй жених безуспешно пытался со всем своим спокойствием и флегматичностью учить ее играть, а нетерпеливому и раздражительному

Арчи эта задача была вообще не по силам. Она очень скучала по их совместным прогулкам, но приняла и гольф, как приняла все в своей замужней жизни. Вместе с Нэн Уотс, с которой удалось восстановить прежние беззаботные отношения, они сидели на краю поля, запасшись пакетиками любимых сливок, и в ожидании мужей выпивали по пинте каждая.

Однажды осенью 1922 года партнер Арчи по гольфу, немолодой майор Белчер, человек с внушающей доверие внешностью, хорошо подвешенным языком и без капли ответственности в душе, обратился к нему с оригинальным предложением:

«— Вы слышали о Всебританской имперской выставке, которая должна состояться через восемнадцать месяцев? Ее следует должным образом организовать. Нужно привести в боевую готовность доминионы, чтобы они активно участвовали в этом мероприятии. Я взял на себя важную миссию — от имени Британской империи отправляюсь в январе в кругосветное путешествие. — Он описал свой план в подробностях. — Кто мне нужен, так это партнер, который был бы советником по финансам. Ты как на этот счет, Арчи? У тебя всегда была голова на плечах. Ты именно тот, кто мне нужен. Маршрут будет такой. Сначала отправляемся в Южную Африку. Мы с тобой и секретарь, разумеется. После этого двинемся в Австралию, а оттуда — в Новую Зеландию. Там я беру небольшой отпуск — у меня в Новой Зеландии масса друзей; мне очень нравится эта страна. Быть может, мы отдохнем там с месячишко. А вы можете съездить на Гавайи, если захотите, в Гонолулу.

— Гонолулу! — выдохнула я. Это было как мечта, как сон.

— Затем дальше, в Канаду, а оттуда — домой. Все это займет месяцев десять. Ну как?»

Арчи предложили тысячу фунтов за поездку вокруг света на полном содержании! По тем временам это было воплощенной сказкой Шахерезады. Он, правда, терял работу в Сити и не имел уверенности, что найдет по возвращении новое место. Но неужели риск не был оправдан? Агата мечтала повидать мир, тысячи фунтов Арчи как раз хватило бы на ее поездку: «Это наш шанс. Упустим — никогда себе не простим. Как ты сам любишь говорить, если не умеешь ловить удачу, стоит ли вообще жить».

От его опасений оставить ребенка на такой долгий срок без

возможности немедленно вернуться, случись что серьезное, она отмахнулась:

«— Москитик, — эта кличка с легкой руки ее сына накрепко пристала к моей сестре, — возьмет Головастика. Или мама — они будут счастливы. К тому же у нее есть няня. Нет, проблем не будет. Арчи, такой шанс нам больше никогда в жизни не выпадет, — с тоской сказала я».

Пожалуй, именно ее настойчивое стремление увидеть свет решило дело. Арчи Кристи покинул свою сомнительную фирму и принял назначение, превратившись в колониальной прессе в «Управляющего Английским банком» да еще с боевыми наградами! неужели это не стоило тысячи фунтов?

Мать полностью одобрила намерение дочери сопровождать мужа, охотно взяв на свое попечение Розалинду с няней. Сомнения, даже гнев Мэдж по поводу такого решения, нечаянно совпавшего с возвращением смертельно больного Монти из Африки, миссис Миллер отмела без всяких подтекстов:

«— Обязанность жены быть рядом с мужем, — говорила она. — Муж всегда должен оставаться на первом месте, даже опережая детей, — а брат уже где-то за ними. Помните: если слишком часто оставлять мужа одного, *вы в конце концов его потеряете*. А с таким мужчиной, как Арчи, нужно быть особенно осмотрительной.

— Уверена, что ты ошибаешься, — возмущалась я. — Арчи — самый верный человек на свете.

— Мужчинам никогда нельзя доверять, — возражала мать в истинно викторианском духе, — *женщина обязана* быть подле мужа везде; если ее нет рядом, у него возникает ощущение, что он *вправе* забыть ее».

После Рождества трехлетняя Розалинда осталась в Эшфилде, ее родители отправились в годовой Имперский тур.

Миссия Всебританской имперской выставки путешествовала по высшему разряду. Агата Кристи осталась в убеждении, что причиной такого повышенного внимания была ловкость Белчера. Она ошибалась. Никто не стал бы платить бешеные деньги почти целый год за простой треп. Идея организации Имперской выставки после войны имела глубочайший смысл. Колонии и доминионы почти пять лет существовали без постоянных связей с метрополией — и обнаружили, что их существование несколько не стало хуже! Другими словами, при всем уважении к его королевскому величеству Георгу V, зачем им оставаться в составе империи? зачем платить налоги Лондону? не лучше ли собирать их для себя, обрести независимость, стать полноправными государствами мира? Логических, экономических, политических аргументов против этих идей Англия предложить не могла. Нужны были соединенные усилия политиков, бизнесменов, миссий и учреждений, чтобы убедить колеблющихся по-прежнему жить вместе. Нужны были как раз краснобаи вроде Белчера. Нужна была удобная объединительная цель вроде Имперской выставки, чтобы деловые круги доминионов согласились продолжать сотрудничество с центром. В тандеме участников миссии Всебританской выставки Белчер играл роль представителя политической элиты, Кристи являл зримый образ лучших сторон Сити. Вместе они внесли свой вклад в дело сохранения Британской империи, ставшее важнейшей задачей многих и многих британцев. Они отстаивали интересы торговли, миграции населения, они доказывали полезность сохранения единства. В ту же пору полковник Рейс пропадал на всяких окраинах империи, особенно там, где возникали беспорядки. После Второй мировой войны то ли новых Белчеров, Кристи или Рейсов не нашлось, то ли время безнадежно изменилось — и Империя рухнула.

Но пока она была цела, миссис и мистер Кристи сполна насладились положением гостей правительства, включавшим в том числе бесплатный проезд и бесплатное проживание в пределах мировой державы. Читатели Агаты Кристи помнят Белчера и его молодого секретаря с внешностью театрального злодея по роману «Незнакомец в коричневом», где оба играют немалую роль. Свои морские страдания на корабле по пути в Кейптаун она приписала героине романа, живописуя их по свежим следам! Заботы об успехе миссии не слишком обременяли ее членов: в Южной Африке они любовались водопадом Виктория и гиппопотамами в реках, катались на досках по морю и устраивали в дюнах пикники. После серого Лондона все было сказкой, и даже полуреволюционные выступления на родезийских рудниках не вызывали беспокойств, кроме страха не успеть повидать все

чудеса природы. Агата подробно описывала матери все увиденное, а порой писала даже дочке, не забывая, что той читает письма Мэдж, которую надо всячески ласкать за заботу о ребенке. Едва ли Розалинда воспринимала уехавших родителей как нечто реальное — что такое письмо для трехлетней девочки?!

В Австралии пришлось тяжелее: гигиена стояла на постыдно низком уровне, Арчи страдал от своей диспепсии по причине неподходящего питания, а амбиции австралийцев потребовали от членов миссии напряжения всех сил и энергии. Не только Белчер с Арчи крутились как заведенные и произносили речи каждый день, но даже миссис Кристи вносила свой вклад, участвуя в светских приемах, выступая публично, — а газеты старательно описывали ее туалеты. Все это становилось, однако, рутинно скучным, и после такой работы месячный отдых показался вполне заслуженным. Для четы Кристи, уже до дрожи ненавидевшей мелочного и брюзгливого Белчера, он стал глотком свободы. Немного подивившись красотам Новой Зеландии, они отправились на Гавайские острова.

То были еще настоящие Гавайи, известные всем по рассказам Джека Лондона, хотя и он считал долгом оплакивать исчезновение их девственных красот. Сейчас исчезла даже память о их первозданном виде, но и в августе 1922 года Гонолулу выглядело слишком цивилизованным на взгляд романтических европейцев. Зато серфинг на волнах тихоокеанского прибоя дал им почувствовать первобытную мощь природы. Не только Агата, но и такой сильный пловец, как Арчи, слетели с досок, получили тьму царапин и синяков и еле дотащились до отеля, стоявшего тут же у пляжа.

«Следующий выход в море окончился для меня неприятностью. Великолепный шелковый купальный костюм, закрывавший меня от плечей до щиколоток, был изодран волнами в клочья и, выскочив из воды, я вынуждена была почти голой бежать до того места, где остался мой пляжный халат. Пришлось немедленно отправиться в гостиничный магазин и купить восхитительный изумрудно-зеленый облегающий купальник, который я обожала потом всю жизнь и в котором, кажется, выглядела весьма недурно. Арчи тоже так считал».

К концу двухнедельного отдыха они наловчились катиться на доске стоя — какое величайшее физическое наслаждение, какой триумф духа! Миссис Миллер получила целый альбом фотографий дочери, летящей над океанскими волнами. Но под неведомым европейцам тропическим солнцем

они заработали тяжелейшие солнечные ожоги и неврит у Агаты, мучивший ее потом целый месяц невыносимыми болями.

Гавайи находятся на полпути между Новой Зеландией и Канадой. Как же нелепа казалась мысль о необходимости вернуться к Белчеру, а потом снова проделать тот же путь по бурному океану, когда и в штиль Агату укачивало до полусмерти! В Канаде их ждали новые неприятности. Во-первых, полное безденежье. Арчи жил на всем готовом, но его жена могла рассчитывать в отелях только на завтрак. Разумеется, ему не приходило в голову попытаться что-то вынести ей из ресторана. Она наедалась до предела раз в день, а вечером просила горничную принести кипяток, разводила подаренный кем-то новозеландский мясной экстракт и пила бульон — целых десять дней. Иногда, правда, ее приглашали в гости, где она поражала хозяев аппетитом.

В Виннипеге на самой середине трансканадского маршрута Арчи по неосторожности побывал на элеваторе, и хронический синусит дал ужасный рецидив: он свалился в бреду с высоченной температурой, Белчер в бешенстве уехал, а жена в полной растерянности не понимала, как выжить при полном отсутствии средств в незнакомом городе. Естественно, выздоравливая, Арчи пребывал в отвратительном расположении духа и нисколько не ценил самоотверженности Агаты, когда, пренебрегая болью неврита, она по семь раз в день обтирала его с ног до головы раствором соды, чтобы смягчить воспаление кожи. К счастью, испытания приходили к концу. Арчи кое-как выкарабкался, догнал Белчера и с триумфом завершил Имперскую миссию у берегов Атлантики; Агата вылечила неврит в одном из минеральных источников в Скалистых горах, оставила спутников в Монреале и приехала в Нью-Йорк к американской родне без единого цента — отъедаться и отдыхать в покое и роскоши.

Кругосветное путешествие пришло к концу, за океаном ждала Англия.

Глава четвертая

ТАИНСТВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАЙЛС

1

Англия. Розалинда. Дочь встретила папу и маму так, как они того заслуживали — «как чужих, незнакомых ей людей». Она жила теперь не в Эшфилде, а в Эбни у Мэдж. Ставшая в старости резко-неприятной миссис Миллер уволила преданную няню Джесси. Отъезд родителей, быть может, произвел на девочку меньшее впечатление, чем потеря родной няни. Что она пережила, оставшись одинокой в таком большом мире? К счастью, рядом оказалась добрая любящая душа. Мэдж, сын которой уже учился в Оксфорде, с радостью приняла Розалинду в дочери, с нею ожил ее громадный дом, и сама она словно помолодела рядом с нуждавшимся в ней ребенком. И девочка перенесла всю свою детскую привязанность на «тетю Москитик».

Скорый отъезд из Эбни в Лондон с вернувшимися родителями стал новым испытанием для малышки. Те хладнокровно разлучили ее с любимой тетей, Агата даже с некоторым раздражением выслушала советы сестры о воспитании девочки: сама разберусь, теперь все будет по-новому — и ни на миг не вспомнила собственные страдания после ухода Няни! А Мэдж, пробужденная от бездеятельности Розалиндой, после разлуки с нею внезапно вернулась к позабытому творчеству и всего через год триумфально дебютировала в лучшем театре Вест-Энда пьесой «Претендент»!

Розалинда, пережив к четырем годам столько испытаний, выдержала и очередные. Она научилась жить в огромном городе, постепенно привыкла к матери, — но никогда не считала ее своей опорой. В будущем в дни тяжелых болезней или тревог она хотела, чтобы рядом была любимая тетя Москитик, — и та всегда с восторгом приходила на помощь. В родной семье Розалинда существовала сама по себе, закрытая, равнодушная, сдержанная, аккуратная, деловитая и реалистичная. В няни к ней по непонятной бабушкиной прихоти наняли на редкость глупую, суетливую и бестолковую старуху, прозванную Куку. Девочка нашла своеобразное

утешение, взяв эту растяпу под свое покровительство:

«Розалинда находила для Куку потерянные вещи, прибирала вместо нее в комнате и даже наставляла ее, сидя в коляске, когда они отправлялись на прогулку:

— Сейчас не переходи, няня, нельзя — автобус едет... Ты не туда поворачиваешь, няня... Ты, кажется, собиралась покупать шерсть, няня. Так это не сюда...»

Супруги Кристи не выносили эту Куку. Но не увольняли. Не до нее было. Забот хватало — за удовольствие кругосветного путешествия они теперь расплачивались нервными срывами. Они возвратились в свою квартиру на четвертом этаже, в предыдущем году сдававшуюся в субаренду, но прежнего спокойствия не было. Арчи не мог найти работу.

«Чуть ли не с первого дня я вынуждена была терпеть его постоянную раздражительность или абсолютную замкнутость и страшную подавленность. Если я старалась казаться веселой, он упрекал, что я не способна осознать серьезность нашего положения; если печалилась — он говорил: „Нечего ходить с кислым видом. Ты знала, на что идешь!“ Словом, что бы я ни делала, все было не так.

Наконец Арчи твердо заявил:

— Послушай, единственное, чего я от тебя хочу, и единственное, чем ты действительно можешь помочь, это уехать.

— Уехать?! Куда?

— Не знаю. Поезжай к Москитику — она будет очень рада тебе и Розалинде. Или отправляйся домой, к матери.

— Но, Арчи, я хочу быть с тобой, я хочу быть рядом, разве это невозможно? Разве мы не должны вместе пережить это время? Неужели я ничем не могу тебе помочь?

Сегодня я бы, наверное, сказала: „Я пойду работать“. Но в 1923 году такое и в голову никому бы не пришло. Во время войны можно было служить в Женских вспомогательных частях — военно-воздушных, сухопутных — или работать на военных заводах и в госпиталях. Но то было временное положение; теперь для женщин не существовало работы в министерствах и учреждениях. Переполнены были и штаты магазинов. Тем не менее я упиралась и уезжать не хотела. Я ведь могла, по крайней

мере, готовить и убирать: у нас не было прислуги. Я вела себя тихо и старалась не попадаться Арчи на глаза, что было, кажется, единственным способом облегчить его состояние».

Абсолютно о том же написано в «Неоконченном портрете», но с существенным добавлением по поводу чувств безработного мужа: «Его гордость была жестоко уязвлена. Как бы зло и неразумно ни вел он себя, Селию это не обижало. Она понимала, что он страдает, — страдает за нее больше, чем за себя».

Вскоре Агата вспомнила, что может и сама немного заработать. Несколько рассказов напечатали в «Скетче», потом по свежим следам поездки с Белчером она сочинила «Человека в коричневом костюме» (точнее, записала сюжет, сложившийся в ее голове еще в Южной Африке).

Главным препятствием к работе была Куку. Та имела статус няни и поэтому не занималась никакой домашней работой, обязанная только блюсти порядок в детской, стирать вещички воспитанницы — и все. Она даже этого толком не делала, и впервые все хозяйство свалилось на миссис Кристи, не имевшую средств на служанку (Люси не бросила бы ее из-за безденежья, но, к несчастью, вышла замуж). Агата без протеста приняла свои обязанности, кое-как готовила для дочери и Куку и вздыхала с облегчением, когда няня с девочкой уходили на прогулку или за покупками. Однако в дождливые дни их некуда было отправить, и начинались мучения из-за надоедливой и туповатой няни:

«Хотя считалось, что всем известно: когда „мама работает“, ей нельзя мешать, Куку не так просто было сбить с толку. Она стояла под дверью комнаты, где я пыталась писать, и вела свой нескончаемый монолог, якобы обращенный к Розалинде:

— А сейчас, малышка, мы должны вести себя очень тихо, правда? Потому что мама работает. Маме нельзя мешать, когда она работает, мы же это знаем? Хотя мне нужно спросить у нее, отдавать ли твою платице в стирку. Ты ведь понимаешь, что сама я такой вопрос решить не могу. Нужно не забыть спросить ее об этом за чаем, да? Ах, нет, она будет недовольна, наверное, правда? И еще я хочу поговорить с ней о коляске. Ты же знаешь, что вчера из нее снова выпал болтик. Ну что ж, крошка, наверное, нам придется тихонечко постучать в дверь. Как ты думаешь, солнышко?

Тут, близкая к помешательству, я вскакивала из-за стола, все

хитроумные развязки сюжета вылетали у меня из головы и, бросив Энн среди джунглей Родезии в смертельной опасности, я распахивала дверь:

— Ну, что еще, няня? Чего вы хотите?

— О, простите, мэм, мне очень жаль, я не хотела вас беспокоить.

— Вы уже побеспокоили меня. Что дальше?

— Но я не стучала в дверь и не делала ничего такого...

— Вы разговаривали под дверью, — отвечала я, едва сдерживаясь, — так что я слышала каждое ваше слово. Что там с коляской?

— Видите ли, мэм, я думаю, что нам действительно нужна новая коляска. Мне бывает стыдно, когда мы с Розалиндой гуляем в парке и я вижу, какие прекрасные коляски у других малышей. Я считаю, что у мисс Розалинды коляска должна быть не хуже, чем у других».

Желание Куку выглядеть «не хуже других» миссис Кристи не трогало. Зато впервые введя в свой роман реального и близкого знакомого — Белчера, она беспокоилась неделикатностью замысла. Арчи, научившийся неплохо разбираться в людях, легко разрешил ее сомнения:

«— Не думаю, что ему понравится роль негодяя.

— А ты подари ему взамен титул, — предложил Арчи. — Это, полагаю, ему понравится».

Он оказался прав. В проницательности ему было не отказать. Однажды он безуспешно пытался спасти деньги Мэдж, решившей оплатить Монти постройку корабля, на котором тот собрался стать капитаном и зарабатывать большие деньги в Африке.

«— Великолепная идея. Сулит большие барыши, — сказал Арчи. — Правда, старина Миллер... Что, если в один прекрасный день ему не захочется рано вставать? Или не понравится чья-то физиономия? Ему ведь закон не писан».

И опять оказался прав. Деньги Мэдж канули в бездну, и Монти даже не подумал извиниться, — наоборот, вернулся в Англию, поселился в Эшфилде и начал изводить мать и сестер дикими выходками. Однажды даже обстрелял из пистолета шедшую к дому Мэдж. Полицейских он со всем своим обаянием убедил не вмешиваться в его «тренировки», а упреки в том, что

он напугал сестру до полусмерти, вообще не понял:

«— Не понимаю почему, — удивлялся Монти. — Я бы ее никогда не задел. Неужели она думает, что я не умею метко стрелять?»

«Тяжелый случай», как давно решили его родители. Уж что тяжелее?

2

Монти и Куку все-таки не помешали Агате Кристи завершить работу над рукописью. Издатель принял ее четвертый роман, покривившись для видимости, но тотчас достал из ящика новый договор — в предвидении будущего, которое уже потихоньку вырисовывалось, хотя сама писательница этого еще не осознала. Договор был не такой грабительский, однако кое-чему опыт ее научил — она отказалась его подписать. Она снова, без малого десять лет спустя, отправилась к тому литературному агенту, которого ей рекомендовал Иден Филпотс. Тот умер, но его преемник Эдмунд Корк взял восходящую звезду под свое покровительство и на полвека избавил от всяческих столкновений с издателями, со временем посвятив себя исключительно делам единственной клиентки.

Новое сотрудничество принесло плоды незамедлительно.

«Затем произошло такое, во что трудно было поверить. „Ивнинг ньюс“ предложила мне пятьсот фунтов за право публикации „Тайны Мельницы“. Теперь, правда, книга называлась по-другому, я перекрестила ее в „Незнакомца в коричневом“, потому что первое название казалось мне несколько банальным. Удача казалась неправдоподобной. Я не могла в нее поверить. Арчи не мог в нее поверить, Москитик не могла в нее поверить. Мама, разумеется, поверила сразу же: ее дочь, безусловно, с легкостью могла заработать пятьсот фунтов, печатая свой роман в „Ивнинг ньюс“, — ничего удивительного».

И тотчас после этого удача улыбнулась Арчи. Его пригласил в солидное, почти государственное дело австралийский приятель, причем его вступление в должность было отмечено не где-нибудь, а в Букингемском дворце! Супруги Кристи оказались на короткий миг при дворе — а в ту пору двор еще кое-что значил! «Арчи был абсолютно и безоговорочно

счастлив. Наконец он мог заключать честные и интересные сделки — никаких сомнительных делишек, перед ним открывался путь в респектабельный финансовый мир. Мы были на седьмом небе».

Арчи вернул себе самоуважение и стал походить на себя. К их счастью, добавился уход тяжело заболевшей Куку. На ее место взяли молоденькую девушку, получившую прозвище Сайт. Розалинда уже привыкла к сменам нянь и ничему не удивлялась. Ее мама была в восторге: то была идеальная няня. «Они с Розалиндой прекрасно занимали друг друга — до меня не доносилось ни звука. Либо они были в детской, либо внизу на лужайке, либо отправлялись за покупками». Сайт служила образцом аккуратности и четкости, поэтому Розалинда перенесла свое покровительство на мать, терявшую вещи и нуждавшуюся в разных напоминаниях почти как Куку. Миссис Кристи все еще приходилось обходиться без прислуги, готовить, прибирать — или, на выбор, гулять с дочкой, оставляя дела по дому Сайт. По вечерам она рассказывала Розалинде сказки, но, к ее недоумению, той требовалась наглядность. Воображаемых персонажей она не воспринимала. Героями сказок стали два ее любимых мишки — Синий и Красный.

«Горячей и беззаветней всех Розалинда любила Синего мишку. Это было хромое животное, сделанное из синего шелковистого трикотажа, с плоскими черными пуговками вместо глаз, пришитыми на плоской мордочке. Она носила его с собой повсюду, и я каждый вечер должна была рассказывать новую сказку о нем. В сказках участвовали оба мишки. Что ни день с ними приключались разные истории. Синий мишка был послушным, а Красный — страшным озорником, он постоянно устраивал всяческие безобразия, например, мазал клеем стул учительницы, чтобы она, бедная, уже никогда не могла встать с него. А однажды засунул ей в карман лягушку, отчего несчастная женщина забилась в истерике. Все эти истории Розалинде очень нравились, и нередко мне приходилось повторять их по несколько раз.

Синий мишка был до противного добродетельным и самодовольным. Более благодарного слушателя, чем Розалинда, свет не видывал. Она цокала языком, смеялась и не оставляла без внимания ни малейшей детали».

Сознавала ли Агата, что повторяет те викторианские отношения матери и ребенка, которые определяли ее собственное детство? сказка

вечером, перед приходом мужа, а в остальное время чтобы «из детской ни звука». Но в одном она не воплотила для своей дочери свой же идеал счастливого детства — у Розалинды не было Дома.

Поймав удачу, она попробовала хотя бы оставить неудобный Лондон: «Я хотела, чтобы мы подыскивали небольшой коттедж в пригороде, откуда Арчи было бы нетрудно ездить каждый день на службу в Сити и где Розалинда играла бы на просторной лужайке у дома, а не была привязана к жалким островкам травы между домами, и нам не приходилось бы водить ее за тридевять земель в парк. Я мечтала жить в пригороде. Мы решили переехать, если удастся найти недорогой коттедж».

Арчи вполне одобрил идею переезда, его доход составлял почти две тысячи фунтов в год, что являлось уже полной обеспеченностью — он мог с гордостью смотреть в лицо теще, ибо преуспел сверх всяких ожиданий. Но для него понятие «природа» теперь неразрывно связалось с «полем для гольфа». Его жена, лишенная любимых воскресных прогулок по окрестностям Лондона, превратилась в «гольфную вдову». А после того, как Арчи приняли в престижнейший Саннингдейлский гольф-клуб, его судьба решилась окончательно:

«Я ничего не имею против того, чтобы жить за городом, — сказал Арчи. — Мне это даже нравится, и Розалинде будет хорошо. Сайт любит природу, и ты, я знаю, но если так, есть только одно место, где мы можем жить, — это Саннингдейл.

— Саннингдейл?! — с тревогой переспросила я. Это было не совсем то, что я имела в виду, говоря о пригороде. — Но это же страшно дорогое место. Там живут только богачи».

Но он был непреклонен, а она — естественно — уступила. Конечно, о коттедже в таком месте нельзя было и мечтать. Они нашли викторианскую усадьбу, уже разделенную на четыре квартиры, и за разумные деньги сняли одну из них. Розалинда могла теперь дышать воздухом, не уходя от дома на две мили, и кататься на велосипеде, не рискуя постоянно угодить под машину. А ее мать получила свой гонорар в 500 фунтов от «Ивнинг ньюс» и...

«— Почему бы тебе не купить автомобиль?

— Купить автомобиль?! — Я посмотрела на него в изумлении. Автомобиль — последнее, о чем я могла помыслить. Ни у кого из наших друзей автомобиля не было. Я продолжала

считать, что автомобили — это для богатых: они проносились мимо со скоростью двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят миль в час, в них сидели дамы в шляпах с шифоновыми шарфами, завязанными под подбородком, и мчались они в какие-то неведомые мне дали.

— Автомобиль?! — переспросила я. Думаю, в тот момент я была похожа на зомби.

— Почему бы и нет?

А почему бы и в самом деле нет? Это было в пределах наших возможностей. Я, Агата, могла позволить себе иметь автомобиль, собственный автомобиль! Должна признать абсолютно честно, что из двух событий в жизни, приведших меня в наивысшее волнение, одним была покупка автомобиля: моего любимого „морриса каули“ с носом бутылочкой.

Второй раз я испытала такой же восторг сорок лет спустя, будучи приглашенной самой королевой на ужин в Букингемский дворец!»

Разумеется, водил машину Арчи. Его расположение духа после переезда стало великолепным, семейная жизнь снова обоим доставляла такую же радость, как в их первой лондонской квартире. Он с увлечением учил жену управлять автомобилем, проявляя чудеса терпения и внушая уверенность в себе. Он ставил перед нею серьезные задачи и заставлял их решать, и если ему требовалось поехать в город, она обязана была отвезти его на станцию — и никаких возражений!

«— Я совершенно не умею разворачиваться, — продолжала я приводить свои доводы. — И вообще машина всегда едет не туда, куда, мне кажется, она должна была бы ехать.

— Тебе не придется разворачиваться, — уверенно заявил Арчи. — Ты прекрасно крутишь баранку — а больше ничего и не надо. Если поедешь с разумной скоростью — все будет в порядке. На тормоза ты жать умеешь.

— Этому ты меня научил в первую очередь, — согласилась я.

— Разумеется. Не вижу причин для беспокойства.

Думаю, никто, кроме Арчи, не доверил бы мне тогда машину. Ему же всегда казалось само собой разумеющимся, что я могу делать многое, о чем сама не догадываюсь. „Конечно, ты это

умеешь, — говорил он бывало. — Почему бы, собственно, тебе этого не уметь? Если ты постоянно будешь думать, что ты того не умеешь, сего не умеешь, ты никогда ничему и не научишься“».

Осмелев, Агата стала разъезжать сама, даже отправлялась в Эшфилд за матерью и катала ее по неизведанным местам. Свобода передвижения, которую доставила ей машина, не поддавалась описанию. По воскресеньям приезжала Нэн Уотс со вторым мужем, заядлым гольфистом. Гостей-негольфистов Арчи не соглашался принимать, дабы не лишиться любимого субботнего развлечения. Все было чудесно, но вдруг ушла Сайт, пожелавшая продолжить карьеру за границей и со временем достичь положения гувернантки. К Розалинде взяли французскую швейцарку, оказавшуюся бездарным педагогом. Она доводила девочку до бешенства тупостью, не умела справляться с ее дурным настроением и вмиг превратила детскую в ад. Розалинда вела себя безобразно, Агата нервничала, но муж, как обычно, помог ей взглянуть на положение с правильной стороны:

«— Что мне делать? — спрашивала я у Арчи. — Она просто чудовище. Я наказываю ее, но от этого ничего не меняется. Ей начинает нравиться мучить бедную девушку.

— Мне кажется, бедной девушке это достаточно безразлично, — отвечал Арчи. — В жизни не встречал более апатичного существа».

Няню уволили без лишних извинений, и впредь в романах Агаты Кристи французженки стали синонимом педагогической беспомощности. Теперь миссис Кристи мечтала о шотландке на должность секретаря-гувернантки. Она нашла ее по объявлению — Шарлотт Фишер, в дальнейшем Карло. Розалинда, словно по мановению волшебной палочки, превратилась в послушную девочку, а ее мать начала учиться диктовать свои произведения ради максимальной скорости сочинительства. Ей страшно хотелось поскорее избавиться от каторжного контракта у Джона Лейна. Тот допустил одну промашку: в договоре стояло слово «книга», а не «остросюжетный роман». Она принесла ему повесть на мистический сюжет по своему раннему рассказу. Как она предвидела, повесть отвергли, но условие контракта было ею тем самым выполнено (вместо отвергнутой повести Лейн вынужденно опубликовал сборник ее журнальных рассказов о Пуаро), после чего осталось представить только один роман. Не желая

напрягаться, она надиктовала веселый и беззаботный «Замок Чимниз» — и гора упала с плеч. Новый договор, по совету Корка, она заключила с издательством «Коллинз» и осталась ему верна на всю жизнь (там-то уже понимали, кто к ним пришел! и думали вперед на полвека).

«Тот счастливый период был отмечен и многими другими удачами. Розалинда пошла в школу, и ей там очень нравилось. У нее появились милые друзья. У нас были славная квартира и сад, у меня — мой любимый „моррис каули“ с носом бутылочкой и Карло Фишер, и в доме царил мир. Арчи жил и дышал только гольфом, только о нем мечтал, думал и говорил; наладилось у него и здоровье, расстройства на нервной почве стали реже. Все было прекрасно в этом лучшем из миров...»

3

Они завели собаку — терьера Питера, отложили рождение второго ребенка на неопределенное будущее, так как сейчас Арчи было некогда: он играл в гольф. И вообще бесконечно любил Розалинду, возился с ней, когда отвлекался от работы и гольфа. Он по-прежнему не желал иметь сына, а другой дочери ему не требовалось. Агата «усыновила» Питера, относясь к нему как к ребенку. Для полнейшего идеала семейной жизни осталось приобрести-таки собственный дом, что в окрестностях Саннингдейла было непросто. Они нашли подходящий по цене, размеру и с хорошим садом, но с ужасной репутацией, отчего и упала его цена.

«На его отделку денег, видимо, не пожалели. Стены были обшиты деревянными панелями, огромное количество ванных комнат, туалеты при спальнях и прочие роскошества. За последние годы дом сменил нескольких хозяев, и к нему пристала дурная слава, — считалось, что каждого, кто в нем поселится, настигает какое-нибудь несчастье. Первый владелец разорился, у второго умерла жена. Не помню, что случилось с третьими жильцами, кажется, они просто развелись и разъехались. Так или иначе, дом был довольно дешев, поскольку его долго не покупали. При доме имелся славный сад — длинный и узкий. Начинался он лужайкой, затем тек ручей, по берегам которого росли всякие водяные растения, потом — дикие заросли азалий и

рододендронов до самого конца, где был разбит солидный огород, а за ним тянулась живая изгородь из кустарника. Могли ли мы позволить себе такой дом — другой вопрос. Хотя у каждого из нас был приличный заработок. — У меня, правда, непостоянный и не всегда одинаковый, у Арчи более надежный, — капитала нам, к сожалению, не хватало. Тем не менее мы взяли ссуду под залог и въехали в новый дом».

Его называли Стайлс. Вульгарную роскошь интерьера новые хозяева постарались смягчить здоровой простотой ситца и детских игрушек. Они уверенно располагались в доме на годы, хотя фактически он принадлежал пока не им, а банку, давшему кредит. Дом по-прежнему вызывал у них неприязнь, но они надеялись, что с переменой обшивки это ощущение пройдет. Зато финансовая проблема выплаты по кредиту вскоре отпала.

В том же 1926 году издательство Уильяма Коллинза выпустило первый у них роман Агаты Кристи — «Убийство Роджера Экройда». Фурор, произведенный записками доктора Шеппарда, заставил, вероятно, Джона Лейна откусить себе голову. Детективное сообщество перестало быть демократией. На трон взошла Королева детектива, и мир с воодушевлением приветствовал ее воцарение. И пусть злопыхатели кричали, что она нарушила одно из неписаных правил игры, пусть пастор (!) Рональд Нокс ей в пику публиковал в 1928 году «Десять заповедей детективистики», а писатель С. С. Ван Дайн формулировал тогда же «Двадцать правил детективных историй», не им уже было предписывать Королеве законы жанра. Отныне она сама определяла их эталон.

Но все шло слишком хорошо. Карло, как шотландка, назвала бы это состояние «фей». Не успел выйти в свет «Роджер Экройд», а его создательница стала навеки объектом охоты журналистов, как умерла ее мать. В их семье все женщины были долгожительницами, поэтому конца всего лишь в семьдесят два года никто не ждал. Арчи, как любой мужчина, не умел развеять скорбь жены и вел себя неловко:

«— У меня отличная идея, — сказал Арчи. — На следующей неделе мне нужно будет снова поехать в Испанию. Как ты смотришь на то, чтобы составить мне компанию? Мы бы прекрасно провели время, и, уверен, ты бы там развеялась.

Мне не хотелось развеиваться. Я предпочитала остаться наедине со своим горем и попытаться свыкнуться с ним. Поэтому, поблагодарив Арчи, я сказала, что, пожалуй, останусь дома».

Строго говоря, он был прав. Смерть матери на восьмом десятке лет для взрослой самостоятельной женщины является, разумеется, ударом, но ожидаемым и, так сказать, естественным — разве она желала, чтобы мать пережила ее?! Понятно, Арчи не рассчитывал, что жена не проявит неизбежных эмоций, ее полное равнодушие или беспечность показались бы всем странными. Он просто хотел ее поскорее утешить, однако сделал это несвоевременно и неуместно. Вместо Испании Агате пришлось поехать в Эшфилд и заняться тяжелым физически и невыносимым эмоционально делом: очистить его ото всего, что копилось годами и загромождило буквально все комнаты, кроме двух, которыми пользовалась мать в последние годы. Арчи советовал все сразу сжечь, и по сути опять-таки был прав, но Агата не имела сил расстаться с памятью о счастливых детских годах. Мэдж, обычно всегда готовая прийти на помощь, была занята (интересно, чем? сын уже стал взрослым, муж еще не заболел тяжело, дом в Эбни был полон слуг, пьеса в Лондоне уже сошла со сцены). В дополнение несчастий, умирал от рака отец Карло, и той пришлось уехать в Эдинбург.

Стайлс сдали на лето, Арчи перебрался в свой клуб в Лондоне, а Агата с Розалиндой поехали в Эшфилд, куда в августе обещала выбраться и Мэдж. Эшфилд, когда-то такой любимый и родной, показался теперь совсем иным, а память прошлого лишь усиливала боль. Агата довела себя до настоящего нервного истощения бессонницей и изматывающей ненужной работой по расчистке комнат. Она никого не наняла в помощь, боролась с мусором и пылью в одиночку, почти не ела (нет никаких сведений о том, кто кормил Розалинду — явно не измученная мать). Она сознавала, что находится на грани допустимого, но ничего не могла с собой поделать.

«Я работала по десять-одиннадцать часов в сутки: открывала комнату за комнатой, перетаскивала вещи. Комната для занятий, где я провела в детстве столько счастливых дней, теперь представляла собой огромную камеру хранения.

Я написала Арчи, чтобы он как-нибудь приехал на воскресенье к нам: это отвлекло бы меня. Он ответил, что вряд ли стоит затевать такую поездку, поскольку он не может освободиться раньше субботы, а в воскресенье вечером должен возвращаться. К тому же это весьма дорогое удовольствие. Подозреваю, он просто не хотел пропускать воскресный гольф, но не говорил об этом, разумеется, чтобы не обидеть меня. В

конце концов, уже недолго осталось ждать, бодро напоминал он.

Меня одолевало чувство страшного одиночества. Думаю, тогда я не отдавала себе отчета в том, что действительно нездорова. У меня сильный характер. И я не понимала, как можно заболеть от горя, забот и переутомления. Но однажды, когда потребовалось подписать чек, а я забыла собственное имя, я испугалась и почувствовала себя как Алиса в Стране Чудес, когда она прикоснулась к дереву.

— Спокойно, — сказала я себе. — Я прекрасно знаю, как меня зовут. Но как же? — Так я и сидела с ручкой в руке, в полной прострации. С какой буквы начинается моя фамилия? Дня два спустя прозвенел еще один „звоночек“: мне нужно было завести машину — обычно она заводилась при помощи рукоятки (возможно, тогда все машины так заводились). Я дергала, дергала рукоятку, но машина не заводилась. В конце концов я разрыдалась, убежала в дом и, всхлипывая, бросилась на диван. Это происшествие встревожило меня: плакать только из-за того, что не заводится машина?! Уж не схожу ли я с ума?

Со мной была Розалинда, но ей я, разумеется, не могла говорить ни о чем — ни о том, как я несчастна, ни о том, что меня тревожит, ни о своей болезни. Сама она была счастлива, ей, как всегда, очень нравилось в Эшфилде, и она помогала мне в моих трудах: обожала сносить ворохи ненужных вещей по лестнице и выбрасывать в мусорный ящик, а иногда выуживала из них что-нибудь интересное для себя: „Думаю, это уже никому не понадобится — а мне может пригодиться“».

Что ж, дочь была рядом, но не замечала состояния матери, и та, «разумеется», ничего не могла ей сказать... Но если человек боится, что сошел с ума, — он еще с ума не сошел. Когда сойдет, он этого не узнает.

В августе приехала Мэдж, и младшей сестре стало намного легче. 5 августа Розалинде исполнилось семь лет. Она собиралась провести чудесные две недели со своей любимой тетей Москитик, пока родители съезжают в Италию. Сама Агата уже достаточно свыклась с тяжелой потерей и тоже предвкушала отдых на теплом море. Вернулась и Карло, чей отец

передумал умирать. День рождения дочки обещал внести успокоение в сердца. Но накануне праздника приехал Арчи и без околичностей объявил, что хочет получить развод... он полюбил другую... какую-то Нэнси Нил, знакомую им обоим уже давно, со времен Белчера...

Дальнейшие подробности в «Автобиографии» начисто отрезаны. Разводы в Англии тех лет давались лишь в самых крайних случаях и почти по единственной причине — доказанной измене. В «Неоконченном портрете» муж Селии говорит, что не желает втягивать свою новую избранницу в грязь бракоразводного процесса, а все возьмет на себя: то есть пойдет по стандартному пути, наймет сыщика и женщину для разыгрывания сцены измены где-нибудь в гостинице, Селии же останется подать на него в суд. Она с негодованием отказывается: «Я не желаю заниматься враньем, и притворяться, и разыгрывать спектакль». Очевидно, отказалась и сама Агата Кристи.

А дальше — пропуск в ее воспоминаниях более чем в полгода. Арчи уехал из злосчастного Стайлса сразу после проведенного на пределе нервов дня рождения Розалинды, потом вернулся и попытался снова жить в семье, снова уехал... Агата боролась за сохранение брака если не ради себя, то ради ребенка. Но ее борьба, ее страдания, ее страхи теперь не принадлежали ей самой, за каждым ее шагом уже следили восторженные поклонники и жадные до сенсаций журналисты: «Именно тогда, полагаю, я начала испытывать отвращение к прессе, к журналистам и толпе. Безусловно, это несправедливо с моей стороны, но в тогдашних моих обстоятельствах вполне естественно. Я чувствовала себя словно лисица, которую лающая свора собак настигает в ее собственной норе. Мне всегда была ненавистна публичность любого рода, теперь меня так выставляли напоказ, что порой жить не хотелось».

И сенсация состоялась. В начале декабря газеты Великобритании и Америки сообщили читателям ошеломляющую новость: Королева детектива пропала! ее автомобиль со всеми вещами найден брошенным, следов миссис Кристи нет, полиция ведет расследование. Заместитель главного констебля графства Суррей (явный поклонник детективов) уверил себя, что произошло убийство, в котором виновен — естественно! — муж. И хотя представитель полиции графства Беркшир считал, что произошло добровольное исчезновение, возобладала первая версия. Кристоаль Кристи получил от невестки письмо, где та упоминала даже место своего пребывания, но ему не поверили: сочли, что защищает брата выдумками. За полторы недели Арчи прошел через ад. Его открыто подозревали в убийстве, ему пришлось совершить невыносимый акт публичности —

сделать заявление для прессы, выразив уверенность в том, что жена жива и не покончила с собой.

В убийстве заподозрили даже преданную Карло, на которую вдобавок свалилась забота о Розалинде. Вместе с тем искали следы самоубийства, прочесывали Англию в поисках или тела, или самой женщины. Через одиннадцать дней ее нашли живой и здоровой на вид в одном из отелей старинного водолечебного города Харрогита в Йоркшире, где она проходила курс оздоравливающих процедур под именем Терезы Нил. Арчи снова вынужден был сделать заявление для прессы, выдвинув версию амнезии. Но очищенный от клейма убийцы, он тотчас навлек на себя смешки: мол, покрывает любовную интрижку жены.

Она никогда не дала никаких разъяснений. Но поскольку это исчезновение так и осталось единственной таинственной историей в жизни создательницы стольких таинственных историй, в версиях никогда не было и нет недостатка. Одни полагают, что это была продуманная попытка обрушить на неверного мужа обвинение в убийстве, — совершенно невероятно, потому что *неспортивно*. Можно убить человека, но подбросить при этом улики против невиновного — это уже за пределами кодекса чести, на котором воспитывали англичан ее круга. Лишь самые недостойные убийцы в романах 1930-х годов заранее готовят козлов отпущения.

Другие приписывают ей «диссоциативную фугу» — временную амнезию, которая проходит сама через минуты или недели, не оставляя в памяти событий периода амнезии. Это хорошо объяснило бы, почему она никогда не упоминала обстоятельств исчезновения.

Третьи подробно, по минутам, восстанавливают все ее действия и разговоры («сидела в одиночестве с отсутствующим видом», «закуталась в шубу», «подняла дочкиного Синего мишку» и пр.), но все это является более или менее художественной реконструкцией предполагаемого, ведь наблюдать это никто не мог, а сама Агата Кристи, ее дочь и близкие никогда не прибавили ни слова к официальной версии об «амнезии».

А может быть, все проще: потрясенная публичностью скандала, в страхе перед путавшим тогда даже безвестных людей кошмаром бракоразводного процесса, она просто пожелала скрыться, передохнуть, укрепить нервы доступными ей средствами? Она записалась под чужим именем и фамилией соперницы. Результат амнезии? или измученный мозг находившейся, бесспорно, в состоянии нервного срыва женщины уцепился за первое вспомнившееся имя? К фамилии Нил она не имела предубеждения: позднее в романе «Карман, полный ржи» ее носит очень

симпатичный инспектор.

Все эти версии весьма интересны, но гораздо интереснее другое. Задумывается ли кто-нибудь, почему так много шума вокруг этого исчезновения? да потому, что Агата Кристи жила в Англии. Исчезни французская знаменитость, все только посмеялись бы, как ловко она провела журналистов. В Америке газеты легко возбудили бы национальную истерию и кампанию под лозунгом «Ты можешь найти ее!», но после обнаружения пропавшей сенсация в две недели сошла бы на нет. В Англии она не забывается вот уже 90 лет и не исчезнет, пока не исчезнет сама Англия.

Э. Бульвер-Литтон в «Кенелме Чиллингли» рассуждал, что человек, о чьем исчезновении из дома сообщалось в полицейских объявлениях, просто не имеет права «пропасть и опять объявиться, вместо того, чтобы оказаться убитым. Все газеты напустились бы на него... именем общественной благопристойности потребовали бы исчерпывающих объяснений, почему он цел и вернулся, но никаких объяснений не приняли бы: жизнь, может быть, и спасена, но репутация потеряна». Такая огласка преследовала бы человека всю жизнь «неопределенными намеками на преступные наклонности или помешательство». Это строки из классического викторианского романа, но ничего не изменилось за полвека: возвращение исчезнувшего человека живым по-прежнему губило его репутацию. Так и произошло с Агатой Кристи, по каким-то причинам пожелавшей побыть не там, где ее привыкли видеть, и скрыться от журналистов. На время ей это удалось, но всю жизнь — и после смерти — это добровольное исчезновение именно преследовало ее «неопределенными намеками на помешательство».

Однако сенсационность исчезновения и готовность журналистов и биографов бесконечно обсуждать его причины заставили упустить из виду один немаловажный момент. Страдания Агаты Кристи, так тяжело переживавшей кризис в семейной жизни, очевидны. Но никто, кажется, не задался вопросом: а что все это значило для *него*? Муж оставляет жену — самое обыкновенное дело, стоит ли об этом размышлять? тогда стоило.

Развод в 1920-е годы был событием из ряда вон выходящим, редким, приковывавшим нездоровое любопытство даже к никому не известным персонам и имевшим самые неприятные последствия для тех, кто прошел

через его унижение и публичный позор. И Арчи Кристи, который так заботился о своем социальном положении, так стремился сделать состояние, достичь достойного и стабильного положения, был так добропорядочен в душе и респектабелен в поведении, — неужели он этого не понимал? Разводы после войны постепенно становились чаще, но не в среде деловых людей, которые обязаны были любой ценой избегать пятен на репутации (для политиков это остается в силе по сей день). Признаваясь перед судом в измене, он, во-первых, лгал под присягой, поскольку заявлял о несуществовавшей связи с нанятой женщиной. Ложная клятва на Библии — преступление перед Богом, а это немало! Но божественная кара если и последует, то не скоро. Земная кара ждала его тотчас.

Виновный в разрушении семьи, он навсегда губил свою профессиональную репутацию надежного делового партнера; никогда бы не смог войти в правление какой бы то ни было фирмы или стать председателем любой комиссии; его не приняли бы ни в какой клуб, а в своем клубе он стал бы парией (до войны его просто оттуда исключили бы); на встречах однополчан его бы уже не приветствовали с прежним радушием; его перестали бы приглашать в хорошее общество, и он не имел бы ни тени надежды быть когда-либо принятым ко двору; священник отвел бы ему и его новой жене худшие скамьи в церкви (а еще недавно даже не допустил бы к причастию); торговцы отказали бы ему в кредите; родственники разорвали бы всякие отношения; соседи относились бы с подозрением или неприязнью. Перечитайте под этим углом зрения роман «По направлению к нулю» и почувствуйте атмосферу всеобщего осуждения, окружавшую разведенного человека, а ведь там речь идет о богатом спортсмене-любителе, а не о бизнесмене, стремящемся сделать карьеру в Сити. Наконец, он лишился отцовских прав и возможности хоть издали видеть Розалинду, а вместе с тем большая часть его доходов уходила бы на содержание дочери и бывшей жены. Конечно, он мог сохранить каких-то друзей, в основном из числа таких же разведенных, но они ни в малейшей степени не могли компенсировать ему то, что он терял. То был полный жизненный крах.

А что он получал взамен? возможность соединиться с любимой женщиной? Разумеется, бывает, что бурные страсти захлестывают людей и те теряют способность видеть вещи в их истинном свете. Но неужели такой всплеск чувств возможен по отношению к женщине, которую он знал много лет, не такой уж юной, чтобы внезапно поразить его превращением из дурнушки в красавицу? Сама Агата Кристи все свела к велению судьбы: «Если бы я не уехала в Эшфилд и не оставила его в Лондоне одного, скорее

всего, он никогда и внимания бы не обратил на эту девушку. На эту, может быть, и нет, но рано или поздно что-то все же случилось бы, ибо я, наверное, не была способна заполнить жизнь Арчи. Он просто уже созрел для того, чтобы в кого-нибудь влюбиться, хоть сам о том и не догадывался. Или все дело было именно в *этой* девушке? Может, ему на роду было написано неожиданно влюбиться в нее? Когда мы встречались с ней прежде, он ничуть не был в нее влюблен. Он даже не хотел, чтобы я ее приглашала, так как это могло сорвать его воскресную партию в гольф. Но когда он в нее влюбился, то влюбился внезапно, в одно мгновение, как когда-то в меня. Что ж, вероятно, так было назначено судьбой».

Но это совсем беспомощное объяснение: созрел, хотя не знал, на роду написано и пр. В конце концов, умение обуздывать любые сильные чувства в крови у англичан. Полковник Кристи не бросился бы в панике с поля боя, потому что его воспитали в убеждении, что это позорно. Точно так же он не бросил бы семью, потому что его воспитали в убеждении, что и *это* позорно. Тогда чего ради он разрушал свою жизнь?!

Описывая его поведение в дни, предшествовавшие окончательному разъезду, Агата Кристи недоумевает:

«Чего я не могла понять, так это его недоброжелательного отношения ко мне в тот период. Он почти не разговаривал со мной и едва отвечал, когда я к нему обращалась. Теперь, насмотревшись на другие супружеские пары и кое-что узнав в жизни, я понимаю это гораздо лучше. Он, думаю, страдал, потому что действительно любил меня и ненавидел себя за то, что причиняет мне боль, — поэтому старался убедить себя, что не причиняет мне никакой боли, что мне самой так будет гораздо лучше, что я стану счастлива. Буду путешествовать, найду утешение в писании книг. Укоры совести, однако, заставляли его вести себя довольно безжалостно».

Помилуйте, какие укоры совести! где видано, чтобы мужчина чувствовал себя неправым? он всегда найдет себе оправдание. Некоторые биографы в своих объяснениях договорились до того, что вина за уход Арчи лежит на самой Агате: не сумела сохранить красоту, постарела, погрубела. Восхитительно просто!., но, вероятно, оскорбительно не только для всех женщин, но и для мужчин. Они, конечно, хотели бы видеть своих жен вечно юными и прекрасными, но не ожидая чудес, творят их при желании сами любовью — или привычкой. Развлечение на стороне при

увядающей супруге — явление вполне обычное, но в нормальных случаях от него очень далеко до разрушения брака даже в наше время.

Тогда в чем причина его раздражения против жены? Думается, в одном. Он не разрушал свою жизнь, он считал, что она *уже разрушена!* И обвинял в этом *ее*.

Чем же она виновата? Двенадцать лет с момента их первой встречи он привык быть лидером в их паре. Он думал, принимал решения, действовал, содержал семью, поднимался по ступеням социальной лестницы. А она всегда подчинялась, признавала его правым, принимала его точку зрения и образ жизни, всегда была рядом именно такой, какой положено быть настоящей жене и леди. Она писала какие-то романы и рассказы, и он мог при встрече с партнерами по делам или по гольфу услышать нечто вроде: «Читал новую вещицу вашей супруги. Очень мило». Она получала иногда неплохие гонорары, но нерегулярно, и это не умаляло его основного вклада в семейный бюджет. Он мог ею гордиться, не теряя своего достоинства. И вдруг в один миг все перевернулось! Из-за какого-то романа его скромная жена превратилась в знаменитость мирового масштаба. За нею толпами устремились журналисты. Его ждала перспектива услышать при первом знакомстве: «Так вы муж самой Агаты Кристи?»^[8]

Спору нет, есть мужчины, готовые жениться на великих женщинах из разных соображений или по искреннему увлечению, но они знают, на что идут. Однако мало найдется мужей, способных перенести внезапную славу прежней скромницы-жены. Арчи Кристи к таковым не принадлежал. Он не терпел находиться на заднем плане в семье, ревновал даже к нерожденному сыну; он терял уважение к себе, если мало зарабатывал. Что ему было делать в ситуации, в которой он вдруг очутился, оказавшись в роли второй скрипки? Спасая свое мужское достоинство, он просто неизбежно должен был оставить женщину, нанесшую ему внезапный и неожиданный удар! Ребячество? мужчины его поймут, женщины снисходительно усмехнутся. Однако оставить семью без общепринятого повода было бы ребячеством даже в глазах мужчин. Отправься он покорять Гималаи, ему вслед звучали бы насмешки. И он нашел общепринятый повод. Естественно, прибежище в такой ситуации он должен был искать у женщины, находившейся под рукой, готовой слушать его и выказывать сочувствие, видимо, давно дававшей ему заметить ее привязанность. Прежде она не вызывала у него ответного интереса, он решительно был настроен навсегда устроиться с семьей в Стайлсе близ Саннингдейла. Теперь именно ее неинтересность стала в его глазах *достоинством*. Она не разбогатеет внезапно, не обретет всемирную славу. С нею он может не бояться нового удара по самолюбию.

С нею он сможет снова занять подобающее мужчине место в семье. Она восстановит его уязвленное мужское самолюбие.

Супругов Кристи разлучила не Нэнси Нил. Их разлучил доктор Шеппард.

Глава пятая

ВРЕМЯ

(Эссе о Мэри Уэстмакотт)

1

Могла ли она сохранить брак, поклявшись больше ничего не писать? Или созданного уже было не перечеркнуть? И понимала ли она, понимали сам Арчи в глубине души, что его толкает на разрыв?

Она предоставила ему год на размышление. Родные Нэнси Нил с той же целью послали ее в кругосветное путешествие. А сама Агата с Розалиндой и верной Карло отправились подальше от назойливых журналистов — на Канарские острова. Деньги на поездку дал гонорар за кое-как скомпонованную на основе уже напечатанных рассказов «Большую четверку». Она считала неприличным выпускать откровенную ремесленную поделку только ради заработка, но Кристобель Кристи, целиком вставший на сторону невестки против брата, убедил ее в такой момент думать о себе и дочери, предоставив читателям и издателям самим судить о книге.

После зимней и мрачной Англии неожиданное яркое февральское солнце и океанские дали Лас-Пальмаса действовали умиротворяюще и тонизирующе. Она снова могла дышать, есть, головные боли и нервные спазмы отступили. Но вместе со здоровьем пришло неведомое прежде чувство ответственности. Ей больше не на кого было положиться, теперь она была главой семьи, обязана была обеспечивать себя и дочь собственным трудом. А что она умела? только писать. И час за часом отрывая от столь необходимого отдыха, Агата Кристи начала диктовать Карло новый роман. Розалинда, вырванная из привычного мира, пережившая уход отца и болезнь матери, оказалась предоставленной самой себе. Подруг не было, кататься на велосипеде или играть было негде, роскошные цветники отеля ее не занимали. Ей хотелось быть рядом с мамой, но той хотелось работать.

«— Послушай, Розалинда, — говорила я, — ты не должна мне сейчас мешать, я буду работать. Мне нужно писать книгу. В

течение часа мы с Карло будем заняты. Не мешай нам, пожалуйста.

— Хорошо, — уныло отзывалась Розалинда и уходила.

Я возобновляла свою неуверенную диктовку.

Вскоре снова появлялась Розалинда.

— Пока еще рано. Я сама позову тебя.

— А мне нельзя постоять здесь? Я только постою. Я не буду мешать.

— Ну ладно, стой, — неохотно соглашалась я и диктовала дальше.

Но Розалиндин взгляд действовал на меня как взгляд Медузы. Яснее, чем когда-либо, я понимала: все, что я говорю, — идиотизм. (По большей части так оно и было.) Я мямлила, заикалась, колебалась, топталась на месте. Словом, как эта несчастная книга все же появилась на свет, не понимаю!

Прежде всего, я не испытывала от работы над ней ни капли удовольствия, у меня не было никакого вдохновения. Мною двигало лишь желание, вернее, необходимость написать книгу и заработать денег.

Именно тогда, вероятно, я стала превращаться из любителя в профессионала. Последний отличается от первого тем, что должен писать и тогда, когда не хочется, и тогда, когда то, что пишешь, не слишком тебя увлекает, и даже когда получается не так, как хотелось. Я терпеть не могла „Тайну Голубого экспресса“, но я ее все же дописала и отправила издателям. Ее раскупили так же быстро, как предыдущую. Я должна была бы радоваться — но, надо сказать, этой книгой я никогда не гордилась».

Отдых подошел к концу вместе с романом. В момент отъезда по-настоящему несчастная Розалинда допустила страшную ошибку — забыла в отеле Синего мишку. Это обнаружилось уже на корабле. Девочка окаменела. К счастью, ошибка не стала роковой: водитель привезшего их автобуса, с южной горячностью осознав степень несчастья, успел обернуться назад, и с последним гудком, по рукам провожавшей толпы и поднимающих трап матросов игрушку передали маленькой хозяйке. Розалинда прижала любимого друга к себе — всё снова стало хорошо, можно отплывать.

Но для Агаты возвращение в Англию стало возвращением к оставленному там кошмару. Им пришлось снять небольшую дешевую квартирку в Челси. Теперь уж было не до прислуги или прогулок в парке. Деньги, оставшиеся после смерти матери, ушли на покрытие расходов за злосчастный Стайлс, и хотя после его продажи и раздела имущества супругов Кристи они должны были вернуться, пока рассчитывать приходилось на свои силы. Возможно, ошеломленная новизной ответственности, Агата преувеличивала стоявшие перед нею трудности, возможно, страх остаться без средств затмил более серьезные проблемы, но с этих пор она всю жизнь придавала финансовой стороне любой своей деятельности первостепенное значение.

Стремясь обеспечить себе свободу творчества, она решила отправить Розалинду в школу-пансион. Девочке еще не исполнилось восьми лет, но существовали закрытые учебные заведения и для маленьких детей. Сама Агата в детстве школ не посещала и ничего в них не понимала, поэтому целиком доверилась решению дочери. Та хорошо знала, чего она хочет. Она хотела поступить в самую большую и самую четко организованную школу во всем мире, чтобы ни одной минуты ее не предоставляли себе и не позволяли отвлекаться. Мать недоумевала: неужели такая полнейшая регламентированность *приятна*! И никогда не осознала, что предельная насыщенность школьной жизни мешала девочке вспоминать все, что она потеряла, защищала от тоски и одиночества. Школа, где девочкам позволяли в духе новых веяний пользоваться большой свободой и даже самим выбирать себе предметы обучения, Розалинде крайне не понравилась: «Там чувствуешь себя, как на вечеринке. А если идешь в школу, хочешь чувствовать, что ты в школе, а не на вечеринке, правда же?»

Директриса другой школы, на которой Розалинда и остановила выбор, произвела на миссис Кристи сильное впечатление. Эта гранд-дама с изысканной твердостью ставила родителей на место и заставляла безропотно соблюдать школьные правила даже на пикниках в уик-энды. Позднее Агата Кристи вывела ее вместе с компаньонкой в романе «Кошка на голубятне», причем добродушной суетливой компаньонке досталась незавидная роль, а двум девочкам-героиням порознь приданы некоторые черты Розалинды: отсутствие воображения, деловитая забота о рассеянной матери и прекрасный аппетит. Но ни словом не упомянула она в романах или мемуарах тот факт, что в большинстве английских школ детям

запрещали привозить игрушки из дома (и не давали их в школе, кроме спортивных). Теперь Синий мишка по полгода ждал свою хозяйку дома, а та училась жить без любимого друга.

Но кое-что для дочери Агата Кристи попыталась сделать. Ее именем она потребовала последней встречи с Арчи перед принятием окончательного решения о разрыве. Наивная душа! любому было ясно, что после пережитой ее мужем публичной травли его возвращение стало невозможным: он не простит тех мук, а позор бракоразводного процесса его уже не испугает.

«Мы с Арчи условились о встрече. Он выглядел больным и усталым. Поговорили о том о сем, об общих знакомых. Затем я спросила, каковы его намерения теперь, уверен ли он, что не может вернуться к нам с Розалиндой. Я еще раз напомнила ему, как она его любит, и рассказала, как она недоумевает, что его нет с нами.

Однажды с жестокой детской непосредственностью она мне сказала: „Я знаю, меня папа любит и со мной хотел бы жить. Это тебя он, наверное, не любит“.

— Из этого ты можешь заключить, — добавила я, — как ты ей нужен. Ты уверен, что ничего не можешь с собой поделать?

— Да, боюсь, не могу, — ответил он. — Я хочу в жизни только одного. До безумия хочу быть счастливым. А это невозможно, если я не женюсь на Нэнси. Последние десять месяцев мы не виделись — ее родственники, в надежде, что все забудется, отправили ее в кругосветное путешествие, но это не помогло. Единственное, чего я хочу и что могу сделать, это жениться на ней.

Итак, все было решено. Я отдала распоряжения своим адвокатам, мосты были сожжены».

Однако унижительная процедура бракоразводного процесса длилась еще долго. Обстановку в суде вспоминала Селия: «Это был кошмар, — этот развод. Стоять перед кучей людей... отвечать на вопросы... на вопросы очень интимного характера... при горничных... Наверное, уж легче быть разведенной. Тогда не придется стоять там...»

Только в начале 1928 года супруги окончательно расстались. И Арчи Кристи исчез навсегда — не только из ее жизни, но из истории.

Журналисты потеряли всякий интерес к остатку его жизни. Преодолеет ли он общественный остракизм, доволен ли был новым браком, приобрел ли состояние, занял ли приличное положение в обществе, с каким чувством встречал на обложках бесчисленных бестселлеров свое прославленное прежней женой имя, — никого не волновало. Он женился на Нэнси, и поскольку та не сделалась знаменитостью, прожил с нею всю жизнь, родил сына и умер в 1962 году. И это все, что о нем известно. Кристоаль Кристи разорвал отношения с младшим братом, его сын знал только о факте существования дяди, а внучка знала лишь то, что пожелала рассказать о муже в автобиографии Агаты Кристи. Он хотел безвестности — он ее получил.

3

Так закончился первый брак Агаты Кристи. Но мучительные размышления о причинах развода, о муже и о себе, о правильности принятого жестокого решения терзали и терзали душу и мозг.

Таить в себе эти переживания, не иметь возможности ни с кем поделиться болью и сомнениями было невыносимо. Но кому их поверить? психотерапевту? с ним надо *говорить*, то есть прийти к чужому человеку и беседовать о самом сокровенном. Вдобавок она считала себя косноязычной, неспособной передать вслух желаемое. Посвятить во все задушевную подругу? такой рядом не было, рациональная Карло на эту роль не подходила, а вечно занятая неутомимая Мэдж умела оказать практическую помощь, но сочувствовать не умела. Что же было делать?! то единственное, что она могла — *писать*. *Charta non erubescit* (бумага не краснеет).

Писатель имеет возможность сделать то, что человеку, непривычному к письменному самовыражению, гораздо труднее — выплеснуть на бумагу все, таящееся в душе, освободиться от давящей ноши и тем сохранить психическое здоровье, а порой даже жизнь. Так в мучительных для него обстоятельствах разрыва с женой и родиной, на грани сумасшествия или самоубийства Байрон в Швейцарии писал и писал мрачайшие по содержанию, длиннейшие и ужасающие по производимому ими впечатлению стихи, столь повредившие позднее его поклонникам-подросткам. Но зато медленно, целый год в эти стихотворения переливалась беспросветная тьма, затмевавшая его разум. Перелилась — и рассеялась. Его сердце и рассудок окрепли, и, перевалив через Альпы в Италию, он уже смог воспринимать жизнь во всей ее полноте, извлекать из

нее радости, действовать на благо другим. Инстинктивно он нашел мудрейшее средство преодоления депрессии. Если бремя бытия покажется однажды невыносимым, напишите об этом, прочитайте написанное, — и мир вокруг посветлеет...

Идея оставалась жива и в XX веке, старший современник Агаты Кристи Сомерсет Моэм выразил ее эффектно: «Все недоброе, что может с ним случиться, он властен изжить, переплавив в строфу, в песню или в повесть. Из всех людей только художнику (слова. — Е. Ц.) дана свобода». Но Байрон или Моэм в творчестве искали только выхода обуревавшим их черным эмоциям. Агата Кристи сперва тоже не ждала большего.

И вот на помощь страдающей и сомневающейся писательнице пришла задушевная подруга — Мэри Уэстмакотт. Ей можно было доверить все, она все готова была понять и принять. Издательство Коллинза бросило в дрожь, когда миссис Кристи сообщила им, что придет к ним «со своей подругой». Первый результат такого содружества получился действительно странным. Роман «Хлеб Гиганта» вышел в 1930 году, но нет никаких сомнений, что он вынашивался очень долго и запечатлел все метания периода развода.

Вначале героем романа является маленький Вернон. И розовато-лиловые ирисы на обоях в детской, и Мудрая Няня, и любимый сад, и многие аллюзии детства самой Агаты Миллер делают его почти носителем авторского «я». Правда, отношения его родителей между собой и к нему и многие обстоятельства его жизни ничуть не похожи на ее собственные, он даже не любит музыку. Потом он вырастает и встречает Нелл. Их объяснение в любви является почти копией позднее написанного объяснения Селии и Дермота, отчасти и объяснения Агаты и Арчи из «Автобиографии». Жизнь Нелл в годы войны, работа в госпитале, внезапная свадьба во время увольнения Вернона с фронта — теперь авторское «я» отражается в Нелл. Но Агату не посещали сожаления о бедности жениха и мечты о браке по расчету, она не предавала мужа, Арчи не пропадал без вести... и так далее. В сюжете, переусложненном различными внезапными немотивированными обстоятельствами, напрасно искать следы биографической точности. Однако... Вернон, узнав о новом замужестве Нелл, пытается неудачно покончить с собой и теряет память. И наступает самый счастливый отрезок его жизни! Потом он обретает память и тем самым лишается счастливого видения мира, зато открывает в себе музыкальный гений. Отныне он творит музыку будущего, и возвратившаяся было Нелл встречает полный равнодушия взгляд.

«— Вернон...

Это был последний крик отчаянной мольбы.
Он даже не поднял глаз, только нетерпеливо тряхнул головой.
Она вышла, затворив за собой дверь.
У Вернона вырвался вздох облегчения.
Больше ничто не стояло между ним и работой...
Он склонился над столом...»

Кто здесь Вернон? Агата Кристи, пожертвовавшая браком ради творчества?.. или Арчи, безжалостно идущий к своей, пусть не творческой, цели? Читатели могут решать по своему усмотрению. А был ли ответ у автора? Разве к психотерапевту или тем более к задушевной подруге приходят со своими бедами для того, чтобы те разобрали их причины и следствия, сделали логический вывод и дали практический совет? конечно нет! к ним приходят высказаться, излить душу — и в одном этом обрести успокоение. Передав Мэри Уэстмакотт сумбур, царивший в ее душе, Агата Кристи несомненно почувствовала некоторое облегчение.

Ненадолго. Все-таки то была не ее история. Но рассказывать о себе подлинной казалось недопустимым даже в автобиографии, рассчитанной на посмертную публикацию. И в 1934 году Мэри Уэстмакотт снова была призвана помочь. Ее имя появилось на обложке романа «Неоконченный портрет». Он обдумывался очень долго, с самого развода, когда память вновь и вновь вызывала счастливые и горькие события прошлого. Протекавшие годы внесли некоторую стройность в душевный хаос, столь явный в предыдущем романе. Селия — от начала до конца почти *alter ego* автора. Ее жизнь, прослеженная с младенчества до попытки самоубийства после разрыва с мужем, часто до деталей совпадает с жизнью Агаты Миллер. Тут есть все, что встретится потом в «Автобиографии», нет главного ее достоинства — светлого покоя и доброты. Кошмарный сон детства Агаты — «человек с пистолетом», которым во сне вдруг становился любой близкий, мама или сестра, — превращен в настойчивый лейтмотив романа. В него, уже наяву, превращается в конце любимый муж (это отчасти повторено и в «Автобиографии»), Следует ли из этого, что история Селии — это целиком история Агаты Кристи? здесь ли искать разгадку таинственного исчезновения? видеть в нем попытку самоубийства? размышлять о существовании некоего спасителя, которым в романе оказался художник Дж. Л.? Нет. Если бы попытка самоубийства была в действительности, писательница не рассказала бы об этом никому, даже Мэри Уэстмакотт: неудачливые самоубийцы не любят вспоминать о

прошлом. Доведя героиню до прыжка в реку, она проигрывала предельно драматичную развязку своей собственной истории — но даже в романе не чувствуется ее решимость покончить сразу и со всем.

Да и в других деталях, в описаниях людей есть значительные расхождения с реальностью. Отчасти потому, что подлинные знакомые, еще нестарые и хорошо узнаваемые, могли бы испытать неприятности, узнай их кто-нибудь в романе. Отчасти потому, что их портреты могли бы раскрыть тайну псевдонима автора. Только муж героини Дермот без околичностей списан с Арчи Кристи.

Это сейчас биографы Агаты Кристи вчитываются в строки «Неоконченного портрета», ища там ответы на многие вопросы. Читатели 1930-х годов встретили роман полным равнодушием. Издатель хранил молчание об авторе, как обязывал его договор, хотя и понимал, что раскрытие секрета резко подняло бы тираж. Но из-за Мэри Уэстмакотт ссориться с самой Агатой Кристи было бы чистой глупостью! Сюжет романа не привлек и внимания журналистов, охотников за сенсациями. Биография Селии при всей ее схожести с биографией Агаты Миллер-Кристи была одновременно очень типична. Любой читатель мог вспомнить дюжины милых викторианских девочек, прошедших в юности через войну, вступивших в необдуманый брак, мечтавших о путешествиях, испытывавших вполне обычные трудности семейной жизни. Развод — дело более редкое. Но легко было предположить, что эта неведомая никому мисс Уэстмакотт просто воспользовалась обстоятельствами громкого процесса, как нередко делали и до нее.

Селия выведена начинающей и малозначимой писательницей, отчего внезапный уход только что верного и любящего мужа непонятен и не объяснен ничем, кроме банальностей вроде «после одиннадцати лет брака нужна перемена». В те годы такое утверждение звучало нелепо: неужели удовольствие перемены стоит потери социального лица? Неудивительно, что Селия начинает бояться требующего свободы Дермота: «Она помеха для него... Если б она умерла... Он желает ей смерти... Он, должно быть, желает ей смерти, иначе ей не было бы так страшно». В самом деле, убийство представлялось более легким выходом, чем развод, особенно женщине, чей мозг настроен на драматизацию преступлений. Но даже фантазия Агаты Кристи не могла изобразить Арчи или Дермота потенциальными убийцами — слишком явно они добропорядочны.

Словом, ничего интересного в романе не было и типичность психологических проблем героини не искупалась талантом автора. Издательство Коллинза заранее предвидело неудачу.

Но пусть роман лишен литературных достоинств, пусть с художественной точки зрения большая часть текста, посвященная детству и юности героини, кажется бесполезной, пусть сюжета как такового в нем просто нет — суть ли в том? Может быть, то был поиск истоков слабости и силы героини в ее безмятежном прошлом, не научившем встречать невзгоды. Может быть, то была слабая попытка разобраться в причинах краха ее семейной жизни. Может быть... все может быть, но главное, это просто рассказ о своей жизни, какой она представлялась ей в те годы. Но не подведение итогов. Это — подведение черты под огромным жизненным этапом, необходимое перед тем, как начать этап новый. Конец романа оптимистичен: страх прошел, сон забылся, жизнь началась заново. Говоря от имени рассказчика, что Селия «историю свою и свой страх оставила мне», она впрямь оставляла их Мэри Уэстмакотт, чтобы отныне и впредь не вспоминать пережитую боль. С Арчи Кристи было покончено.

4

Но осталось существо не менее дорогое, которое отсутствовало в «Хлебе Гиганта», словно его и не было. Дочь. Проблема родителей и детей там отнесена лишь к викторианскому времени: у маленького Вернона «было двойное божество Мама-Папа, о котором надо было молиться и которое было как-то связано с тем, что надо спускаться к десерту». В этой фразе — все одиночество ребенка, казавшееся в ту пору таким обыкновенным и правильным, единственный упрек, брошенный Агатой Миллер ее собственным родителям. Но в XX веке отдаленность родителей, особенно матери, от детей уже не воспринималась как нечто естественное.

И по прошествии нескольких лет собственные страдания и весь развод начали видаться в ином свете: это не уход мужа от жены, это уход отца от дочери. Жестокость Дермота, объявившего о своем желании развестись именно в день рождения дочери, героизм матери...

«У Джуди должен быть день рождения... И Джуди ничего не заметила. Она видела только подарки, свои развлечения, готовность каждого выполнить любое ее желание.

Она была настолько счастлива, настолько не подозревала ни о чем, что сердце Селии разрывалось».

Селия упрекает мужа именем дочери: «За себя я не стала бы драться, но за Джуди буду. Подло бросать родную дочь». Но

полно, не лицемерит ли она, пусть неосознанно? Ведь в конце концов ее метания между дочерью и мужем («Дермот или Джуди?») завершились забвением именно дочери: «О Джуди она больше не думала — она уже прошла сквозь это... ничто теперь не имело значения — ничто, кроме собственных страданий и огромного желания вырваться... Река...»

Вернувшись к жизни, она почувствовала вину перед дочерью, которую чуть не бросила безнравственно на произвол судьбы. И отказалась от развода, убеждая мужа терпеть ради ребенка. И все-таки снова уступила давлению Дермота и развелась с ним.

«Словом, как видите, я уступила. И не знаю, почему я все же уступила — потому, что устала и хотела покоя, или потому, что убедилась: это единственное, что стоит сделать, или потому, что все-таки хотела уступить Дермоту...

Иногда мне кажется, что из-за последнего...

Вот почему я с тех пор всегда чувствую себя виноватой, когда Джуди смотрит на меня...

Ведь получилось так, что я предала Джуди ради Дермота».

Это написала Мэри Уэстмакотт. В старости это повторит сама Агата Кристи:

«Я была воспитана, как и все люди моего поколения: развод вызывал — и до сих пор вызывает — у меня ужас. По сей день испытываю чувство некоторой вины, что уступила настойчивым требованиям Арчи и дала ему развод. Глядя на свою дочь, я все еще сомневаюсь: не должна ли была проявить твердость и отказать ему? Так трудно делать то, с чем не согласен в душе. Я была против развода, мне претило разводиться. Расторгать брак нельзя, я в этом уверена, видела много расторгнутых браков и хорошо знаю историю жизни многих разведенных супругов. Пока нет детей — все ничего, но если дети есть, развод небезобиден».

Правда, настойчиво поднимая в романах и в автобиографии тему своей вины за согласие на развод под давлением мужа, не отвлекает ли она свое или читательское внимание от того, в чем с младенчества дочери сама была перед нею виновата? от недостатка душевного тепла и сочувствия, от долгих и частых разлук, от неспособности создать девочке домашний уют?

Об этом нет ни слова, все только развод да развод...

А если за разводом последовал новый брак? все прекрасно для матери, но не следует ли подумать о чувствах дочери? И Агата Кристи, теперь миссис Маллоуэн, призывает Мэри Уэстмакотт не утешить и успокоить, а *помочь советом*, разобраться в обстоятельствах ее столь счастливой ныне жизни. Вместе они задумывают пьесу под самым важным названием — «Дочь есть дочь». Эта пьеса никогда не исполнялась, даже не представлялась на суд театров, и только многие годы спустя была переделана в одноименный роман. Ее содержание, практически идентичное содержанию романа, целиком посвящено отношениям между сорокалетней матерью и двадцатилетней дочерью, чьи портреты очень схожи с оригиналами.

«Сара такая живая, энергичная, решительная...

И все равно, по-прежнему ее маленькая темноволосая дочурка...

Да что это! Что за мысли! Саре они бы страшно не понравились — как и всех ее сверстниц, девочку раздражает любое проявление нежных чувств родителями. „Что за глупости, мама!“ — только от них и слышишь.

От помощи они, впрочем, не отказываются. Отнести вещи дочери в химчистку, забрать оттуда, а то и расплатиться из своего кармана — это обычное дело. Неприятные разговоры („если Кэрол позвонишь ты, мама, это будет намного проще“). Бесконечная уборка („Ах, мамочка, я, разумеется, собиралась сама все разобрать, но сейчас я просто убегаю!“).

„Когда я была молодой...“ — подумала Энн, уносясь мыслями в далекое прошлое.

Энн росла в старомодном доме. Уборка, разнообразные поручения, ведение бухгалтерских книг, рассылка приглашений и прочих светских писем — все эти занятия были для Энн привычными и естественными: дочери существуют для того, чтобы помогать родителям, а не наоборот.

Проходя мимо книжного развала, Энн внезапно спросила себя: „А какой подход правильнее?“

Дети ухаживают за родителями или родители за детьми — но существующая между ними глубинная живая связь от этого не меняется. По убеждению Энн, ее и Сару связывает глубокая искренняя любовь. А было ли такое между нею и ее матерью?

Пожалуй, нет, — в дни ее юности под внешней оболочкой нежности и любви между детьми и родителями в действительности скрывалось то самое небрежно-добродушное безразличие, которым сейчас так модно бравировать».

Это на редкость автобиографичные строки, но их не прочесть в «Автобиографии» даже между строк. Это она могла доверить только Мэри Уэстмакотт...

Героиня романа очень любит дочь и даже ее понимает:

«Разумеется, быть матерью — чудо. Как бы снова проживаешь свою молодость, только без свойственных этой поре страданий, что личное в жизни на самом деле пустяки, можно позволить себе снисходительную улыбку по поводу очередных терзаний.

„Нет, мама, — горячилась Сара. — Это страшно серьезно. Не смейся, пожалуйста. У Нади все будущее поставлено на карту!“

Но за сорок один год Энн неоднократно имела случай убедиться в том, что „все будущее“ очень редко бывает поставленным на карту. Жизнь намного устойчивее и прочнее, чем принято считать».

Дочь питает к матери чувства, которые положено питать современной девице — внешнее пренебрежение и внутреннюю готовность слушать ее советы и принимать помощь. Одновременно дочь открыто проявляет ревность к предполагаемому будущему мужу матери — разумеется, из чувства заботы о «старушке» («Возраст матери — сорок один год — представлялся Саре весьма преклонным, тогда как сама Энн не без усилия могла думать о себе как о женщине средних лет»). Дочь устраивает сцены и скандалы, — и мать жертвует своей любовью, нечаянно калеча и судьбу жениха, с горя ушедшего к юной стерве. Тут наступает цепная реакция: мать толкает дочь на брак по расчету с наркодельцом, потом пытается удержать от развода — дочь заявляет, что мать ее ненавидит, — мать признается, что так оно и есть, и напоминает причину... Извинения, слезы, страдания... Дочь находит силы уехать от мужа с возлюбленным, но матери остается искать утешения у Бога...

Как и надеялась Агата Маллоуэн, ее дорогая Мэри Уэстмакотт полностью оправдала второй брак по любви: он лучше не только для матери, но и для дочери, потому что они навеки соединены природой, и то,

что по-настоящему хорошо для одной, хорошо для обеих! Конечно, если речь идет о подлинной любви, а легко ли ее распознать?.. Однако в своей любви к избраннику Агата Кристи не сомневалась и, проиграв крайний вариант развития судьбы еще не подростковой дочери, успокоилась. Что бы ни ждало в будущем ее Розалинду, хуже, надо надеяться, не получится!

С тех пор о Мэри Уэстмакотт не было слышно, но она не расставалась с Агатой Кристи, бесконечно обсуждала с ней проблемы отношения к дочери в ее невозвратном детстве, когда та жила под присмотром нянь и видела мать лишь вечерами. Все так тогда жили — но *правильно* ли это? И так и оставался неразрешенным вопрос о нравственности согласия на развод с учетом интересов ребенка, в ту пору почти ею забытых... И наконец эти внутренние беседы вырвались наружу, в замысел новой книги, где «неуклонно должны нарастать напряжение и тревога, неотвратимо должен вставать перед героиней вопрос, которым, я уверена, когда-нибудь задается каждый — *кто я? Каков я на самом деле?* Что думают обо мне люди, которых я люблю? Действительно ли они думают обо мне то, что мне кажется? Все вокруг внезапно начинает видеться по-другому, в новом свете. Вы пытаетесь успокаивать себя, но подозрения и тревога не исчезают».

Вопрос, который Агата Кристи доверила разрешить Мэри Уэстмакотт, был почти единственным — какой женой и матерью она была?., что дала мужу и дочери?., чего их лишила? В обстановке, когда книга властно потребовала воплощения, он встал перед нею непреодолимой стеной. Шла Вторая мировая война, страна переживала тяжелейший период битвы за Англию, СССР и США еще делали вид, что происходящее их не касается и не коснется. Она снова работала в госпитальной аптеке, муж снова был далеко. Все будило тысячи воспоминаний молодости. И Розалинда вышла скоропалительно замуж за военного во время его отпуска, совсем как мать двадцать пять лет назад. Но в отличие от матери скоро, в 1943 году, родила сына. Теперь приходилось заботиться и о дочери, тяжело переносившей послеродовой период, и о малыше. И невольно память прошлого, наложившись на реалии настоящего, всколыхнула давно беспокоившие ее сомнения — что она для своей дочери?

«Я написала эту книгу в один присест, за три дня. На третий

день был понедельник, я передала в больницу, что не приду, прошу меня извинить, но не рискую прервать работу над книгой, я должна ее непременно закончить. Книга получилась небольшой, около пятидесяти тысяч слов, но я ее долго вынашивала.

Это странное ощущение — книга словно растет в тебе, порой лет шесть-семь, и ты точно знаешь, что когда-нибудь напишешь ее, а она растет и растет, чтобы однажды превратиться в то, что уже есть. Да, она уже существует — просто очертания ее должны четче выступить из тумана».

Героиня романа «Разлука весной», почтенная замужняя дама и мать, вынужденно задержалась в придорожной иракской гостинице, столь знакомой тогда Агате Маллоуэн, и от скуки начала размышлять. И вдруг постепенно стала понимать, что никому она не нужна, что ни муж, ни дети ее не любят, мечтают избавиться от ее присутствия (не убить, нет, просто отправить куда-то в иное место), а виновна в этом она сама. Она искалечила жизнь мужа, разлучила его с любимой: «В конце концов, надо было подумать о детях! Все, что она делала, она делала не из эгоистических побуждений, а ради семьи! Но этот ее внутренний протест тут же умер перед неопровержимыми доказательствами собственной совести...» Да, за сохранение семьи никто не мог бы ее осудить, но положила ли она руку на сердце, готова ли она сказать, что дала мужу хоть немного душевного тепла? что он не имел оснований пожалеть о сделанном когда-то выборе?

Но муж так или иначе сам обязан нести ответственность за свой выбор и его последствия, а вот то, что ее дети смотрят на нее с презрением и недоверием — целиком ее несмываемая вина. «Разве Родни был неправ, когда говорил ей, что она заставляет детей делать то, что прежде всего нужно ей самой?» Именно в этом романе звучит уже приводимый выше диалог, когда мать слышит от дочери, что с младенчества не заботилась о детях, не купала, не учила, не вникала в их нужды, даже не обеспечивала материально, — и внезапно понимает ужасающую правоту девочки. Прежде она даже не сознавала, как страшно отдалена от детей: «Что натворила ее малышка, ее непослушная, безрассудная девочка, которая вышла замуж за первого встречного и ушла с ним, бросив родительский дом? Она никогда по-настоящему не любила Барбару и не понимала ее. Бесцеремонно и эгоистично она сама определяла, что хорошо для Барбары, а что плохо, не считаясь ни со вкусами девочки, ни с ее желаниями...»

Но то, что ясно виделось женщине в вынужденном уединении пустыни, не перевернуло ее душу, рассеялось как песок при возвращении к людям. Она возвратилась прежней — деловой, энергичной, безжалостной в своей уверенности в себе и собственной непогрешимости. Конца у романа не было. Однако его психотерапевтический эффект для автора огромен. Приписывая собственные неисправимые уже ошибки такой непривлекательной даже в раскаянии особе, она изживала мучительное чувство вины. Высказываясь перед Мэри Уэстмакотт, она начинала понимать, что не все так ужасно в ее прошлом. Она не понимала дочь, но всегда сознавала это и предоставляла той с ранних лет самой решать, что она хочет; она приставила к девочке нянь, зато сама работала ради нее и создала ей надежную обеспеченность; она отпустила мужа к его избраннице и теперь пришла к убеждению, что поступила правильно. Она, вероятно, была не лучшей матерью, но характеру и судьбе Розалинды не повредила — а этого не всякая мать может сказать о себе!

И наступило настоящее успокоение... страдания и муки совести ушли... Недаром в «Автобиографии» Агата Кристи признает, что именно эта книга «рвалась из нее с настоятельной требовательностью» и «принесла ей чувство полного удовлетворения». На сей раз Мэри Уэстмакотт выступила не как советчица, а как утешительница.

Но в 1952 году она объявилась вновь, переделав так и неопубликованную пьесу «Дочь есть дочь» в роман: возможно, Агата Кристи снова почувствовала неуверенность в своей правоте по отношению к Розалинде. По сути, роман так и остался пьесой, распадаясь на сплошные диалоги и сценические картины, добавились лишь начальные внутренние монологи матери. И если эти монологи сложились именно тогда, незадолго до выхода романа в свет, они заслуживают особого внимания. Ведь в 1950 году Агата Кристи ощутила «страстное желание написать автобиографию». Закончила она ее значительно позже, но первые детские воспоминания записала тотчас. Противоречие между идиллическими картинами «Автобиографии» и горькими автобиографическими аллюзиями в романе «Дочь есть дочь» вопиюще. Где же была для нее правда? С такой ностальгией вспоминать папу и маму в автобиографии — и так жестко критиковать родителей героини: возможно ли это в один момент жизни автора? Конечно, Энн в романе — не Агата Миллер, но сходство столь велико, что вопросы неизбежны. Ответов нет.

Однако в ту пору произошел явный перелом в ее сознании, как-то совпавший по времени с желанием начать автобиографию — что было

причиной, что следствием, решить нельзя. Ее трактовки взаимоотношений родителей и брошенных детей принципиально изменились даже в романах, изданных под именем Агаты Кристи. В 1930–1940-е годы она не считала, что сиротство или одиночество ребенка могут привести к серьезным для него последствиям (героини «Спящего убийства», «Пяти поросят» благополучно забывают психическую травму детства), а если последствия все-таки проявляются — виноват сам ребенок («Кривой домишко»). Но в пятидесятые годы ее взгляд становится иным. Трагедии брошенных детей или детей-сирот, детей, одиноких в родном доме, так или иначе становятся центральными в романах «Миссис Макгинти с жизнью рассталась», «Карман, полный ржи», «С помощью зеркал», «Испытание невиновностью», «Зеркало треснуло» и потом всплывают почти во всех последних книгах. И только в одном случае девушка, оставленная легкомысленной матерью, осуждается, но карается и ее мать («Отель „Бертрам“»). Причем почти всегда речь идет о вине матери перед ребенком, а не о вине отца. Потребовались годы — уже и внук ее пошел в школу, — чтобы Агата Кристи дожила до понимания определяющей роли матери в мировоззрении и судьбе ребенка.

И в эти же годы происходит ее переоценка собственного детства. Прежде она подвергала своих родителей резкой критике, она без особых сожалений продала родной Эшфилд в 1940 году. Но теперь она убеждает себя в абсолютной ценности счастливого детства, делает его прибежищем от бед настоящего (например в «Кармане, полном ржи»), И таким начинает ей видеться и собственное прошлое. И год за годом оно становится в ее воспоминаниях все светлее и радостнее. А Эшфилд оказывается средоточием лучших сторон бытия, и его гибель превращается в трагедию. Настолько страшную, что гибель родного дома не описывается даже в романах Мэри Уэстмакотт — тут утешение невыносимо. Но о другом она не могла молчать. И поднявшись до понимания значимости материнства, которую вовремя не сумела понять, она честно постаралась донести свое новое убеждение до читателей, чтобы хотя бы их предостеречь от повторения ошибок, отравивших жизнь ее матери, ее дочери, ей самой. Видимо, чувство вины или, быть может, сознание гуманистической важности заботы о детях было так велико, что она не могла доверить эту проповедь Мэри Уэстмакотт — кто ее прочтет? а Агату Кристи читает весь мир.

В 1948 году Мэри Уэстмакотт объявилась в печати в новом обличье, издав роман «Роза и тис». Его эскиз, по признанию писательницы, вынашивался на редкость долго, с самого 1929 года. Но поверить в это признание нелегко, тем более что центральная тема строго одновременна эпохе создания и не могла быть задумана двадцатью годами ранее по сюжетным основаниям. Возможно, все эти годы Агата Кристи обсуждала с задушевной подругой, правильно ли она поступила, отказавшись от спокойного брака с надежным женихом ради безумного приключения с дерзким летчиком? И все эти годы Мэри преданно убеждала ее, что любовь — превыше всего. Но каков бы ни был первоначальный замысел, прошедшие годы смягчили остроту сомнений и сюжет явно претерпел существенные изменения в эту краткую счастливую пору душевного покоя миссис Маллоуэн. Ее беспокоили после войны прежде всего политическая ситуация, приход к власти лейбористов, необратимые перемены в существовании страны, ощутившей последствия победы как пиррову победу. Все эти наболевшие вопросы и стали стержнем романа, хотя их трактовка достаточно предсказуема: автор горько сожалеет о гибели раздавленной чудовищными налогами родовой аристократии; поражение консерваторов объясняет бесчестными и безответственными поступками присосавшихся к партии выскочек из низов. На этом фоне неожидан брошенный вскользь сочувственный отзыв о коммунистах.

Но борьба на парламентских выборах в небольшом местечке не могла, конечно, стать единственной темой романа. Поддержка Мэри Уэстмакотт в тот момент не требовалась ее доверительнице, и, не провидя будущее, та возомнила о себе: она попыталась превзойти Королеву детектива литературным мастерством, создать нечто психологическое и высокое. Попытка не удалась. Главной ошибкой Мэри стала безадресность романа — на какого читателя он рассчитан? Это не женская литература, что бы ни понимать под этим определением. Но едва ли он привлечет и мужчин: несмотря на политические рассуждения и остросюжетность, вплоть до гибели героини от случайной пули, действие течет очень вяло, а немотивированные повороты судеб персонажей только мешают пониманию замысла. Читателям же, интересующимся психологическими проблемами, покажется, что автор замолчал как раз тогда, когда следовало бы начать рассказ! Можно допустить, что гордая аристократка бросит жениха накануне свадьбы и станет любовницей проходимца, можно даже допустить, что мелкий пошлый негодяй внезапно превратится в святого, к которому за помощью идут толпы страждущих, но не следовало ли автору показать этапы или хотя бы причины таких удивительных перерождений?

А между тем аристократка и автор молчат, проходимец умирает в ореоле святости, но с гнусной ухмылкой, — что тут требуется от читателей? просто поверить в реальность описанных коллизий и самим додумать их объяснение? Читатели и додумывали, отчего возник разброс мнений: одним роман показался гениальным, другим бездарным. Но в общем-то издатели были правы, когда «ненавидели Мэри Уэстмакотт и все, что выходило из-под ее пера». К ее чести, она не упорствовала. Неудача романа, несмотря на то что сама Агата Кристи всегда его «с удовольствием перечитывала», отвратила ее задушевную подругу от авторского тщеславия.

Последний раз Мэри Уэстмакотт выступила в печати с романом «Бремя». В высшей степени вероятно, что его выход в свет произошел спустя много времени после создания и что в его основе также лежала неизданная пьеса. Сестра Агаты Мэдж умерла в 1950 году, последние годы ее жизни омрачила болезнь мужа. Прежде спокойный и здравомыслящий, Джеймс Уотс под старость стал невыносим. Заботы о нем, его резкость по отношению к жене, по мнению младшей сестры, подтачивали здоровье прежней веселой хлопотуньи Мэдж, недаром прозванной сыном Москитик за непрерывную деловитую суетливость. Скорее бы муж умер и вернул Мэдж спокойствие, дал отдых под старость... Если такого рода мысли приходят в голову, привыкшую к изобретению убийств и алиби, они небезопасны... Без помощи Мэри Уэстмакотт снова было не обойтись!

В прологе романа маленькая молчаливая Лора отчаянно ревнует старшего брата и потом младшую сестренку, пользующихся любовью родителей, в то время как ее саму еле замечают. Внешность девочки, ее манеры, характер опять напоминают Агату Миллер. Правда, она изображает себя старшей, а не младшей сестрой, но такой перенос ролей психологически легко объясним. Ревность в любом случае остается. И опять в автобиографии не найти ни отголоска этих эмоций.

«Это несправедливо...

О, это несправедливо.

Ее мама любит малышку-сестру, как любила Чарлза.

Это несправедливо...

Она ненавидит, ненавидит, ненавидит малышку!

Пусть бы она умерла!»

Но девочка не только не убивает малышку, а выносит ее из пожара и с тех пор на всю жизнь проникается к ней горячей любовью. В этой любви нет собственнических чувств, она желает сестре счастья и по прошествии многих лет убивает ее мужа-инвалида, желая освободить сестру для нового счастливого замужества. Ей кажется, что она достигла цели, она гордо проходит через судебный процесс об убийстве и получает оправдание, сестра выходит замуж за превосходного человека, — но в три года спивается и погибает под колесами грузовика.

Впрочем, только ли о судьбе уже покойной к тому времени Мэдж здесь речь? Создается впечатление, что в романе механически соединены два или три сюжета. Сестры в романе молоды, в образе Ширли сквозят некоторые черты Розалинды, чья жизнь в пятидесятые годы была не такой радужной, как, может быть, хотелось ее матери. Розалинда даже пристрастилась к выпивке, подобно Ширли. Вина ли в этом матери? и надо ли что-то делать?

«— И она не была счастлива? Я не могу в это поверить.

— А что вы знаете о своей сестре? Разве человек может казаться одинаковым двум различным людям? Вы всегда смотрели на Ширли как на беспомощного ребенка, которого вы спасли из огня, она казалась вам слабой, нуждающейся в постоянной защите и любви. Но я увидел ее совсем иначе, хотя я могу ошибаться, как и вы. Я увидел храбрую, отважную женщину, склонную к авантюре, способную сносить удары, способную постоять за себя, нуждающуюся в новых трудностях для проявления всей силы ее духа. Она устала, она была в напряжении, но она выиграла свою битву, она сделала доброе дело в той жизни, которую для себя избрала, — она вытаскивала Генри из отчаяния на белый свет, она праздновала победу в ту ночь, когда он умер. Она любила Генри, Генри был то, чего она желала. Жизнь ее была трудной, но полной страсти и потому стоящей.

А когда Генри умер, ее опять укутали в вату, окружили любовью, о ней тревожились, и она не могла из этого вырваться, как ни боролась. Тогда она и обнаружила, что вино помогает. А уж если женщина поддалась пьянству, ей нелегко бросить».

И только тогда старшая сестра понимает слова, сказанные ей старым другом семьи:

«— Болди знал, — сказала Лора. — Вот что он имел в виду, когда сказал: „Тебе не надо было этого делать, юная Лора“.

Давным-давно он меня предупреждал: „Не вмешивайся. Откуда нам знать, что лучше для другого?“».

Она не наказана за свое непрошеное вмешательство, она даже выходит замуж за любящего человека, впервые познав подлинное «бремя любви». Но не лучше ли было не становиться вершителем чужих судеб, а позаботиться прежде всего о себе? Мэри Уэстмакотт дает именно этот совет. И послужило ли толчком к созданию романа беспокойство за Мэдж или за Розалинду, совет Мэри приобретает универсальную значимость: «Не вмешивайся!» И несомненно Агата Кристи желала получить именно его. Подруга не подвела. И навсегда ушла из ее души — и из литературы.

*

Конечно, в произведениях любого автора прослеживается его личный опыт, встречаются персонажи, имеющие черты сходства с его близкими и знакомыми. Иначе и не может быть — нельзя игнорировать собственную индивидуальность и собственное окружение. Однако в романах Мэри Уэстмакотт, за исключением «Розы и тиса», не только крайне высок уровень автобиографичности в деталях и положениях. Каждый из них можно рассматривать именно как отклик на какие-то животрепещущие проблемы, стоявшие перед Агатой Кристи, попытку иногда их разрешить, а чаще — просто изложить словно бы постороннему человеку. Вместе с тем считать Мэри беллетризированным подсознанием Агаты Кристи было бы преувеличением. Большинству людей, кроме отдельных счастливцев, случалось испытывать желание закричать в бешенстве что-нибудь ужасное, швырнуть чем-то тяжелым в стену, а при крайних ситуациях — и в телевизор. Все это — проявления полезного с психологической точки зрения «метода переноса», выплеска отрицательных эмоций в наименее опасной форме. Еще полезнее высказать вслух все накипевшее или наболевшее, выплакаться, раскаться... Однако за испытанное удовлетворение приходится платить, будь то деньгами за визит к психотерапевту или потерей лица, супруга, карьеры, привязанности своего ребенка...

Лучшее лекарство от бед, вообще поддающихся излечению, придумала Агата Кристи: доверенное лицо, которое всегда с тобой, которое никогда не откажется поговорить, выслушать, утишить нравственные муки, дать совет в трудный момент. Оно может даже, как ни странно, увидеть проблему

более объективно, как бы со стороны, потому что последовательное связное изложение произошедшего неизбежно упорядочивает умственный и душевный хаос — и одним этим чаще всего помогает его преодолеть. И не стоит вслед за издателями сердиться на Мэри Уэстмакотт за то, что она своими романами отнимала время, которое Королева детектива могла бы потратить на создание нового шедевра. Без своей задушевной подруги Агата Кристи вполне могла умереть еще в 1929 году — и не создать ни одного шедевра.

Глава шестая

БЕРЕГ УДАЧИ

1

Положение разведенной и достаточно молодой женщины, даже если муж взял на себя всю вину за разрыв, было неприятно. Из глубокого уважения к религии она сама отказала себе в праве на причастие; она лишилась возможности пойти в театр или на вечерний концерт, пообедать в ресторане, что невозможно без спутников; ей не хотелось присутствовать на вечеринке с танцами одинокой посреди супружеских пар. И увы, не все друзья готовы были сохранять с нею прежние отношения: «Начиная новую жизнь, мне пришлось критически пересмотреть круг своих друзей. Испытание, через которое пришлось пройти, стало своего рода пробным камнем в отношениях с ними. Мы с Карло учредили между собой два ордена: орден Крыс и орден Верных Собак. О ком-нибудь мы могли сказать: „О, да, этот достоин ордена Верных Собак первой степени“. Или: „Этот заслуживает ордена Крыс третьей степени“. Крыс оказалось не так много, но среди них были совершенно неожиданные: иные люди, которые считались моими настоящими друзьями, как выяснилось, не желали теперь иметь ничего общего с человеком, привлечшим к себе внимание в связи с сомнительными, как им казалось, обстоятельствами».

Этих слов достаточно, чтобы понять, насколько же тяжелее было положение в обществе Арчи и его новой жены, осуждавшихся бывшими знакомыми как инициаторы скандала, хотя, конечно, жалеть их не следует, — они выбирали свою судьбу с открытыми глазами. Их не коснулась лишь одна особенность существования оставленной мужем дамы — в глазах холостяков она считалась подходящим объектом для безответственного флирта: «Что меня поразило, так это сколько мужчин стали ухаживать за мной, как только я оказалась в несколько двусмысленном положении дамы, разбегавшейся с мужем и официально с ним разводящейся».

Ухаживали, разумеется, без видов на женитьбу. Все это было так ново и так странно для женщины, всю жизнь прожившей под опекой родителей или мужа! В новой ситуации у нее имелось два проверенных средства пресечь недоброжелательные слухи и нежелательные поползновения: вести предельно уединенную жизнь в Эшфилде или уехать за границу. Агата

Кристи выбрала второе, надеясь заодно скрыться и от журналистов. Ее Розалинда пребывала в школе, в случае необходимости Мэдж или Карло позаботились бы о ней, — она сама впервые в жизни оказалась предоставлена собственной воле!

Первой ее идеей было отправиться на Карибские острова, но на обеде у знакомых ей подсказали свежую и отличную мысль: Багдад. По сравнению с Карибами он имел тьму преимуществ. Туда не нужно было плыть, весь путь, кроме неизбежных переправ через Ла-Манш и Босфор, можно было проделать в столь любимых ею поездах и даже проехать через всю Европу на таком заманчивом Восточном экспрессе! Кроме того, Ирак находился в ту пору в «сфере влияния» Британской империи, поэтому сказочное обаяние «Тысячи и одной ночи» соединялось в нем с возможностью остаться в своей языковой среде, получить привычную чашку чая и хотя бы минимум привычного комфорта. Английская колония Месопотамии состояла из многочисленных семей военных, врачей, владельцев отелей, бизнесменов, шоферов, летчиков, дипломатов и кого угодно еще. Там играли в теннис, устраивали скачки, организовывали клубы и библиотеки... словом, то была Англия посреди экзотики Востока. Почти как Египет, но с той разницей, что Багдад отнюдь не являлся курортом и для поездки туда не по служебной или семейной надобности требовалось какое-то обоснование, дабы не привлечь к себе ненужное внимание сплетников. И такое обоснование теперь было! Недалеко от Багдада вела археологические раскопки экспедиция Леонарда Вулли, ставшая в тот год знаменитой на весь свет. Древний Ур, родина Авраама, открыл существование неведомой цивилизации шумеров, гробницы царей и цариц которых ломились от золотых и серебряных украшений невиданной красоты, сравнимых с недавними находками в гробнице Тутанхамона. Но Тутанхамон не взял с собой многих десятков «сопровождающих» из придворных дам и рабов, принесенных в жертву при погребении! Газеты всех стран писали о шумерах и Вулли.

Ур стал объявленной и оправданной туристической целью поездки миссис Кристи. Она еще не знала, что вскоре ей не понадобится никакого оправдания, что поездка в Ур станет в глазах всех представителей иудейской или христианской цивилизаций не туризмом, а паломничеством — в тот сезон Вулли докажет реальность библейского потопа!.. и границы его «всемирности».

Тягостное плавание до Кале — и вот она в желанном Восточном экспрессе — вокруг живописные ущелья Италии и Югославии, тележки с осликами — и уже она посреди кричащего хаоса Стамбула. Естественно,

попутчики считали долгом заботиться об одинокой даме: женщины давали свои адреса и советы, мужчины приглашали в ресторан и потом очень настойчиво ждали ответного приглашения в номер. Но для миссис Кристи пугавшее одиночество вдруг обернулось наслаждением прежде неведомой свободой — свободой делать что ей вздумается, не давая никому отчет. И она не желала перемен!

В Стамбуле она провела всего сутки, переправилась через Босфор с помощью агента Кука — и снова поезд идет на Восток. При переезде из Европы в Азию она почувствовала какую-то неуловимую перемену. Здесь время текло иначе, его ход перестал казаться важным. Поезд двигался вдоль берегов Мраморного моря, потихоньку лез в горы — дорога казалась сказочно красивой и экзотичной. Другими стали и пассажиры: люди были те же, но они уже воспринимали себя чужестранцами и внутренне напряглись. На станциях к поезду бежали местные крестьяне в развевающихся одеяниях и наперебой громко расхваливали свой товар, совали пассажирам в окна мясо или овощи, нанизанные на вертелы или завернутые в виноградные листья, яйца, выкрашенные в разные цвета, и прочие восточные блюда. К счастью, в поезде пока еще был ресторан, поскольку перронная снедь явно была горячей, жирной и откровенно негигиеничной.

На второй вечер поезд сделал остановку, чтобы пассажиры могли полюбоваться Киликийскими воротами — куда спешить?

«Перед нами предстала картина фантастической красоты, никогда ее не забуду. Выйдя из поезда вместе с другими, я увидела неопишемую красоту. На горизонте медленно заходило солнце. Я была так рада и благодарна судьбе, занесшей меня сюда!» Потом поезд спустился с гор и она очутилась уже в Сирии. Но Сирия встретила путницу неласково: ее до полусмерти искушали клопы! пришлось попросту разрезать рукава пальто и блузки — руки внутри их так распухли, что ничего другого не оставалось: «У меня был жар, болела голова, я отвратительно себя чувствовала и думала про себя: „Ах, зачем я пустилась в это путешествие!“».

Так в один день она испытала и прелесть, и невзгоды, которые сочетал Восток.

В Дамаске путешественницу ждал «великолепнейший отель с огромными мерцающими мраморными холлами, правда, так слабо

освещенными, что разглядеть было почти ничего невозможно». Ее торжественно препроводили по мраморной лестнице вверх, в необозримо обширные апартаменты, и она попробовала обсудить вопрос о ванне. Однако ванна на Восток еще не добралась. Банщик

«отвел меня, облаченную в пеньюар, в какой-то подвал, где стал откручивать какие-то краны и вентили. На каменный пол отовсюду потек кипяток, и пар заполнил все помещение так, что ничего не стало видно. Банщик кивал, улыбался, жестикулировал, давая понять, что все идет хорошо, а потом ушел. Перед уходом он все краны закрутил, и вода стекла в отверстия, устроенные в полу. Я не знала, что делать дальше. Снова пустить горячую воду не рисковала. В конце концов я сняла тапочки и все остальное и побродила немного по этой бане, ополаскиваясь в клубах пара, — включить воду я так и не решилась. На мгновение я ощутила тоску по дому, по своей светлой квартире, по нормальной фарфоровой ванне с двумя кранами, на которых написано — „хол.“ и „гор.“ и которыми можно регулировать температуру воды по своему усмотрению».

Никогда прежде Агата не лишалась условий привычного существования. Даже в кругосветном путешествии с Арчи она не оказывалась за пределами давно обжитых англичанами мест. И что же? к собственному удивлению, она не просто легко переносила тяготы, но принимала их как должное, не позволяя быту затмить очарование новых стран. Следующий этап путешествия сулил еще более сильные впечатления — встречу с Пустыней. Дамаск был последним пунктом еще недостроенной железной дороги Босфор — Багдад. Дальше следовало переехать пустыню с караваном автобусов. 48 часов ее трясло в лишенном по современным представлениям малейшего комфорта автобусе, страшно укачивало, короткие ночлеги в крепостях, охраняемых часовыми Верблюжьего корпуса, готовыми дать отпор бандитам (или, если угодно, борцам за независимость), не приносили отдыха телу. По пять-шесть женщин в одной комнате, они лежали часа три короткой южной ночи на незастеленных топчанах. И снова пустыня.

«Часов в пять-шесть утра, на рассвете, мы позавтракали посреди пустыни. Нет завтрака лучше, чем консервированные сосиски, сваренные рано утром на примусе в пустыне. Эти

сосиски да крепкий черный чай — что еще нужно, чтобы поддержать слабеющие силы?! Чудесные цвета, которыми расцвечена пустыня — бледно-розовый, абрикосовый, голубой — в сочетании с пронзительно прозрачным и словно чуть подкрашенным воздухом создают завораживающую картину. Именно это я мечтала увидеть! Будто все куда-то вдруг исчезло — только чистый, бодрящий утренний воздух, тишина — никаких птиц, струящийся сквозь пальцы песок, восходящее солнце и вкус сосисок и чая во рту. Чего еще можно желать?!»

Да, это и был Восток, каким его изображали в записках путешественников и немых голливудских фильмах! Багдад вырос на другом берегу реки как прекраснейшее видение белого рая. А в его пригородах росли сами по себе пальмы, шлепали по грязи буйволы и женщины с бирюзовыми браслетами на ногах. Однако миссис Кристи стараниями английской колонии поселилась не в самом городе, а в сугубо британском районе Альвия, тогда отделенном от центра милями пустыни из соображений гигиены. Смотреть вокруг было не на что, разве только дивиться колориту восточного образа жизни, когда видимость нимало не соответствует сущности и нищий, на взгляд европейца, погонщик стада буйволов в действительности является богачом, ибо каждый буйвол стоит более ста фунтов! Она рвалась из обволакивающего гостеприимства Альвии, ее целью был Ур — и к счастью, это поощрялось всеми знакомыми. И туда даже шел поезд.

Работа на раскопках Ура кипела, самый знаменитый сезон экспедиции Вулли был в разгаре. Приезд одинокой туристки прошел бы незамеченным, но жена Леонарда Вулли, страстная любительница детективов Кэтрин знала, *кто* была эта дама. К ним приехала сама сочинительница «Убийства Роджера Экройда» — какие уж тут шумеры! То были первые археологи, которых встретила Агата Кристи. Она еще не понимала, насколько невероятно, что сам начальник экспедиции лично водит ее по раскопу! Она не знала, что его власть здесь подобна абсолютной монархии: захочет установить себе трон — установит. Членам экспедиции и ее рабочим («рабам», по терминологии археологов, идет ли речь о студентах-практикантах или нанятых землекопах) останется склониться перед лицом

монарха, которого разве только спонсоры или институт могут ввести в определенные рамки. Однако диктатура Леонарда Вулли заканчивалась раньше — перед лицом жены, которой он был бесконечно и внешне чрезмерно предан.

«Помню, спустя много месяцев в разговоре с Кэтрин я с восторгом отозвалась о ее муже Лене:

— Удивительно, он начисто лишен эгоизма. Как он встает среди ночи и готовит вам „Бенджерз фуд“ или горячий суп! Не многие мужья способны на это.

— В самом деле? — изумилась Кэтрин. — А Лен считает, что это его привилегия.

Он и вправду так считал. Вообще, делая что-то для Кэтрин, каждый был уверен (по крайней мере, в тот момент), что ему оказана честь. Когда по возвращении домой до вас доходит, что вы лишились двух только что приобретенных книг, которые мечтали прочесть, потому лишь, что Кэтрин, вздохнув, пожаловалась, что ей нечего читать, и вы охотно, с радостью сами ей их отдали, тогда только вы осознаете, насколько она замечательная женщина!»

Да, Кэтрин Вулли умела очаровывать, мечтала очаровать великую гостью и преуспела в этом. Но знакомство их оказалось не кратким, а долгим, на многие годы. В «Автобиографии» Агата Кристи назвала ее «одной из лучших моих подруг», что не помешало ей не без издевки расправиться с супругами Вулли в «Убийстве в Месопотамии». Едва ли найдется женщина, которая захотела бы узнать себя в героине этого романа. Та имеет много общего с Кэтрин (кроме, естественно, фактов биографии), отличается от нее одним — равнодушием к деятельности мужа. Кэтрин в Уре не скучала, ей, в частности, шумерская цивилизация обязана знаменитым скульптурным портретом царицы в золотой диадеме, восстановленным по черепу и глиняным рисункам. Досталось в романе и некоторым другим членам экспедиции. Специалист по эпиграфике иезуитский священник отец Берроуз попал туда почти без изменений. Он, скорее всего, роман не прочел, возможно, и Леонард Вулли не захотел узнать себя в главном герое, а вот Кэтрин Вулли, несомненно, книгу купила (или любимая подруга подарила ей экземпляр с дарственной надписью?). «Убийство Роджера Экройда» она навязывала всем членам экспедиции без права на отказ. Потребовала ли она от них прочитать и «Убийство в

Месопотамии»? при всем ее обаянии и уме, чувство юмора у нее не преобладало — да и какого чувства юмора тут хватило бы?! Однако на сей раз зависящие от нее служащие сами расхватили роман и наслаждались недоступной прежде радостью мести!

В тот первый свой приезд Агата Кристи провела в Уре только несколько дней, потом пожила немного в Багдаде уже самостоятельно, а не почетной пленницей Альвии, а там уже наступил ноябрь, начались дожди, и в Англии ее ждали предрождественские хлопоты. Дорога домой оказалась тяжелее: автобусы намертво увязали в размытой дождями пустыне, но то была дорога домой.

3

Рождественские каникулы 1928/29 года оказались неудачными. К Розалинде приехала погостить ее школьная подруга — и заразила ее корью. Еще не успела болезнь проявиться, как нога миссис Кристи, куда недавно сделали прививку, странно распухла: «Я позвонила сестре, и Москитик, готовая в любой момент лететь на помощь, попросила, чтобы в случае необходимости я дала ей телеграмму — она немедленно примчится и будет ухаживать за мной, или за Розалиндой, или за обеими и вообще делать все, что нужно. На следующий день состояние мое ухудшилось, а Розалинда стала жаловаться на простудные явления — у нее слезились глаза и текло из носа. Приехала Москитик, готовая, как всегда, бороться с любыми невзгодами».

Это оказалось тяжелое заражение крови с галлюцинациями и чуть ли не угрозой потери ноги. Пока мать боролась за жизнь в больнице, Розалинда болела корью в Эшфилде, счастливая тем, что за нею ухаживает любимая тетя Москитик. Она, впрочем, не огорчилась возвращению оправившейся мамы. К школьным каникулам добавились две недели для полного выздоровления девочки, и впервые после отчаянно долгого перерыва Эшфилд стал дарить веселье и бодрость. Звонкий детский голос звал тетю Москитик, старые игрушки обрели новую хозяйку, сестры снова общались и болтали без помех.

Каникулы со временем закончились, Розалинда вернулась в привычную школу. Но 1929 год выдался неприятным. Умер Монти, и хотя сестры много претерпели от его причуд и безалаберности, все-таки то был еще один разрыв с прошлым. Монти до последнего дня находил женщин, готовых принять на себя заботы о нем в надежде на его исправление,

последней оказалась медсестра-француженка, взявшая безнадёжного и безденежного больного к себе в дом. Мэдж и Агата готовы были ее расцеловать, к недоумению их адвоката, сомневавшегося в «приличности» такого сожителства. На похороны во Францию съездила только Мэдж, младшей сестре было и без того тяжело.

Приходилось по-новому устраиваться в Лондоне, где приезды для работы с редакторами требовали постоянного жилья. Агата Кристи купила очень своеобразную квартирку, переделанную из конюшенного сарая (ее она изобразила в рассказе «Убийство в Каретном ряду»). В этом забавном, хотя малоудобном доме она стала писать то, что не требовало усилий и раздумий: рассказы про Томми и Таппенс и довольно нелепый роман «Тайна семи циферблатов». Сама она относилась к этим опусам так, как они того и заслуживали — как к ремесленным поделкам ради заработка:

«После „Убийства Роджера Экройда“ я написала „Тайну семи циферблатов“ — продолжение более ранней книги „Тайна замка Чимниз“ — и считала ее, по собственному выражению, веселым триллером. Такие книги легко писать — они не требуют кропотливой разработки и выстраивания сюжета.

Теперь ко мне стала приходиться уверенность. Я чувствовала, что смогу писать в год по книге плюс несколько рассказов. Писательство в те времена имело один приятный аспект: все написанное можно было непосредственно выразить в деньгах. Если я решала написать рассказ, я знала, что он будет стоить шестьдесят фунтов. И так с любой вещью. Учтя подходящий налог, который составлял тогда четвертую-пятую часть, я высчитывала, что получу сорок пять фунтов чистыми. Это стимулировало мою производительность. Я говорила себе: „Хочу построить оранжерею-лоджию, где можно будет отдыхать. Сколько это стоит?“ Произведя подсчеты, садилась за машинку, задумывалась, составляла план и не позже чем через неделю рассказ уже существовал у меня в голове. Далее я записывала его и строила оранжерею».

В этом же конюшенном домике она приняла супругов Вулли, приехавших в Лондон в отпуск (как они все разместились? гостиная, гараж и каморка прислуги внизу, столовая с диваном, кухня, ванная и спальная клетушка наверху — уют коммуналки!). Вулли пригласили ее приехать в конце следующего сезона в Ур с тем, чтобы потом вместе

попутешествовать по Сирии и Греции. Приглашение было с восторгом принято: следующий отъезд из Англии будет иметь не просто видимость паломничества, но подлинность поездки к друзьям и с друзьями.

Дорога на Восток уже не таила пряного аромата экзотики — все ароматы казались привычными и почти родными. На сей раз в Уре она столкнулась с неожиданной ситуацией, позднее в «Убийстве в Месопотамии» она описала нечто подобное одной фразой: «Они слишком вежливо передавали друг другу за завтраком масло». Атмосфера в экспедиции царила нервная. Легко было приписать перемену влиянию эмоциональной и часто раздражительной Кэтрин. Ее дурное расположение духа было явно заметно. В первый момент при своей неопытности Агата Кристи готова была обвинить подругу, но позднее, уже изучив археологический мир изнутри, она в романе проницательно отметила, что главным лицом любой экспедиции всегда является ее начальник. Так что настроение Кэтрин было всего лишь отражением настроения Леонарда Вулли, возможно, недовольного текущим сезоном, далеко не таким блистательным, как два предыдущих.

Единственный, кто не вызывал постоянного раздражения Кэтрин, был молодой темноволосый, невысокий и худой ассистент, очень молчаливый и очень сдержанный. Звали его Макс Маллоуэн, в прошлый приезд миссис Кристи он отсутствовал, хотя вообще работал с Вулли уже пять лет. Для начала Кэтрин отрядила его сопровождать гостью в поездку на раскопки древнего Ниппура. Миссис Кристи почувствовала себя неловко от того, что ему навязывают лишние хлопоты, но все прочие считали затеи Кэтрин нормой жизни: «Похоже, все сочли вполне естественным, что молодой человек, изнуренный тяжелыми раскопками, дождавшийся наконец отпуска и мечтавший приятно провести время, жертвует всем и везет совершенно чужую женщину, много старше его, бог знает куда осматривать древности. Казалось, и сам Макс счел это в порядке вещей. Но вид у него был весьма угрюмый, и я немного нервничала. Не зная, как оправдаться, начала мямлить, что не сама придумала эту поездку, но Макс невозмутимо ответил, что ему это ничего не стоит».

Экскурсия оказалась тяжелой, стояла невыносимая жара, ночевать приходилось иной раз в полицейских участках в голых камерах (конечно, не за провинности!). Из-за короткого освежающего купания в придорожном

озере они познакомились с каверзами пустыни — и с этого происшествия неожиданно и быстро началось их другое совместное путешествие... длиной в полвека.

«Наш автомобиль засосало в песок, и его никак не удавалось сдвинуть с места. Час проходил за часом. Невыносимая жара не спадала. Я легла в тени машины, если это можно назвать тенью, и уснула.

Позднее Макс говорил — уж не знаю, так ли было на самом деле, — будто именно тогда решил, что я могла бы стать для него идеальной женой. „Никакой суетливости, — вспоминал он. — Ты не жаловалась, не говорила, что это я виноват, не причитала — ох, и зачем только мы остановились! Казалось, тебе все равно, поедем мы дальше или нет. Именно тогда я начал восхищаться тобой“.

С тех пор как он мне это впервые сказал, я всегда старалась соответствовать его представлению обо мне. У меня есть способность принимать жизнь такой, какова она есть, не впадать в истерику, а также очень полезное умение засыпать в любой момент в любом месте».

Дальнейшая поездка по всему Ближнему Востоку в обществе Макса и супругов Вулли оказалась не столь приятной. Самоуважение Агаты вечно страдало от выходов бессознательно эгоистичной и капризной Кэтрин, которой невозмутимо потакали оба мужчины. И все-таки новизна впечатлений затмевала огорчения. Агата обладала изумительной способностью приспосабливаться к среде, в которой находилась. Возможно, то был признак бесхарактерности или все та же деликатность, с детства отравлявшая ей жизнь. Но деликатность иной раз приносит и пользу. В давнем круизе вокруг света она имела возможность восхищаться только пейзажами — и она полагала, что нет ничего прекраснее природы. Теперь ее окружали почти только достопримечательности древних городов — и она находила, что нет ничего интереснее базаров, мечетей и глиняных черепков.

Бейрут, Наджаф, Кербела, Багдад, Мосул, Алеппо — сейчас эти места, скорее всего, не очень притягательны для обычного туриста. В ту пору их названия звучали сладчайшей музыкой сказочных странствий. А между тем и тогда в Ираке и на Ближнем Востоке было неспокойно, и тогда стреляли, грабили, приходилось передвигаться под защитой солдат. Но ничто не

разрушало волшебного очарования. Постепенно путешественники добрались до Афин. И тут идиллия рухнула. В заранее заказанном отеле миссис Кристи поджидала пачка телеграмм от Мэдж: Розалинда подхватила тяжелую пневмонию, сестра забрала ее под свою ответственность из школы к себе в Эбни. Антибиотиков еще не существовало, болезнь считалась крайне опасной, а Англия была далеко, не менее четырех дней пути. Потрясенная мать первым делом оступилась и растянула ногу. Вулли с Максом отправились за билетом на Восточный экспресс, а вернулся Макс сразу с двумя билетами — для нее и для себя. Она изумилась: он ведь планировал поехать по всей Греции. «Я изменил свои планы, — ответил он. — Пожалуй, мне лучше вернуться домой, поэтому я могу ехать вместе с вами. Буду водить вас в вагон-ресторан или приносить еду в купе и делать все, что нужно».

Делать ему пришлось даже больше, чем нужно. Всю дорогу он отвлекал спутницу от бесполезного в тот момент беспокойства о дочери рассказами о себе и своей семье. Она не придавала этим рассказам значения, но слушала внимательно. В Милане они отошли от поезда «всего на пять минут»... и не обнаружили его на перроне. Стоянка была сокращена по причине опоздания. Багаж не жалко, найдется, но она не вправе была задерживаться еще на лишние сутки! Они вскочили в машину и помчались догонять поезд в Домодоссоле. Домодоссола — важный железнодорожный узел Италии и Швейцарии, но автомобильные дороги там не пользуются популярностью даже сейчас. То, что шофер сумел догнать поезд, относится к чуду езды по горным дорогам, хотя путешественница-англичанка этого до конца не осознала и сокрушалась позднее, что не успела из-за спешки поторговаться. На такси ушли все наличные деньги, и на перроне в Париже Максиму пришлось полностью опустошить кошелек своей матери, особы весьма элегантной и светской. Встретив сына в обществе дамы старше его, чьи нужды требовали таких расходов, она не составила о ней благоприятного суждения, но, впрочем, судьба отпрыска мало ее интересовала.

Розалинда опять перенесла тяжелое испытание рядом с любимой тетей Москитик. Выглядела она полуживой, но Мэдж утешила сестру: неделю назад вид был гораздо хуже! К приезду матери девочка почти поправилась и всего через неделю они обе уехали в Эшфилд. Осенью их навестил Макс,

с которым до того Агата встретила разок у себя в конюшенном домике. В Эшфилде она оставила его ночевать и тем же вечером, заглянув в ее спальню, он в своей сдержанной манере сделал ей предложение... Она никак не ожидала, что их дружеские отношения во время недавнего путешествия вдруг получают такое завершение. Он ничем не походил на Арчи. Он был существенно ниже его ростом, некрасив, зато умел говорить комплименты и, как вскоре выяснилось, писал прекрасные любовные письма. Он, возможно, не обладал обширным опытом, но инстинктивно понимал, что пресловутое английское «Ты сама знаешь, что я хочу тебе сказать» далеко не все, что желает женщина услышать от мужчины. И хотя первым ее побуждением было наотрез отказаться (она только почувствовала вкус свободы, он намного моложе и пр.), снова, как некогда в молодости, она уступила — не аргументам, а мягкому напору. Одиннадцатилетняя Розалинда, чье мнение матери было важно, не возражала:

«— Ну что ж, я ожидала, что когда-нибудь это случится, — ответила Розалинда с видом человека, который привык всегда учитывать любые возможности. — Считаю это вполне естественным.

— Да, наверное...

Я упомянула Макса.

— По-моему, это лучше всего, — откликнулась Розалинда. — Нет, правда, будет очень хорошо, если ты выйдешь за него. — И прибавила: — Мы могли бы завести свою лодку. Он, кажется, неплохо играет в теннис? Мы будем с ним играть».

Зато восстал хор друзей и родных во главе с Мэдж: разница в возрасте! Ее сын Джек помнил Макса по Оксфорду, но поскольку тот не входил в его веселую студенческую компанию, естественно, Джек был о нем низкого мнения, почитая унылым сухарем или карьеристом. Других причин найти было нельзя. Происхождение, образование и будущность Макса в избранной сфере признавались вполне приличными. Его отец был вполне обеспеченным человеком, правда, из австрийских сельских низов, но и сестры Миллер не могли претендовать на знатность, коль скоро их дед Натаниэл Миллер вышел из массачусетской бедноты, а бабушки воспитывались на ферме. Респектабельность придал их семье отец, расплатившийся за нее потерей всего состояния! Мать Макса была француженкой, художницей, но без всякой богемности Монмартра. В

Маллоуэне смешалась кровь половины европейских наций, но по внешности и речи он был совершенным англичанином, а позднее в глазах иностранных интервьюеров Агаты Кристи выглядел эталоном британца в твидовом костюме и с неизменной трубкой в зубах.

По-видимому, никто, кроме резко предубежденного Джека, не подозревал его в женитьбе по расчету. А разница в возрасте беспокоила Агату, ее сестру и близких лишь в одном отношении — боязнью навлечь на нее насмешки окружающих. Но чем больше боролась Мэдж против опрометчивого выбора сестры, тем решительнее боролась сестра за свой выбор. В этой борьбе она незаметно и себя убедила в его правильности: «Да, он намного моложе меня, но у нас так много общего. Он тоже не любит веселых вечеринок и танцев — с другим молодым человеком мне было бы трудно держаться на равных, но не с Максом. А по музеям я могу ходить не хуже любого другого, может быть, даже с большим пониманием и интересом, чем молодая женщина. Смогла же я обойти все церкви в Алеппо и даже получить от этого удовольствие». Действительно, что может быть тяжелее такого испытания!

А что двигало им? Делая предложение недавней знакомой на 15 лет его старше, руководствовался ли он естественными побуждениями или думал о перспективах своей научной работы, для которой полезным подспорьем станут гонорары известной писательницы? Она никогда не сомневалась в искренности его чувств, никогда персонажи ее романов, гонящиеся за деньгами, ни в малейшей степени не напоминали Макса. И никогда она не делилась размышлениями о их жизни даже с Мэри Уэстмакотт. Очевидно, ее все устраивало, а как именно складывались их отношения — никого, кроме них, не касалось.

Они прожили вместе 46 лет, до ее смерти, — но овдовев, он очень быстро женился на давней знакомой, ровеснице и тоже археологе, Барбаре Паркер. Публика была шокирована, немедленно возникли предположения, что та всегда была его настоящей любовью, а женился он по расчету, пусть и во имя высоких материй (нечто похожее мир видел недавно во втором браке принца Уэльского). Но может быть, очень немолодой и серьезно больной человек, как большинство ученых беспомощный в обыденной жизни, просто нашел среди окружавших женщин ту, которая согласилась обеспечить ему привычный покой до конца его уже сочтенных дней? Следует иметь в виду, что археологи — люди, страстно увлеченные своей профессией (потому что никто, кроме страстно увлеченных людей, ее не выберет). В своей тяжелой, кропотливой и редко заметной работе они поддерживают себя искренней уверенностью, что являются заместниками

Вечности на земле. Если что и связывало Макса и Барбару на протяжении десятилетий, так это взаимная любовь к археологии — все прочее меркло перед лицом Вечности. Если же муж и вправду иногда изменял жене, то, во-первых, это надо доказать, во-вторых, никто этого не знал, а в-третьих, так ли уж интересен муж, заведомо на это неспособный?

В сентябре 1930 года если кто и сокрушался о будущем и всеми силами старался расстроить предполагаемый брак, то это Мэдж. Она плакала, отговаривала Макса, раз уж сестра ее не слушала. Хуже всего казалось то, что Макс учился не просто в одном колледже Оксфорда, а прямо на одном курсе с Джеком! Тут уж и Агата была шокирована. Муж — ровесник племянника?! нельзя выставлять себя на посмешище приятелей Джека.

«— Это страшный риск.

— Для меня — нет. Можешь считать, что рискуешь ты. Но разве нельзя рискнуть? Если не рисковать, ничего и не получишь.

С этим нельзя было не согласиться. Я никогда не действовала, исходя только из соображений здравого смысла. Его слова успокоили меня: что ж, пусть я рискую, но рискнуть стоит, чтобы обрести человека, который сделает меня счастливой. Мне будет жаль, если ошибется он, но, в конце концов, это его решение и он принял его сознательно».

Снова она предоставила решение своей судьбы другому. А сама уступила. В сентябре они почти тайно поженились в Эдинбурге, ускользнув от всех репортеров, в присутствии только Розалинды и Карло с ее сестрой. Мэдж так и не смирилась с происходившим.

На самом деле, риска в браке не было. Стороны, безусловно, вступали в него без мысли о возможном разводе. Второй развод известной писательницы стал бы не сенсацией, а свидетельством дурного нрава и быстрее всего восстановил бы репутацию Арчи Кристи («ухитрился с нею двенадцать лет прожить!»). Маллоуэн же в тот год стал сотрудником Британского музея, учреждения крайне консервативного. В детективном романе Д. Фрома (псевдоним малоизвестной сверстницы Агаты Кристи англичанки З. Браун) инспектор Скотленд-Ярда как раз в 1932 году во имя

спасения жизни предполагаемой жертвы серийного убийцы просит свое начальство открыть библиотеку Британского музея, где ему надо посмотреть старый журнал, посреди ночи (когда его осенила эта мысль) — и встречает дружный хохот. Что значит чья-то жизнь в сравнении с расписанием работы самого Британского музея?! Библиотека открывается утром ни минутой раньше установленного часа, а инспектор остается в анналах Скотленд-Ярда шутником, «который хотел открыть Британский музей ночью». Понятно, что положение разведенного лица в заведении с такой репутацией было бы ничуть не лучше, чем в Сити. И конечно, Макс не мог мечтать о преждевременной кончине жены даже при самых неблагоприятных для него предположениях о причине брака, — ведь она приносила ему в приданое не состояние, а талант и надежды на будущие гонорары!

По правде говоря, едва ли следует говорить всерьез о браке по расчету. Да, свадебное путешествие было придумано женихом, а оплачено новобрачной. Но устами богатой жены из «Смерти на Ниле» она осуждает стремление молодого мужа оплатить медовый месяц из своих скудных средств, отправившись в убогие условия затхлого угла. И в дальнейшем она, не уподобляясь собственным богатым и вредным героиням, сделала свои доходы общим достоянием, охотно тратя их на оплату работы и прихотей мужа. Такое положение кажется странным даже сейчас, тем более в то время. Но что ей было делать?.. перестать творить и сесть на шею мужа-ученого?.. выйти замуж за биржевого короля, чьи доходы сопоставимы с доходами Королевы детектива? были бы читатели ей благодарны за такие решения? Если жена талантливо занимается делом, которое превосходно оплачивается, а муж имеет достойную и нелегкую, но хуже оплачиваемую профессию, — это не может его позорить и становиться проблемой в семейной жизни обоих.

Супруги Маллоуэн во многом подходили друг другу, что выяснилось уже в свадебном путешествии по Балканам и Греции. Оба были неприхотливы в том, что касается жилья и питания, оба готовы восхищаться красотами природы и древностями городов, оба обладали завышенным оптимизмом: она — по поводу погоды, он — по поводу предполагаемого расстояния до следующего ночлега. После мучительнейшего четырнадцатичасового перехода на мулах по горным дорогам Пелопоннеса она выла от боли и едва не пожалела, что вышла за него замуж! Но потом милостиво простила его в надежде на то, что он сумеет исправиться. Серьезно они расходились только в степени увлеченности античностью.

«Эпидавр показался мне особенно красивым, хоть именно там я впервые столкнулась с тем, что называют „археологическим сдвигом“. День выдался божественный, и я, вскарабкавшись на самый верх амфитеатра, сидела там, пока Макс изучал надписи в музее. Прошло очень много времени, он все не приходил. Наконец терпение мое лопнуло, я спустилась вниз и вошла в музей. Макс по-прежнему, распластавшись, лежал на полу, в полном восторге рассматривая там какую-то надпись.

— Ты все еще не прочел это? — удивилась я.

— Нет, довольно необычная надпись, — ответил он. — Хочешь, я объясню тебе?

— Пожалуй, не стоит, — твердо сказала я. — На улице так хорошо — просто чудесно.

— Да, конечно, — рассеянно согласился он.

— Не возражаешь, если я пойду туда снова? — спросила я.

— Нет, — ответил он, немного удивившись, — конечно нет. Просто я подумал, что тебе эта надпись тоже будет интересна.

— Боюсь, не настолько, — сказала я и снова заняла свое место в верхнем ряду амфитеатра».

И все же в написанном до знакомства с Максом «Незнакомце в коричневом» отец героини, тоже археолог, неприятен в своей отрешенности от реальности, и дочь не жалеет о его смерти. В романах же 1930 годов археологи обаятельны в своей увлеченности наукой, они — лучшие кандидаты в мужья милым девушкам (например, в «Смерти в облаках»), В Афинах супруги расстались при обстоятельствах, возмущавших француза-археолога из упомянутого романа. Агата Маллоуэн подхватила тяжелейшую желудочную болезнь, а Максу следовало уже в середине октября отправляться в Ур, чтобы согласно предварительной договоренности заранее построить новую ванную и столовую для Кэтрин Вулли. Он ясно сознавал, что Вулли не поймут опоздания и припишут его расслабленности медового месяца. К ужасу врача-грека, муж отбыл при полном одобрении жены «выполнять свой долг», а полумертвая жена кое-как уехала на Восточном экспрессе. И месяц выздоравливала в Эшфилде. Свое раздражение ситуацией, в которую его поставили, Макс выместил на Кэтрин, оборудовав ванную «настолько тесную, насколько было возможно, а украшений в ней и в столовой сделал ровно столько, сколько считал достаточным». В итоге по требованию Кэтрин ванную пришлось сломать и строить новую, отвлекая силы от раскопок, к крайнему неудовольствию

Леонарда Вулли.

Макса утешало то, что этот его сезон у Вулли был последним, на будущий год он переходил в Ниневию под руководство доктора Кэмпбелл-Томпсона (Си-Ти, как его прозвали для краткости), а там — как знать? — организует и собственную экспедицию.

В марте 1931 года, к окончанию сезона раскопок, миссис Маллоуэн прибыла в Ур, чтобы снова попутешествовать с мужем по Востоку. На сей раз тот решил ехать в Англию необычным путем — через Персию и Россию! Создательница стольких шпионских романов, кажется, осталась в искренней уверенности, что выбор маршрута объяснялся всего лишь любопытством ее супруга. Однако в архивах НКВД, хранящихся сейчас в Азербайджане, можно, вероятно, найти какие-то материалы, относящиеся к этой поездке подозрительных иностранцев от Баку до Батуми, а отчет об этой поездке не следует ли поискать где-то в МИ-6?

Из Багдада в Шираз они перелетели через Тегеран на самолетах недавно созданной немецкой авиалинии. То был первый полет Агаты после памятного пятиминутного кружения на аэроплане в 1911 году. И, увы, никакой романтики самолеты для нее не сохранили — возможно, то было влияние трезвого Арчи. Теперь они стали частью обыденной жизни. Садись в пункте А и выходишь в пункте Б... или не выходишь, но даже жертвы авиакатастроф сделались обыденностью (не для самих жертв и их родных, конечно!). Затем через пустыню с ужасными ночлегами Маллоуэны добрались до Исфахана. Вероятно, он малоизвестен в широких кругах, однако Агата Кристи «всегда считала Исфахан самым красивым городом в мире. Нигде больше нет таких великолепных цветов — розового, голубого и золотого, — в какие окрашены растения, птицы, арабески, прелестные сказочные дома и чудесные яркие изразцы. Поистине волшебный город!». И не разочаровалась в нем, побывав там через 20 лет.

Смешно читать в «Автобиографии», как иранский чиновник и по совместительству банкир настоятельно советовал путешественникам запастись решительно всем для поездки в эту страшную соседнюю страну: «Вам придется везти с собой не только деньги, но и еду, я не знаю, можно ли в России где-нибудь поесть». И русские пароходы переполнены клопами и прочей мерзостью, и поезда никуда не годятся. Маллоуэны послушно накупили икры, бывшей почти единственным элементом меню персидских

отелей, жареных уток и даже хлеба, разменяли свои фунты на кучу персидских туманов (едва ли нужных в СССР) и, проехав по горам к Каспию на машине, увидели этот страшный русский пароход:

«Но взойдя на борт, обнаружили такое разительное отличие от Персии и Ирака, какое трудно себе представить. Во-первых, на пароходе было безупречно чисто, как в больнице, как в настоящей больнице. В каютах стояли высокие железные кровати, на них лежали жесткие соломенные тюфяки, покрытые чистыми простынями из грубой хлопковой ткани; в каждой каюте были простой жестяной кувшин и таз. Члены корабельной команды напоминали роботов — все под два метра ростом, светловолосые, с безразличным выражением лиц. Они обращались с нами вежливо, но так, словно на самом деле нас там *не было*. С нами никто не разговаривал, никто на нас не смотрел и вообще не обращал ни малейшего внимания.

Однако наконец мы увидели, что в салоне накрывают столы, и с надеждой заглянули внутрь. Никто не сделал приглашающего жеста и даже, кажется, не заметил нас. Макс, собрав все свое мужество, спросил, можно ли нам поесть. Его вопроса явно не поняли. Он попробовал задать его по-французски, по-арабски и, как мог, по-персидски. Никакого впечатления. Тогда, отчаявшись, он раскрыл рот и решительно указал пальцем на горло — этого универсального жеста не понять было невозможно. Официант тут же пододвинул к столу два стула, мы сели, и нам принесли еду. Она была вполне приличной, хоть и весьма простой, и стояла неправдоподобно дешево».

В Баку их встречал представитель «Интуриста» — обаятельный, все знающий и бегло говорящий по-французски. Разумеется, Макс мысленно видел на нем погоны соответствующей организации, а его жена только удивилась, зачем тот предложил пойти в оперу на «Фауста»: «Не затем я ехала в Россию, чтобы слушать „Фауста“». Макс-то, надо думать, понимал, что опера предложена как самый безопасный вид развлечения иностранцев. День в Баку запомнился Агате Маллоуэн прежде всего безлюдностью улиц и длинными унылыми очередями к нескольким открытым магазинам. К иностранцам все были бесконечно предупредительны, даже уступили им место в очереди за билетами до Батуми (почему-то заранее не взятыми представителем «Интуриста»). В купе поезда они ехали со старухой,

учившей их заваривать чай в поезде (за кипятком тогда приходилось бегать на станциях к паровозному котлу, хотя в новых советских составах уже начинали появляться наши ноу-хау — такие полезные бойлеры в вагонах). Вторым попутчиком был юноша, «который говорил по-немецки» (ненавязчивый сопровождающий?).

Если верить воспоминаниям Агаты Кристи, что-то случилось в Батуми. Их не встретили, найти место в гостинице оказалось невероятно трудно и удалось буквально силой (они просто отказались уйти из восьмой по счету гостиницы, и персоналу пришлось их поместить на ночь на чердаке), потом они долго искали пристань и, наконец, с помощью старика, говорившего по-французски, еле разыскали свой посланный грузовым поездом багаж на таможне и сели на французский корабль до Марселя. Возможно, все так и происходило. А возможно, Маллоуэн сумел «оторваться» от слежки и изучить за сутки то, что собственно и могло быть целью его миссии, — степень обороноспособности стратегического Батуми.

Первый год брака ушел на свадебное путешествие и болезнь, каникулы с Розалиндой и обустройство семейной жизни в Англии, поездку по Ирану и России. Миссис Маллоуэн легко вошла в роль жены археолога, вызвав полное одобрение старейшины среди археологических жен миссис Кэмпбелл-Томпсон. Она так стремилась приносить пользу на раскопках, что даже стала брать уроки в средней школе Торки (!), выросшей вплотную к Эшфилду, закрывшей вид и раздражавшей шумом, где, однако, ее наконец научили тому, что на свете есть прямой угол и линейка! Она проводила осенне-зимний сезон в Ираке, предоставляя Мэдж забирать Розалинду в Эбни на рождественские каникулы. На раскопках она кормила мужчин, фотографировала находки, отчищала глиняные черепки, жертвуя во имя науки даже собственным кремом для лица. Только археолог не оценит эту жертву сорокалетней жены молодого мужа! Зато позднее журналисты, кажется, сами вложили в ее уста очень изящный ответ на всякие недостойные провокации насчет разницы в возрасте: «Мой муж археолог, для него женщина чем старше, тем интереснее». И в промежутках еще ухитрялась писать романы. Си-Ти возмутился, когда она купила себе прочный стол для пишущей машинки, сочтя это напрасным расходом, но она не могла сидеть за ящиком из-под апельсинов — под ним некуда было

деть ноги. Она *должна* была работать, а оборудованием рабочего места пренебрегать нельзя.

Результат ее работы для мира археологии сказался быстро: в 1932 году, по окончании сезона у Си-Ти, Макс на свои деньги^[9] начал раскапывать маленький курган недалеко от древней Ниневии, в деревушке Арпачии. Его с ходу ждала невероятная удача: он откопал сгоревшую гончарную мастерскую, которая именно благодаря огню сохранилась в неприкосновенности (черепки не горят, а пепел укрыл их от песка и ветра). После окончания такого затяжного и успешного сезона они на радостях устроили скачки для местных жителей и рабочих на призы. Тот великий день в окрестностях Арпачии не забыли и спустя многие-многие годы! столько радости и новизны ощущений доставили их участникам соревнования без различия возрастов и состояний.

По возвращении в Англию Макс тотчас выпустил книгу о результатах раскопок (также за *свой* счет?), его находки выставили в Британском музее, его окружил ореол славы, но только в узких профессиональных кругах. Как археолог он был, безусловно, выше среднего уровня, но до Вулли отнюдь недотягивал. Он мечтал прославиться раскопками знаменитого в древности Нимруда и теперь располагал деньгами для настоящей экспедиции, но... на следующий сезон Ирак оказался закрыт для всех археологов: ситуация там качнулась в пользу Германии, где к власти пришла новая, непонятная пока партия. Один ее сторонник, директор Багдадского музея древностей, попался Маллоуэнам в Багдаде. Человек любезный и милый, ученый и пианист, он в разговоре вдруг взорвался:

«— Возможно, у вас евреи не такие, как у нас. Они опасны. Их следует истребить! Ничто другое не поможет!

Я уставилась на него, не веря своим ушам. Но он имел в виду именно то, что сказал. Там, в гостиной доктора Гордана, играющего на пианино, я увидела первого в своей жизни нациста — позднее я узнала, что жена его была еще более оголтелой нацисткой. Они выполняли в Багдаде определенную миссию — не только по части древностей и не только на благо своей страны, они еще и шпионили за собственным германским послом. Есть вещи, которые — когда в конце концов убеждаешься в них — повергают в отчаяние».

Не имел ли еврейских корней дедушка Агаты, финансист Натаниэль Миллер? если и нет, все-таки нелепостью кажутся позднейшие обвинения

Агаты Кристи в антисемитизме. Из-за политических перемен археологи переместились в Сирию, где Макс и копал до 1938 года без исключительных успехов, но вполне удачно с научной точки зрения.

Обычно археологический сезон длился три-четыре месяца. Остальное время Макс разбирал и обрабатывал находки, его жена занималась творчеством. Доходы от новых романов Агаты Кристи, выходявших в Англии, меркли перед доходами от публикаций в Америке. Из-за океана текли такие большие деньги, что, при всей ее любви к математике и знании бухгалтерии, заполнение все более запутанных налоговых деклараций стало делом заведомо невыполнимым. Зато на эти гонорары она получила возможность предаться любимой с детства игре — в дома. В Лондоне у нее их стало чуть не шесть или семь, и они с Максом жили то в одном, то в другом, пытаясь понять, где приятнее. Любимым стал особняк на Шеффилд-террас с комнатами почти такими же высокими и просторными, как в Эшфилде — впервые она почувствовала себя уютно даже в Лондоне. Эшфилд находился слишком далеко, чтобы ездить туда на выходные, и они купили по случайно низкой цене настоящую виллу в стиле королевы Анны на берегу Темзы, в изысканном Уоллингфорде. Лужайка под огромным ливанским кедром, где так приятно пить чай летним вечером, сад у самых окон и роскошный вид на луга, спускавшиеся к реке, — идиллия в стиле Генри Джеймса. Этот дом стал «домом Макса» (Макс — не Арчи, его не беспокоило, что жена зарабатывает больше, а та с удовольствием тратила деньги на него, как на себя).

На Шеффилд-террас выделили небольшую комнату и для Розалинды. Дочь незаметно подрастала. Закончила школу первой ученицей, пожила в пансионе в швейцарском Гштадте, где ей ужасно не понравилось (до чудесных ли пейзажей юной девице, если ее заставляют ходить парами «в ее-то возрасте», лишают танцев и даже катания на лыжах?). Ее образование, как у матери и тети Москитик, завершилось в Париже. Единственную в семье, ее ждал лондонский светский сезон в беспечную межвоенную эпоху, почти сравнимую с *belle époque* времен Мэдж и Агаты. Дебют был феерическим. В ту пору выход в высший свет все еще сопровождался представлением ко двору. В свое время сестры Миллер не могли рассчитывать на такую честь, но своей дочери Агата Кристи обеспечила иной общественный статус. Ей — но не себе. Разведенной

женщине, даже если ее вины в разводе не было, путь в Букингемский дворец был закрыт. Мисс Кристи была представлена Их Величествам одной из подруг ее матери.

Красота и твердый характер Розалинды выделили ее в толпе сверстниц, однако не стоит забывать, что немалые уже капиталы матери делали ее желанной невестой. «Ее ждал безоговорочный успех, ее называли одной из самых привлекательных дебютанток года, и она развлекалась вовсю. Я лично думаю, что это пошло ей на пользу — придало уверенности в себе и позволило приобрести светские манеры, а также навсегда излечило от безумного желания без конца участвовать в шумных забавах. Она сказала, что подобный опыт не был лишним, но больше совершать все эти глупости она не намерена». Правда, и работать она не намеревалась. Ее попытку устроиться фотомodelью и сниматься в купальниках мать пресекла, но, вероятно, девушка высказала эту идею просто ради удовольствия подразнить «отсталую родительницу». Увидев ожидаемую реакцию, она спокойно отступилась от своего намерения, а поскольку иных идей у нее не появилось, вела размеренную светскую жизнь богатой дочки. Однажды она даже приехала в Сирию на раскопки и сделала несколько рисунков находок, позднее вошедших в книгу Макса. Этим ее деятельность исчерпалась, в остальное время она разъезжала верхом, притягивая всех местных молодых людей (из англичан, конечно). Шелла из «Убийства в Месопотамии» напоминает Розалинду и внешностью, и независимым, бесцеремонным нравом.

Успешная научная карьера Макса, успешная светская карьера Розалинды счастливо сочетались с успешной писательской карьерой Агаты Кристи. Она выпускала роман за романом, сборник за сборником и даже писала пьесы. Что она была до 1930 года? автор многих заслуживающих внимание детективов хорошего, но не более того, уровня, и одной удачи — «Роджера Экройда» — однако все-таки сенсационной именно из-за нарушения незыблемого «правила игры», а потому не вполне «честной». Уже давно родились Пуаро и инспектор Баттл, Томми и Таппенс, а недавно и мисс Марпл, но все они еще далеко не стали теми, кого позднее узнал и полюбил весь мир. В 1931 году, когда семейная жизнь миссис Маллоуэн только налаживалась, вышла довольно банальная «Загадка Ситтафорда», но затем... Год за годом стали появляться бессмертные шедевры: «Загадка Эндхауза» (1932), «Убийство в Восточном экспрессе» (1934), «Драма в трех актах», «Почему не Эванс?», «Смерть в облаках» (все — 1935!), «Убийство по алфавиту», «Карты на стол» (оба — 1936), «Смерть на Ниле» (1937), «Десять негрятят», «Убить легко» (оба — 1939). В промежутках вышли

несколько менее известных романов и сборники рассказов, среди которых и «Свидетель обвинения». Откуда такой взлет таланта и трудоспособности?

Заманчиво поблагодарить за них Макса Маллоуэна. Спокойная и вполне удовлетворительная замужняя жизнь, гарантированный источник доходов, отсутствие забот о выросшей дочери, несомненно, придали Агате Кристи уверенности в себе и своем профессионализме. Макс всеми силами поддерживал ее работу. Он даже начал читать ее книги! до тех пор детективный жанр и вообще художественная литература как таковая казались ему самой ненужной вещью на свете. Своего мнения он не изменил, но сочинения жены — дело иное. В конце концов их чтение ему почти понравилось, во всяком случае, он находил их полезными для себя. В моменты, когда новый замысел уже почти созрел в ее голове и требовалось сделать последний шаг — сесть за машинку, — она надоедала домашним особым ритуалом: жалобами на то, что ничего не получится. Сперва муж искренне беспокоился и подбадривал, позднее выполнял свою роль в ритуале почти механически. Но выполнял. И лелеял писательское самолюбие жены, ибо ее слава его не уязвляла. Эта слава ровно ничего не значила в его кругах — что такое детектив перед лицом Вечности?!

И не Макс ответствен за гениальные творения Агаты Кристи предвоенных лет, а все тот же злосчастный Арчи Кристи. Это был его последний дар оставленной жене. Ведь что бы ни произошло с нею в том ужасном 1926 году, преодоление последствий тяжелейшей душевной травмы, начало независимой жизни, переход на рельсы профессиональной работы, самостоятельная забота о дочери потребовали мобилизации всех защитных сил организма. И из глубин психики, которых она в себе прежде не подозревала, эти силы встали. И она все преодолела. И ощутила себя иной. Она готова была бороться и побеждать. Но бороться больше не требовалось, рядом вдруг сам собой появился мужчина, за которым она ощутила себя как за каменной стеной во всем, кроме разве финансовой сферы. Однако и эта сфера сама собой устроилась, гонорары шли неуклонно, издатели упрашивали продолжать писать, бедность ей и ее дочери больше никогда не грозила. Но восставшие мощные жизненные импульсы не вогнать назад — и они перетекли в творчество. Тяжелый быт, дурное окружение могли направить их в иное русло, она могла их и просто растратировать. Но, по счастью, этого не случилось. И она стала тем, что все знают под именем-маркой — «Агата Кристи».

Глава седьмая

ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО

(Романы и рассказы Агаты Кристи)

1

Агата Кристи относилась к собственному детективному творчеству с пренебрежением, которое обидело бы всякого ее преданного поклонника, будь оно выказано кем-то иным. Свое пренебрежение она многократно выражала и прямо в детективных романах, и в автобиографии, и в интервью, и даже устами Мэри Уэстмакотт. В романе ее задушевной подруги «Неоконченный портрет» издатель объясняет героине, как из ее слабых сторон сделать сильные: «Необычайным даром природа вас не наградила. Шедевр вам никогда не написать. Но в том, что вы прирожденная рассказчица, нет никаких сомнений. Спиритизм, медиумы, борцы за возрождение Уэльса — все это вы видите в эдаком романтическом тумане. Вполне возможно, что вы заблуждаетесь, но видите вы это все так же, как девяносто девять читателей из ста, которым о них тоже ничего неизвестно».

Словом, банальность ума автора — залог успеха у читателей, обладающих столь же банальным умом. В «Автобиографии» Агата Кристи смиренно признает:

«Если бы я умела писать, как Элизабет Боуэн, Мюриэл Спарк или Грэм Грин, я прыгала бы до небес от счастья, но я знаю, что не могу, и мне в голову не придет подражать им. Я понимаю, что я — это я, что я могу делать то, что я умею, а не то, что мне хотелось бы». Вероятно, упомянутые серьезные писатели, кроме Грэма Грина, известны не столь широко и читаются значительно реже, чем Агата Кристи. Да и «Автобиографию» последней читали далеко не все ее поклонники. Желая сделать свое пренебрежение к себе широко известным, Королева детектива создала очаровательную самопародию — знаменитую детективную писательницу миссис Ариадну Оливер. Та обожает обои необыкновенных раскрасок,

поедает яблоки в невероятных количествах, не выносит публичных мероприятий и алкоголя, изъясняется косноязычно, но известна любому, — все это очень похоже на слегка шаржированный автопортрет.

Миссис Оливер терпеть не может своего гениального сыщика-финна, но расстаться с ним не в силах: «Конечно, он идиот, но читателям нравится». В «Картах на стол» она раздражается целым монологом о своем ремесле (иначе не скажешь): «Вообще-то говоря, я ничуть не забочусь о точности деталей. Не вижу большой беды, если немного напутала в титулах полицейских, назвала автоматическое ружье револьвером, вместо „фонограф“ написала „диктограф“ и описала яд, от которого герои книги умирают, произнеся одну лишь предсмертную фразу. Уж что, на мой взгляд, действительно важно, так это количество жертв! Если действие становится скучноватым, то еще немножко крови наверняка внесет оживление. Если кто-то что-то хочет рассказать, его убивают первым. Нечто подобное встречается во всех моих книгах, конечно, приправленное каждый раз чем-нибудь новеньким». Позже в том же романе она жалуется на тяготы писательского ремесла: «Я в любой момент могу придумать самые невероятные вещи. Вот только записывать все это так утомительно! Здесь, знаете ли, нужно сначала все обдумать. А думать всегда противно. Потом надо составить план и время от времени в него заглядывать, а то получится такая путаница, что из нее никогда и не выберешься! Писать романы не такая уж приятная вещь. Это тяжелая работа, как и любая работа. Я могу ее делать, только повторяя и повторяя самой себе сумму денег, которую получу, выпустив роман».

Эти монологи прекрасно перекликаются со словами самой Агаты Кристи из «Автобиографии»: «Идеи возникают у меня в голове в самые неподходящие моменты: когда иду по улице или с пристальным интересом рассматриваю витрину шляпного магазина. Вдруг меня осеняет, и я начинаю соображать: „Как бы замаскировать преступление таким образом, чтобы никто не догадался о мотивах?“ Конечно, конкретные детали предстоит еще обдумать, и персонажи проникают в мое сознание постепенно, но свою замечательную идею я тут же коротко записываю в тетрадку.

Пока все чудесно — но потом я непременно теряю тетрадку».

Эта неприкрытая самоирония подчеркивается тем, что ни разу воспоминания о творческом порыве, приведшем к созданию шедевра, не связаны у нее с романами или рассказами детективного жанра, а только с творениями Мэри Уэстмакотт или с пьесами: «Писание книг — моя постоянная, надежная профессия. Я могла придумывать и кропать свои книжки, пока не спячу, и никогда не испытывала страха, что не смогу придумать еще один детективный сюжет. Я знала, что всегда буду писать свою одну книгу в год — в этом я была уверена; драматургия же навсегда останется моим увлечением, и результат будет неизменно непредсказуем».

2

Выходит, романы — ремесленные поделки для банально мыслящей публики? Полно, так ли все просто? Ведь некогда и Вальтер Скотт ставил собственное творчество очень низко по сравнению с трудами серьезных историков его времени. Но давно уже стало ясно, что в глазах читателей его романы составили эпоху, а по вкладу в историческую науку они эту эпоху опередили на сотню лет. А между тем он был искренен. И Конан Дойл искренне презирал своего Шерлока Холмса. И может статься, искреннее была и Агата Кристи. И даже наверняка искреннее.

Среди особенностей ее творческой манеры было многолетнее обдумывание замысла книги. Она не раз признавала, что сюжеты или образы вертятся в ее голове годами, прежде чем вылиться на бумагу. Только в начале ее писательской карьеры между толчком к замыслу и его реализацией почти не проходило времени (впечатления от кругосветного путешествия описаны уже в романе 1924 года; действие романов «Тайный враг» и «Тайна замка Чимниз» происходит в эпоху их создания). Позднее зазор бывал громаден. Так, аптекарь, встреченный в 1915 году, стал героем книги в 1961-м («Вилла „Белый конь“»); школа, куда ее дочь поступила в 1927 году, стала местом действия романа в 1959-м («Кошка на голубятне»). Первые впечатления от раскопок и супругов Вулли 1928 года отразились в романе 1936-го. Конечно, ничего странного в этом нет. Напротив, такое долгое обдумывание одновременно нескольких сюжетов приносило двойную выгоду. Она не тратила времени на бесплодное сидение над чистым листом бумаги, принимаясь за сочинение только тогда, когда весь

замысел, герои и картины целиком созреют в ее голове, а уж слова сами найдутся. Кроме того, десятилетиями вызревавшие идеи не имели отпечатка ремесленной спешки, и при редкой продуктивности — два и более романов в год — она не создала ничего, что можно причислить к «ширпотребу», как нередко случалось с ее, преимущественно заокеанскими, собратьями-детективистами.

Играла роль и безудержность ее творческой фантазии, которая так забавно фонтанирует у ее миссис Оливер, в мгновение ока выдающей полдюжины взаимоисключающих объяснений одного события. Агата Кристи с удовлетворением заявляла, что не ощущает недостатка в идеях, их обычно даже слишком много, и неудивительно, что некоторым приходилось дожидаться своей очереди десятилетиями. Удивительно другое. Уже закончив книгу, она способна была отложить ее публикацию на четверть века и более! Ничем, кроме полнейшего равнодушия ко мнению читателей и критиков, этого не объяснить. На заре творческой жизни она, конечно, интересовалась их реакцией. Уверившись же в собственных силах, она обращала внимание на прием у публики либо только пьес (вот они ее очень беспокоили!), либо редких необычайных своих замыслов (как «Десять негритят»^[10]). Все прочее казалось заранее предсказуемым: одобряют, раскупают.

Как правило, писатель творит, надеясь вызвать определенную реакцию читателей — естественно, из числа своих современников. Предвидеть эффект от своей книги, готовить его... и сознательно отказаться от удовольствия насладиться им — удел немногих авторов. Обычно авторское тщеславие, побуждающее человека публиковаться, этому препятствует. Агата Кристи же подготовила сразу две книги для посмертной публикации: «Занавес» как последнее дело Пуаро и «Спящее убийство» как последний выход мисс Марпл. И если «Занавес» не мог быть опубликован до самого последнего момента по сюжетным основаниям, то роман с мисс Марпл не ставит точку в ее биографии, его можно было напечатать в любое время, но писательница этого не сделала. А между тем он был написан за 35(!) лет до выхода в свет.

«В первый год войны я написала две книги сверх нормы — сделала это, опасаясь, что меня убьют во время налета. Поскольку работала я в Лондоне, вероятность такого исхода была велика. Одну, первую, я написала для Розалинды, в ней действовал Эркюль Пуаро; другую, с мисс Марпл — для Макса. Написав, я положила их в банковский сейф и официально

оформила дарственную на авторские права Розалинде и Максу. Полагаю, рукописи были надежно застрахованы от любых неприятностей.

— Когда вы вернетесь с похорон или с заупокойной службы, — объяснила я, — вас будет греть сознание, что у каждого из вас есть по моей книге.

Они ответили, что предпочитают книгам меня самое, на что я заметила: „Надеюсь, что так“. И мы все посмеялись».

Здесь не сказано, о каких книгах идет речь, но одна из них, несомненно, «Спящее убийство». Все атрибуты времени и даты по возможности убраны из текста, но действие происходит до 1952 года, так как упомянуты король и принцесса Елизавета, еще не взошедшая на трон, при этом вся атмосфера явно довоенная. После войны молодая чета, не принадлежавшая к голливудским звездам или мультимиллионерам, не могла бы купить за наличные виллу над морем в курортном местечке — жизнь бесповоротно изменилась. Считается, что второй книгой был «Занавес». Если это доказано (например той дарственной), то придется признать, что позднее роман был кардинально переделан: прошедшая война в нем упоминается, ее последствия серьезно влияют на атмосферу действия, но в то же время Пуаро только что отдыхал в Египте, а среди персонажей есть служащие и военные, приехавшие из Индии, следовательно, действие происходит до 1950 года (когда началась революция в Египте, а Индия вышла из Империи). К более раннему времени его и нельзя отнести: все помнили, что Гастингс женился в 1923 году в романе «Убийство на поле для гольфа» и к 1940 году у него еще не могло быть четверых детей, из которых младшей дочери — существенно важному лицу в романе — уже 24 года. Агата Кристи неохотно старила своих постоянных персонажей, тем более не стала бы старить Гастингса преждевременно.

Когда бы «Занавес» ни был написан, она создавала его с наслаждением, желая наконец обойтись с осточертевшим Пуаро так, как давно мечтала. Ее раздражение против собственного детища выразилось не столько в том, что она заставила его сделать, и даже не в том, что довела до предела абсурда его маниакальную любовь к симметрии, а в том, что знаменитые усы Пуаро оказались... накладными! Но почему же она лишила себя радости испытать удовольствие от выхода романа в свет?! Всё от того же — от пренебрежения к своему творчеству и, как следствие, ко мнению о нем? К сожалению, идея заблаговременного написания книг для

посмертной публикации оказалась подорванной долгой жизнью писательницы: «Спящее убийство» при выходе в свет стало насмешкой над бытом семидесятых годов, а Пуаро получился человеком, много лет активно действовавшим после того, как, оказывается, уже умер!

Нет нужды оценивать детективное творчество Агаты Кристи — любой читатель без труда составит о нем собственное мнение. Но некоторые комментарии к нему небесполезны. Произведения, вышедшие за подписью «Агата Кристи», легко делятся на три неравные части. Первая и наименее известная состоит из пары романов и нескольких циклов рассказов, затрагивающих чисто психологические проблемы и внешне близких Мэри Уэстмакотт, но без элементов автобиографичности. Романы относятся к позднему периоду — «Испытание невиновностью» (1957) и «Вечная тьма» (1967). Последний вырос из раннего рассказа, но с измененным и небесспорным замыслом: исповедь психически ненормального человека с этической точки зрения несколько сомнительна. Конечно, читателям было бы полезно научиться заранее понимать, кто из внешне нормальных людей может оказаться способным на ненормальные поступки, но вывод автора в том и состоит, что определить это заранее невозможно, — а тогда какой смысл вникать в мышление сумасшедших? Что касается «Испытания невиновностью», оно отражает больной для писательницы вопрос, который уже в ее время начали ставить не так, как, по ее мнению, следовало бы:

«Только *невиновность* имеет значение, а не *вина*. Не стану много рассуждать об убийцах; просто я считаю, что для общества они — зло, они не несут ничего, кроме ненависти, и только она — их орудие. Хочу верить, что так уж они созданы, от рождения лишены чего-то, наверное, их следует пожалеть, но все равно щадить их нельзя, как — увы! — нельзя было в Средние века щадить человека, спасшегося из охваченной эпидемией чумы деревни, ибо он представлял собой угрозу для невинных и здоровых детей в соседних селениях. *Невиновный* должен быть защищен; он должен иметь возможность жить в мире и согласии с окружающими.

Меня пугает то, что никому, кажется, нет дела до невинных. Читая об убийстве, никто не ужасается судьбе той

худенькой старушки в маленькой табачной лавке, которая, повернувшись, чтобы снять с полки пачку сигарет для молодого убийцы, подверглась нападению и была забита им до смерти. Никто не думает о ее страхе, ее боли и ее спасительном забытьи. Никто не чувствует смертельной муки *жертвы* — все жалеют убийцу: ведь он так молод».

В большинстве своих романов Агата Кристи с легкостью убивала людей достойных и полных жизненных сил (например в «Лощине»), а страдания жертв никогда не живописала. Тем важнее для нее было хоть иногда повернуть ракурс в другую сторону и поговорить о наболевшем, — но в художественном плане, увы, получалось у нее малоинтересно.

Рассказы психологического жанра в основном ранние. Есть среди них модные тогда спиритические, есть полумистические («Кукла в примерочной»), есть даже о переселении душ или чем-то подобном — тут, бесспорно, сказалось влияние живого классика ее молодости сэра Артура Конан Дойла, тем более что сюжеты частично придумывались ею еще в юности, отвергались издателями и позднее публиковались на волне ее успеха. С юности ее занимала фигура Арлекина, давшая жизнь отроческим стихам и более позднему таинственному мистеру Арле Куину. Цикл связанных с ним рассказов, всегда посвященных бедам влюбленных, она называла самым любимым: «Мистер Куин был для меня эхом моих ранних стихов об Арлекине и Коломбине. Он просто присутствовал в рассказе — был катализатором сюжета, не более — но само его присутствие влияло на окружающих. Какой-нибудь незначительный факт, казалось бы, не имеющий отношения к делу фраза вдруг показывали, что он есть на самом деле: случайно упавший из окна свет выхватывал из темноты человека в костюме Арлекина — он появлялся на мгновение и тут же снова исчезал». Нигде больше он не появлялся, зато его скромный приятель мистер Саттерсуэйт позднее действовал вместе с Пуаро в «Драме в трех актах».

Цикл рассказов о Паркере Пайне («Вы счастливы? Если нет, обратитесь к Паркеру Пайну») ставил в центр внимания психологические, лишенные загадочности проблемы, будь то измена мужа или жены, неудовлетворенность рутиной жизни, недовольство невестой сына — обычные трудности обычных людей. Лекарства, предлагаемые Паркером Пайном, чаще всего элементарны, но дорогостоящи: выбить клин клином. Он отправлял скущую миллионершу из низов назад в коровник; на место неподходящей невесты ставил еще худшую, что примиряло мать с первой; измене одного супруга противопоставлял видимость измены

другого и т. д. Зерно истины в этом есть и, может быть, при аналогичных обстоятельствах идеи этих простых рассказов кому-нибудь и принесут пользу.

Второй жанр, который Агата Кристи любила за простоту воплощения замысла, был легкий триллер (ее собственное и точное определение). Как правило, он содержал элементы шпионской истории, нередко речь шла о спасении мира или хотя бы Англии от персонифицированного зла или от деятельности международной преступной организации. Сейчас эти истории звучат наивно, но первые читатели воспринимали их иначе: не следует забывать, что изданы они были задолго до эпопеи про Джеймса Бонда, а ведь и тот в свое время произвел сенсацию. В отличие от «крутых триллеров», романы Агаты Кристи не замешены на сексе, герои не глотают виски прямо из бутылки перед прицельной стрельбой по бандитам. Возможно, однако, что эти внесюжетные вкрапления обязательны для данного жанра, и поэтому без них интерес читателей гаснет.

Писательница никогда не пользовалась эротикой и прочими элементарными средствами для удержания любопытства публики, но зато постоянно вводила в свои триллеры новых расследователей. Четыре романа о Томми и Таппенс Бересфорд разделены такими огромными временными промежутками, что воспринимаются как единый цикл лишь в ретроспективе, а в их пору супруги-детективы, безусловно, забывались от книги к книге: «Тайный враг» (1922), «Н. или М.?» (1941) и совсем поздние «Щелкни пальцем только раз» (1968) и «Врата судьбы» (1973). При этом Томми и Таппенс, как ни странно, стареют с течением лет, хотя в шестидесятые годы мало кто помнил их молодыми и особой надобности соблюдать реализм в их биографиях вроде бы не было. Им посвящено также множество рассказов, но сама писательница признавала, что по крайней мере часть из них безнадежно устарела за короткий срок.

Романы о супругах Бересфорд объединяет то, что либо героя, либо героиню, либо обоих непременно бьют по голове, а тайна открывается случайно. Самый интересный из них — первый. И интересен он не загадкой, а обрамлением сюжета. Его тематика казалась вдвойне актуальной после недавней войны. В «Автобиографии» Агата Кристи вспоминает то время:

«Многие молодые люди оказались в отчаянном положении. Демобилизовавшись из армии, они становились безработными. К нам постоянно приходили полные сил мужчины, пытавшиеся продать чулки или какую-нибудь домашнюю утварь. На них было жалко смотреть. Иногда мы покупали у них пару уродливых чулок только для того, чтобы как-то поддержать. Когда-то они были лейтенантами — морскими или сухопутными — и вот до чего дошли. Иные из них писали стихи и старались их пристроить.

Я решила выбрать героев именно в этой среде — девушка, которая служила в частях гражданской обороны или работала в госпитале, и молодой человек, только что уволившийся из армии. Оба в отчаянном положении. В поисках работы они встречаются друг друга, — быть может, они уже встречались прежде. Ну и что дальше? Дальше, подумала я, их вовлекают в шпионаж: это будет книга про шпионов, боевик, а не детектив».

Но главное, интересно то, что молодая женщина, крайне далекая от политики и мировых проблем, нащупала в нем важнейший катализатор беспокойства в Великобритании: зависимость стабильности страны от далекой Советской России. Публикация проекта нереализованного договора стран Антанты с Германией за спиной России даже спустя годы после окончания войны спровоцировала бы взрыв негодования рабочих, что привело бы к общенациональной забастовке и непоправимому подрыву экономической и политической систем. И это верно, будь такой договор реальным. И конечно, вечно актуальна тема преступных ошибок политиков, за которые расплачиваются своими жизнями простые люди, безразличные к чести родины. Всё прочее в романе стоит списать на законы легкого жанра.

Два следующих романа о Томми и Таппенс не произвели впечатления. Последний роман о них «Врата судьбы» как детектив крайне слаб, но он пронизан автобиографичностью. Это вообще последнее произведение Агаты Кристи. В нем она почти сливается с Таппенс, детство той — это детство Агаты Миллер, дом Таппенс обставлен вещами из незабвенного Эшфилда. Она уже не писала, а диктовала его, и в нем слышится печальный голос старушки, уставшей от зрелища рушащегося вокруг памятного ей мира.

А в раннем искристо веселом и даже легкомысленном романе «Тайна замка Чимниз» отразилась атмосфера беззаботных 1920-х. Там появился

суперинтендант Баттл, настоящий полицейский, квадратный и неторопливый, без эмоций и воображения, каким ему и следует быть — и оттого наименее известный из сыщиков Агаты Кристи. В неподобающей его положению почти клоунской роли он выведен и в нелепом продолжении «Чимниза» — «Тайне семи циферблатов», которое, как и «Большую четверку», можно извинить лишь тяжелой жизненной ситуацией писательницы периода развода.

В «Незнакомце в коричневом» родился «сильный и молчаливый» полковник Рейс, воплощавший «секретную службу» и всегда пребывавший на границах империи, особенно когда там неспокойно. Неудивительно, что последний раз он действовал в «Сверкающем цианиде» в 1944 году: после войны последовал столь быстрый крах Британской империи, что Рейс стал бесполезен. В «Картах на стол» (1936) Агата Кристи собрала Пуаро, Баттла, Рейса и миссис Оливер за одним столиком для бриджа, и с тех пор в том или ином составе или порознь они сотрудничали много лет, однако уже не в шпионских драмах, а классических детективах.

Чисто шпионскими по сюжету являются еще «Встреча в Багдаде» (1951), «Место назначения неизвестно» (1955), «Часы» (1963) и «Пассажир на Франкфурт» (1970), в каждом из которых различные главные персонажи. Первые два романа умеренно интересны, причем в «Месте назначения...» тихонько затронута тема Эйнштейна как человека, за чьи открытия... но тсс... тогда об этом охотно судачили. Что касается двух поздних, то оба имеют очень эффектное начало, но слабое продолжение. Перечитав «Часы» внимательно много раз, я так и не смогла уразуметь, чего ради там введены все эти часы. А если читатель не может разобраться в сюжете триллера — виноват автор, а не читатель, поскольку этот жанр не предполагает глубокого вдумчивого осмысления. Все-таки триллеры не принадлежали к сильным сторонам дарования Агаты Кристи.

Ее это не беспокоило.

Во-первых, книги хорошо раскупались. Во-вторых, ничего не зная о шпионаже и даже не замечая его, если сама оказывалась в него втянута, она в полной мере разделяла принцип неоромантической литературы, от которой, собственно, и отпочковался жанр триллера: меньше знаешь — легче пишешь. Издатель из «Неоконченного портрета» поучает героиню относительно изображения корнуолльских рыбаков, о которых та собирается писать: «Пишите о них свою книгу, но только, ради бога, и близко не подходите ни к Корнуоллу, ни к рыбакам, пока книга не будет готова. Вы неспособны сочинять небылицы о том, что знаете, но о том, чего не знаете, — насочиняете превосходно». В жанре классического

детектива Агата Кристи умела изображать и среду, которую прекрасно знала, и списывать персонажей с реальных лиц, но это не мешало ей предаваться в триллерах не подкрепленным никакой информацией фантазиям по поводу шпионских страстей и международных заговоров. Те, кто планирует строить или разрушать эти заговоры, романы не читают, а прочие ее не проверяют!

Конечно, всемирную славу Агате Кристи принес жанр классического детектива, где она была и навеки останется подлинной Королевой. Она и сама это понимала, радуясь своей способности написать «запутанную детективную историю со сложным сюжетом, это интересно технически, хотя и требует большого труда, зато всегда вознаграждается» (в прямом и переносном смысле). Но любопытно задуматься, почему ее трон неколебим? Ведь среди ее старших и младших современников насчитываются многие и многие десятки англоязычных авторов детективов! Некоторые из них были довольно известны и популярны до войны или сразу после, но кто о них теперь помнит? Уцелели лишь некоторые, да и те читаются ограниченным кругом ценителей. Одна Агата Кристи остается вне времени и пространства. И не случайно.

Ее произведениям присущ ряд уникальных особенностей. В первую очередь язык, который давно сделал их незаменимым пособием по разговорному английскому для иностранцев. Критики охотно заявляют, что ее язык примитивен, но это неверно. Он не примитивный, он простой — а это совершенно разные вещи. Писать просто — очень сложно! Это не каждому дано, этому даже нельзя научиться, это врожденный дар. Авторы, лишенные этого дара, в попытках писать нарочито просто неизбежно скатываются либо на чрезмерно разговорный, грубый, даже нелитературный жаргон, либо на рубленые фразы без художественных достоинств, либо на лаконичность тона, прославившую Хемингуэя, но читаемую не без труда. Нельзя сказать, что врожденный дар — не заслуга писателя. Достаточно сравнить свободный летящий язык детективов или «Автобиографии» Агаты Кристи с ее же произведениями мистического или психологического характера, чтобы понять, как можно уничтожить собственные достоинства во имя потуг на «литературность».

Ее стиль прост, как и язык. У нее нет всепроникающей иронии, привлекающей, например, в романах Джорджетт Хейер. Почти нет

сатирических или комических образов (главное исключение — миссис Оливер). Она не ставит себе и каких-то «сверхзадач»: не поднимает нарочито социальных вопросов, не выступает целенаправленно «за» или «против» чего бы то ни было. Она не следует декларации Дороти Сейерс, согласно которой «ни один литературный жанр не способен продержаться долго, если оторвется от великих вопросов человечества и современных течений литературы. Настало время вернуться к викторианскому характеру детектива, то есть нужно увидеть в нем и социальный, и психологический роман»^[11]. Казалось бы, Сейерс совершенно права, — но ее собственный опыт и опыт ее сторонниц Маргарет Эллингхэм, Нейо Марш, Джозефины Тей и других этого не подтвердил. Агата Кристи жестко ограничивает себя узкими рамками жанра, а ее поэтические и психологические сочинения доказывают, что это ограничение сознательное, не от недостатка способностей.

Персонажей Агаты Кристи также часто критикуют за «картонность», примитивность изображения. Но опять-таки они не примитивны, они отчетливо социально-типичны. Когда она кратко бросала «полковник из Индии», «дама в пепельных кудряшках», «девица в толстых колготках», — в условиях четкой и признанной общественной стратификации Англии тех лет перед глазами читателей вставал совершенно ясный образ с заданными чертами, к которому пояснения не требовались: любой мог вспомнить множество соседей и родных аналогичного происхождения, образования, манер, образа мыслей и т. д. Ей оставалось разве что добавить упоминание о цвете глаз персонажа (а по умолчанию — обычный у англичан бледный серо-голубой). Поэтому более или менее развернутые характеристики она давала только необычным натурам с нестандартным поведением или внешностью.

При таком кажущемся однообразии выбора действующих лиц уникальной чертой Агаты Кристи, резко выделяющей ее среди мастеров детективного жанра, является ее непредсказуемость. Читатели заранее знают, героя какого типа встретят в романах, к примеру, Дика Фрэнсиса; различия между его ведущими персонажами ничтожны; публика ничего иного от него не ждет и не желает. Точно так же в книгах разных мастеров «крутого» стиля можно заранее предсказать пол и характер главного героя (или главной героини), они будут неизменны. В классическом же стиле авторы ограничиваются одним-двумя переходящими расследователями, встречи с которыми и ожидают их поклонники. Характер повествования (от первого или третьего лица) также предсказуем у огромного большинства авторов. И даже выбор кандидатов в преступники у многих создателей

детективов ограничен полом, возрастом или определенным типом личности. Все это создает стабильность, привычность мира, в который читатели желают погрузиться при помощи того или иного автора, и они осудят разрушение характерной для него манеры творчества, — но это же ограничивает круг поклонников данного автора.

Агата Кристи писала для всех. Никто из писателей не придерживался столь твердо принципа равноправия полов и возрастов, как она! Роль расследователей она предоставляла и пожилым мужчинам (Пуаро, Рейс, Баттл и прочие инспекторы), и пожилым женщинам (мисс Марпл, миссис Оливер, Таппенс, Каролина Шеппард), и многочисленным молодым людям и девушкам, иногда выступавшим в одиночестве, иногда в паре. Причем роль лидера в паре отдавалась одинаково охотно и мужчине, и девушке, и они даже не обязательно в конце влюблялись друг в друга! Вдобавок она вела повествование и от третьего лица, и от первого, равно от имени женщин и мужчин, сыщиков и преступников, соратников гениальных детективов и случайных сторонних наблюдателей, людей образованных и малограмотных. Немногие авторы способны на такое разнообразие точек зрения! Преступники же у нее принадлежали к обоим полам, буквально ко всем возрастным группам (от детей до дряхлых стариков), имели какие угодно характеры и степень привлекательности для читателей.

Такое же редкостное равновесие наблюдается при характеристиках национальной принадлежности персонажей. Русские бандиты и женщины легкого поведения «со скуластыми лицами и раскосыми глазами» уравниваются фигурой благороднейшей княгини Драгомировой («Убийство в Восточном экспрессе») и поэтическим образом дочери ленинградского шофера из «Эрифманской лани» («Подвиги Геракла»). Пародийный «герцесловак» сосуществует в «Замке Чимниз» со своим привлекательным соотечественником абсолютно английского типа. Желтым и неприглядным евреям противопоставлены достойнейшие отец и дочь из «Тайны Голубого поезда», а несимпатичный «гражданин мира» мистер Робинсон из «Кошки на голубятне» оказывается способен отдать алмазы, которые имеет возможность присвоить, на воспитание осиротевшего мальчика. И даже немецкий шпион в «Н. или М.?» осуждается как пруссак и фашист, а не как собственно шпион — ведь в «Таинственном происшествии в Стайлс» деятельность человека в тылу врага, хотя это немец в Англии, превозносится! И все это удивительное равновесие объясняется не равнодушной готовностью говорить одновременно «за» и «против». Нет, Агата Кристи просто понимает, что почти любое явление в мире людей имеет и положительные, и отрицательные стороны. Недаром

преступники у нее часто очень симпатичны, а несправедливо осужденные, наоборот, крайне неприятны. Читатели готовы сочувствовать первым, а до судьбы последних им дела нет, — но автор категорически отказывается отступать от служения Справедливости по каким бы то ни было сентиментальным соображениям!

А вот социальная и профессиональная принадлежность ее героев не столь уравновешена: кроме прислуги, они все принадлежат к среднему классу. Это неслучайно, а то, что это ее собственный прекрасно известный ей класс, не служит достаточным объяснением. Много ли, например, знала ее современница Дороти Сейерс о мире герцогов, откуда вышел ее лорд Питер Уимзи, и о сельских батраках и прочем рабочем люде, среди которых он нередко расследует преступления? вероятно, немного, что не мешало ей выпускать роман за романом. Агата Кристи руководствовалась иным принципом, который настойчиво советовала и начинающим авторам: ориентироваться на рынок, куда они выбрасывают свою продукцию! «Большинство-то из нас — ремесленники. Мы делаем то, что умеем и от чего получаем удовольствие, и мы хотим выгодно продать свое изделие. А коли так, ему следует придать ту форму и тот размер, которые пользуются спросом». Герцоги, как бы довольны они ни были образом лорда Питера (что, кстати, не факт), слишком малочисленны; низшие классы малоперспективны как покупатели книг. Основа читательской массы Великобритании — средний класс, писатель пишет для него, а потому разумнее писать о нем. Но читали Агату Кристи не только англичане.

Она быстро поняла, что доходы идут прежде всего за счет продажи прав на публикацию в Америке, «к тому же тогда этот доход не облагался налогом, он рассматривался как основной капитал». Привлечет ли американскую публику изображение простой, обычно сельской, английской жизни средних слоев? Об этом она прямо сказала в «Отеле „Бертрам“»; «Это вопрос атмосферы... Скажем, американцы; деньги-то главным образом у них... В их воображении наша страна... Они читали Диккенса, Генри Джеймса, и им совсем не кажется привлекательной мысль, что Англия становится похожей на их отечество! Настоящая старая Англия! А какие блюда старой английской кухни, всякие там пудинги, не говоря уж о традиционном английском чаепитии!» Читали ли американцы Диккенса, вопрос спорный, но они читали Агату Кристи. И изображаемая ею среда, притом что она была действительно типична и реальна, в то же время отражала ту Англию, какая существовала в воображении представителей других стран, — а ныне и других эпох. Это был очень привлекательный и комфортный мир, населенный милыми людьми, ведущими приятный

размеренный образ жизни на лоне природы или в недрах добропорядочного Лондона. Обратной стороной надежности их бытия была скука, которую без жестокости рассеивали всякие трупы в библиотеках, ничуть не разрушая ощущения уюта и праздности. Именно этот фактор сыграл немалую роль в том, что тиражи книг Агаты Кристи несравнимы с тиражами любых ее коллег по жанру.

Но созданный ею прекрасный образ «доброй старой Англии» все-таки не объясняет весь ее успех. Ведь в одном из самых популярных и любимых читателями «Убийстве в Восточном экспрессе» действие не связано ни с какой страной, а персонажи принадлежат ко множеству национальностей. В основе сюжета — страшная тема киднеппинга и организованной преступности, и при всем том атмосфера уюта и покоя непоколебима! Похожая ситуация изолированности многонациональной туристической группы в «Смерти на Ниле», опять-таки почти умиротворяющем романе. Умиротворение — да, но не сентиментальность и уж никак не слащавость стиля.

И никаких сантиментов нет в основе сюжетов ее романов. Писанные и неписанные табу детективного жанра для Агаты Кристи не существовали! Со времен «Убийства Роджера Экройда» она пренебрегала ожиданиями и привычками читателей. Она первой еще в 1939 году описала практически запретное для криминального жанра кровнородственное убийство. Не раз делала убийцами сумасшедших. С легкостью убивала достойнейших и полезных людей по совершенно не оправдывающим убийц причинам. И не колеблясь вывела убийцей привлекательного и смелого героя только что миновавшей войны (представьте фронтовика-убийцу в советском романе 1948 года!). А потом похожего героя-летчика сделала жертвой. Она даже разрушала математически обязательные схемы детективов, согласно которым девицы должны быть выданы замуж и, следовательно, равное число молодых людей обоего пола находится вне подозрений. У нее подозреваются все. И любой может оказаться преступником. И любой им оказывается.

Однако другие особенности ее творчества должны были бы работать против его популярности. В ее романах нет секса и даже любовных сцен; она не расписывает подробностей убийств и вида трупов; не создает атмосферы страха, вызывающей нервную дрожь. У нее вообще отсутствуют любые детали, не подчиненные детективной интриге. Каждая подробность, каждая фраза так или иначе работают на финал. Причины преступлений у нее также крайне просты. Из пятидесяти ее классических детективов в тридцати четырех толчком к первому убийству (последующие

объясняются страхом разоблачения) служат деньги или стремление сохранить достигнутый статус. Так, даже если муж убивает жену, чтобы жениться на другой, в действительности речь идет не об избавлении от надоевшей супруги (можно же развестись!), а об избавлении от потери общественного и профессионального лица, неизбежной при разводе в 1930-е годы.

Из оставшихся романов в восьми убийцами оказываются настоящие сумасшедшие или крайне необычные убийцы, чьи мотивы соответственно неадекватны — дешевый и, к сожалению, нечестный прием. Может ли автор со здоровой психикой проникнуть в нездоровое мышление? можно ли счесть такое проникновение верным, имеющим художественную и гуманную ценность? И столько же — восемь — романов описывают преступления из мести, глубоко оправданной или вовсе не оправданной. Такое соотношение показательно: деньги и статус — наиболее «приличные» поводы для убийств в хорошем обществе, страсти любого рода воспринимаются в Англии не столь одобрительно!

По сути, все детективы Агаты Кристи (и даже лучшие их экранизации) — интеллектуальные игры для людей с хорошим вкусом, не требующих эмоциональной встряски. Но неужели их сотни миллионов? это было бы слишком прекрасно...

6

Классические детективы Агаты Кристи можно разделить на три периода по времени создания. Первый — до 1932 года, когда она пробовала силы во всех жанрах, но создала единственный шедевр — «Убийство Роджера Экройда». Кроме него, к классическим детективам этой поры относятся «Убийство на поле для гольфа», «Тайна Голубого поезда», «Убийство в доме викария» и «Загадка Ситтафорда». Как своим первенцам, она уделила им некоторое место в воспоминаниях, оценивая в высшей степени критично:

«„Убийство на поле для гольфа“ лежало чуть-чуть в стороне от шерлок-холмсовской традиции и было навеяно, скорее всего, „Тайной желтой комнаты“. Оно исполнено в весьма высокопарном, несколько даже вычурном стиле. Думаю, „Убийство на поле для гольфа“ — умеренно удачный образчик такого рода литературы, весьма мелодраматичной».

«Я терпеть не могла „Тайну Голубого поезда“, но я ее все же дописала и отправила издателям. Ее раскупили так же быстро, как предыдущую. Я должна была бы радоваться — но, надо сказать, этой книгой я никогда не гордилась... Перечитывая ее, вижу, как она банальна, напичкана штампами, вижу, что сюжет ее неинтересен. Многим, к сожалению, она нравится».

(Почему «к сожалению»? скорбь о читательском безвкуси?)

«Перечитывая „Убийство в доме викария“, я не испытываю уже такого удовлетворения, как прежде. В книге слишком много персонажей и побочных сюжетных линий. Но основа сюжета — добротная. Деревня кажется мне совершенно реальной — таких деревень существует множество, даже и сейчас. Молодые горничные из сиротских приютов и вышколенные слуги, делающие карьеру, исчезли, но приходящие служанки, сменившие их, так же естественны и человечны — хоть, надо признать, по части обученности им далеко до своих предшественников».

И только «Роджер Экرويد» заслужил одобрение создательницы:

«Мне удалось найти тогда отличный ход... Идея мне понравилась, и я долго размышляла над ней. Конечно, многие считают, что и „Убийство Роджера Экроида“ — надувательство; но если они внимательно прочтут роман, им придется признать, что они не правы. Небольшие временные несовпадения, которые здесь неизбежны, аккуратно упрятаны в двусмысленные фразы: доктор Шеппард, делая записи, как бы сам находит удовольствие в том, чтобы писать только правду, но не всю правду».

О «Загадке Ситтафорда» нет ни слова — он пришелся на смутный период ее жизни.

Второй и самый плодотворный период ее творчества — от 1932 до 1965 года, когда она написала 41 классический детективный роман (плюс три триллера и «Испытание невиновностью»), в том числе те, что вышли посмертно как последние о Пуаро и мисс Марпл — «Занавес» и «Спящее убийство». Бесполезно пытаться подсчитать, сколько среди них шедевров,

сколько превосходных и просто очень хороших детективов гораздо выше среднего уровня. Но можно утверждать, что явных неудач среди них нет (разве только «Хикори Дикори Док»?), а таким длинным потоком выдающихся произведений мало кто из авторов любого жанра и времени может похвастаться! В ее собственных воспоминаниях уцелели от этого времени всего несколько книг, да и то «Загадка Эндхауза» упомянута лишь как «книга, оставившая по себе столь незначительное впечатление, что я даже не помню, как писала ее. Может быть, я детально разработала ее сюжет гораздо раньше, что делаю очень часто и из-за чего порой не могу припомнить, когда книга была написана, а когда опубликована».

Делая общий обзор всего созданного до 1965 года, писательница призналась:

«Из моих детективных книг, пожалуй, больше всего я довольна двумя — „Кривым домишком“ и „Испытанием невиновностью“. К своему удивлению, перечитав недавно „Двигающийся палец“, я обнаружила, что он тоже недурен. Великое испытание перечитывать написанное тобой семнадцать-восемнадцать лет назад. Взгляды меняются, и не все книги это испытание выдерживают. Но иные выдерживают».

В предисловии к «Кривому домишку» она вспоминала:

«Эта книга — одна из самых моих любимых. Я вынашивала ее долгие годы, обдумывая, отшлифовывая и повторяя про себя: „Вот наступит день, будет у меня много времени, появится желание поработать в свое удовольствие, и я начну ее писать“. Писать „Кривой домишко“ было для меня сплошным удовольствием». Интересно, что ей так в нем нравилось — фигура преступника? вероятно, ибо ничем иным роман не выделяется. Но показательно, что с *таким* преступником она не решилась столкнуть ни Пуаро, ни мисс Марпл, а выбрала расследователем случайное лицо. Еще ей нравился роман «Карты на стол», не упомянутый в «Автобиографии», но охарактеризованный в предисловии к нему самому как «одно из наиболее любимых дел Эрюоля Пуаро». В нем ее явно привлекла идея «чисто психологического подхода», который «сразу же и окончательно исключает элемент неожиданности», но «ничуть не снижает интереса к действию».

И это правда.

С облегчением можно узнать, что свой истинный шедевр, непревзойденный по идее и исполнению, она и сама оценивала по достоинству!

«Я написала „Десять негритят“, потому что меня увлекла идея: выстроить сюжет так, чтобы десять смертей не показались неправдоподобными и убийцу было трудно вычислить. Написанию книги предшествовал длительный период мучительного обдумывания, но то, что в конце концов вышло, мне понравилось. История получилась ясной, логичной и в то же время загадочной, при этом она имела абсолютно разумную развязку: в эпилоге все разъяснялось. Книгу хорошо приняли и писали о ней хорошо, но истинное удовольствие от нее получила именно я, потому что лучше всякого критика знала, как трудно было ее писать».

Но гораздо больше внимания она уделила истории создания детектива на древнеегипетскую тему «Смерть приходит в конце», написанного во время войны по совету близкого друга, профессора-египтолога Глэнвила:

«Я как раз искала идею для новой книги, поэтому момент для начала работы над египетским детективом был весьма подходящим. Безусловно, Стивен силой втянул меня в это дело. Если Стивен решил, что я должна написать детектив из жизни Древнего Египта, сопротивление бесполезно. Такой уж он человек.

Но в последовавшие за этим недели и месяцы я не без удовольствия неоднократно обращала его внимание на то, что он должен горько сожалеть о своей авантюре. Я постоянно звонила ему с вопросами, одно формулирование которых, как он говорил, занимало минуты три, а уж чтобы ответить на них, ему приходилось перелопачивать по восемь разных книг.

— Стивен, что они ели? Как это готовилось? Были ли у них специальные блюда к разным праздникам? Мужчины и женщины ели вместе? Как выглядели их спальни?

...Стивен отчаянно спорил со мной по поводу одного момента, касающегося развязки романа, и, должна признать, одержал верх. А ведь я страшно не люблю сдаваться. Но в

подобных случаях Стивен воздействовал просто гипнотически. Он был так уверен в своей правоте, что вы, сами того не желая, начинали поддаваться ему. До той поры я уступала разным людям по самым разным поводам, но *никогда и никому я не уступала ни в чем, что касалось моих писаний*.

Если я вбила себе в голову, что то-то и то-то описано у меня *правильно*, так, как и надлежит, меня нелегко переубедить. Здесь же, вопреки своим правилам, *я сдалась*. Вопрос, конечно, спорный, но по сей день, перечитывая книгу, я испытываю желание переписать конец, что лишний раз доказывает, как важно не складывать оружия раньше времени, чтобы потом не пожалеть. Мне трудно, конечно, было проявить твердость, поскольку Стивен столько сил вложил в эту книгу, ведь даже сам замысел принадлежал ему».

Агата Кристи не пояснила, что именно ее раздражало в книге — уж не элемент ли мистичности в конце? Но ее декларация интересна. Это и признание собственной уступчивости в личной жизни, столько мешавшей ей с детства, и признание (слава богу!) ценности творчества, раз хоть тут она готова была отстаивать свою позицию наперекор всему.

Помимо романов, все эти годы выходили многочисленные сборники рассказов, но в малом формате Агата Кристи не блистала воплощением отличных задумок, недаром лучшие рассказы позднее в принципиально переработанном виде становились основой романов или пьес.

Третий период наступил в 1965 году, когда она поставила точку в «Автобиографии» (изданной посмертно). В тот год она, словно провидя будущее, раздумывала:

«Как печально будет, когда я не смогу больше ничего написать, хоть и понимаю, что негоже быть ненасытной. В конце концов, то, что я в состоянии писать в свои семьдесят пять, уже большая удача. К этому возрасту следовало бы удовлетвориться сделанным, уgomониться и уйти на покой. Признаюсь, у меня возникала мысль уйти на покой в этом году, но тот факт, что моя последняя книга продается лучше, чем любая предыдущая, оказался неодолимым искушением: глупо останавливаться в такой момент. Может быть, отодвинуть роковую черту к восьмидесяти?»

«Последний роман», о котором идет речь, это действительно превосходный «Отель „Бертрам“».

Но восемь последовавших за ним романов, из которых четыре или даже пять относятся к триллерам, при всем желании шедеврами не назовешь («Занавес» и «Спящее убийство», напомним, созданы гораздо раньше). Вероятно, все же лучше было закончить художественное творчество одновременно с «Автобиографией»?

«Гениальный сыщик», переходящий из романа в роман, с чьим именем ассоциируется творчество его создателя, по общему правилу, обязательно должен обладать неповторимой индивидуальностью, выделяющей его в толпе «гениальных сыщиков» других авторов. И в то же время быть привлекательным для широкой публики либо как *alter ego* читателя (тип «маленького человека»), либо как столп Справедливости (тип «ангела-хранителя»). В идеале он должен совмещать обе функции, что удастся весьма редко (Мегрэ, например). В качестве дополнения он(а) может обладать просто физической привлекательностью, но тогда, дабы не оттолкнуть половину аудитории, автору приходится ввергать его (ее) в завидные любовные приключения или оттенять постоянным спутником противоположного пола. У Агаты Кристи только Эркюль Пуаро обладает должной эксцентричностью и отчасти отвечает приведенному определению. И тридцать лет писательница считала Пуаро своим крестом, не помышляя об альтернативе.

Пуаро создавался в 1916 году по самой заурядной схеме. «Разумеется, нужен детектив. В то время я полностью находилась под влиянием Шерлока Холмса — сыщиков я представляла себе именно так. Каким же быть моему детективу? Ведь нельзя, чтобы он походил на Шерлока Холмса, надо придумать собственного и к нему приставить друга, чтобы он оттенял достоинства сыщика (вроде козла отпущения), — это как раз не очень трудно. Я хотела бы сочинить кого-нибудь нового, какого еще не бывало. Потом я вспомнила о наших бельгийских беженцах. В торкийском приходе была целая колония бельгийских беженцев. „Почему бы моему детективу не стать бельгийцем?“ — подумала я. Среди беженцев можно было встретить кого угодно. Как насчет бывшего полицейского офицера? В отставке. Не слишком молодого. Какую же я ошибку совершила тогда! В результате моему сыщику теперь перевалило за сто лет.

Короче говоря, я остановилась на сыщике-бельгийце. Пусть теперь созревает сам. „Педантичный и очень аккуратный“, — подумала я во время уборки своей комнаты, заваленной разными разностями. Аккуратный маленький человечек, постоянно наводящий порядок, он кладет все на место, предпочитает квадратные предметы круглым. И очень умный — у него есть маленькие серые клеточки в голове — хорошее выражение, я обязательно должна использовать его — да, маленькие серые клеточки. И у него должно быть звучное имя — как у членов семьи Шерлока Холмса.

Не назвать ли маленького человечка Геркулесом? Маленький человечек по имени Геркулес. Имя хорошее. Труднее придумать фамилию. Не знаю, почему я остановилась на фамилии Пуаро — вычитала, услышала где-нибудь или просто эта фамилия родилась у меня в голове — но родилась. Однако он стал не Геркулесом, а Эркюлем — Эркюль Пуаро. Вот теперь, слава тебе Господи, все устроилось».

Друг Пуаро, от чьего лица велось повествование, капитан Гастингс, имел столь явную аналогию с доктором Уотсоном, что ее приходилось всячески подчеркивать: именем спутника великого Холмса вечно дразнят Гастингса. Иначе нельзя! ведь в 1920 году Конан Дойл еще был жив, последний сборник рассказов о Холмсе вышел в 1927 году, и было важно избежать риска обвинения в плагиате. Ссылка на первоисточник эту опасность устранила: «Я и не заметила, как оказалась накрепко привязанной не только к детективному жанру, но и к двум людям: Эркюлю Пуаро и его Уотсону — капитану Гастингсу. Я обожала капитана Гастингса. Персонаж был вполне шаблонный, но в паре с Эркюлем Пуаро они представляли собой идеальную, с моей точки зрения, команду сыщиков».

Однако уже к следующему роману о Пуаро — «Убийству на поле для гольфа» — стало понятно, что Гастингса придется убрать: «На сей раз я ввергла Гастингса в любовное приключение. Если уж в книге должна быть любовь, я полагала, что вполне могу женить Гастингса. Честно говоря, я начала от него немного уставать. К Пуаро я была намертво привязана, но это не означало, что я обязана оставаться намертво привязанной и к Гастингсу». Причина, однако, не в том, что писательница всего за три года и два романа устала от недавно обожаемого Гастингса. Оказалось, что прямое подражание знаменитому тандему невозможно, так как подражательные образы не обладают должной неразрывностью. Модель Агаты Кристи вышла нежизнеспособной, и дуэт быстро распался, восстанавливаясь от случая к случаю. Почему?

Провал этой пары определился тем, что она противопоставила своих героев исключительно по принципу ум — глупость. На стороне Пуаро не

было никаких достоинств, кроме интеллекта, все прочие его особенности нелепого иностранца в лакированных туфлях (признак дурного вкуса!), с точки зрения английских читателей, играли против него. Отождествляя себя с типичным британцем Гастингсом, они не имели оснований прощать Пуаро его превосходство. Только избавив Пуаро от вечного Гастингса, окружив его постоянно меняющимися персонажами, среди которых читатели могли выбрать какое угодно симпатичное им лицо для сопереживания, Агата Кристи спасла образ своего сыщика от читательской неприязни^[12].

Романы с участием Пуаро отличаются большая четкость и лаконичность. Детектив высказывается сугубо в связи с действием, никакие размышления на общие темы ему не дозволяются. В отличие от Шерлока Холмса, он практически не обращает внимания на вещественные улики, сосредоточиваясь на психологических факторах преступления. Убийства, которые ему приходится раскрывать, внешне просты: никаких «тайн закрытых комнат» и прочих изысков жанра. Отказ Агаты Кристи от сложно устроенных преступлений объясняется, возможно, тем, что при начальной эффектности тайны она требует в концовке таких сложных и долгих разъяснений, что читатели откровенно устают (примером могут служить длинейшие, на десятки страниц, финалы ее современников-мастеров «спецэффектов» Эллери Куина или Д. Диксона Карра). Финалы Агаты Кристи доставляют интеллектуальное наслаждение, но вместе с тем вполне динамичны.

Способ раскрытия преступлений также прост и лишен драматических эффектов: разговоры, разговоры, еще раз разговоры. Стрельба, погони, театральщина, которой не чужд Холмс, напрочь отсутствуют. Нет даже романтических красот и хоть чьих-то любовных переживаний! Влюбленных в романах беспокоит только вопрос, не он(а) ли совершил(а) убийство? Пуаро свойственна человечность, позволяющая ему иногда отпустить виновных, он верит в торжество справедливости, он торжественно заявляет: «Я не одобряю убийства», он готов бороться с преступлением или защищать невинных даже без мысли о гонораре, — но все эти его положительные свойства намечены достаточно эскизно, являются скорее декларацией, чем характеристикой его личности. При желании можно изложить его приблизительную биографию, но она никого особенно не заинтересует. Недаром, хотя он прожил полвека по одному лондонскому адресу, его дома-музея не существует. Как человек, даже как литературный герой, он читателям безразличен. Сама Агата Кристи называла его «законченным эгоистом».

Простота языка, типовой набор персонажей, подчиненность действия сюжету, малопривлекательный сыщик, простота оформления тайны, простота способов ее открытия... Но при этом никакой читатель никогда не упрекнет Агату Кристи в том, что ее скучно читать! Нескучно читать, приятно перечитывать, и не раз, — но почему?!

Известна мысль, что герой не может быть умнее автора. Герой Дороти Сейерс лорд Питер Уимзи проявлял свою сверхъестественную гениальность, прослеживая на свежесвыпавшем снегу путь преступника до его убежища, что не пришло в голову очевидно дегенеративным полицейским. Нелепость? а как быть? герой не может быть умнее автора. Пуаро при всех его смехотворных замашках, тщеславии и франтоватости бесспорно умен. Разумеется, его профессиональная деятельность не имеет ничего общего с деятельностью реальных детективов, но он заметно превосходит своих литературных собратьев: читателям крайне редко приходится прощать ему ляпы или верить на слово, неподкрепленное вразумительными доказательствами.

Пуаро был расследователем почти непрерывно с 1932 по 1941 год, уступая свою роль трижды за семнадцать книг: в романах «Почему не Эванс?»^[13] и «Убить легко» его заменили молодые пары, и, естественно, его нет в «Десяти негритятах». Между 1941 и 1950 годами Агата Кристи явно пыталась от него избавиться, все чаще заменяя на Томми и Таппенс, Баттла, Рейса, разных молодых героев, дважды на мисс Марпл. Но, с другой стороны, она иногда задним числом вводила его в романы, изначально не предусматривавшие профессионального детектива, например, во «Встречу со смертью» и в «Кошку на голубятне». В обоих случаях его роль вполне эпизодична. Она сама почувствовала его неуместность здесь и совсем убрала, переделывая первый из этих романов для сцены. Во втором же из них она пыталась заменить его на мисс Марпл, но та хотя была уместнее в атмосфере школы для девочек, зато не вписывалась в сюжет с международными играми вокруг алмазов шаха. И Пуаро остался, хотя его функцию можно было бы целиком передоверить МИ-6, представленную в романе молодым героем. Точно так же и мисс Марпл вошла на служебную и ненужную по сути роль в роман «Одним пальцем». Про три эти книги можно сказать, что они по типу сюжетов и изложения принадлежат к романам без серийных детективов. Но старания писательницы ни к чему не привели: публика, как когда-то по поводу Шерлока Холмса, имела свое мнение и навязала его автору. К 1950 году Агата Кристи пришла к наилучшему решению: с тех пор почти ежегодно выходили по два романа — с Пуаро и мисс Марпл попеременно, лишь

иногда перемежаясь книгами со случайными героями.

Мисс Марпл уникальнее Пуаро. Ее образ складывался постепенно.

«Быть может, мисс Марпл появилась потому, что я испытала огромное удовольствие, описывая сестру доктора Шеппарда в „Убийстве Роджера Экройда“. Она — мой любимый из всех персонажей этой книги — ядовитая старая дева, очень любопытная, знающая все и вся обо всех, все слышащая, — словом, розыскная служба на дому. Когда книгу решили инсценировать, больше всего меня огорчило то, что Кэралайн из сюжета исключили. Вместо нее доктора снабдили другой сестрой — гораздо более молодой, симпатичной девушкой, которая могла представить для Пуаро романтический интерес. Думаю, именно тогда, в Сент-Мэри Мидз, хоть я и не отдавала себе в том отчета, родились мисс Марпл и все ее окружение — мисс Хартнел, мисс Уэтерби, полковник Бэнтри с женой. Они жили уже в моем подсознании, готовые воплотиться в персонажей и выйти на сцену».

Затем в «Тайне Голубого поезда» появилась сама деревушка Сент-Мэри Мидз, но еще без мисс Марпл, чьи функции делили ядовитая старуха и молодая героиня. И наконец, почти сразу, появилась и мисс Марпл:

«Мисс Марпл так быстро вошла в мою жизнь, что я и опомниться не успела. Я написала для журнала цикл из шести рассказов. В них было шесть персонажей, которые встречаются в своей маленькой деревушке и каждый вечер рассказывают друг другу истории о нераскрытых преступлениях. Первой я вывела мисс Джейн Марпл — пожилую даму, очень напоминавшую некоторых илингских подруг моей Бабушки, — сколько я перевидала их в деревнях, куда меня возили в детстве! Мисс Марпл ни в коей мере не есть портрет моей Бабушки: она гораздо светлее, к тому же она — старая дева. Но одна черта их роднит — сколь ни была бы жизнерадостна моя Бабушка, ото всех и от всего она ждала худшего и с пугающим постоянством

оказывалась права. Когда мисс Марпл родилась, ей было уже под семьдесят, что, как и в случае с Пуаро, оказалось неудобным, ибо ей предстояло еще долго жить вместе со мной».

Однако в сборнике «Клуб „Вторник“» и даже в романе «Убийство в доме викария» действовала еще не та мисс Марпл, какой ее узнали позднее. Она еще никем не воспринималась как сыщик: «У меня тогда, разумеется, и в мыслях не было сделать ее своим постоянным персонажем до конца жизни, и я никак не могла предположить, что она составит конкуренцию Эркюлю Пуаро». Она сидела в уголке и вязала, копалась в саду и наблюдала за птичками в бинокль (новое тогда модное увлечение, оказавшееся полезным в детективах) — и, опираясь на долгий жизненный опыт, сводивший ее со множеством людей (а люди ведь не так оригинальны, как им кажется!), она делала выводы. Ни в коем случае она не пыталась что-то расследовать, она просто помогала советами друзьям, соседям, родным. И только постепенно, все 1940–1950-е годы, ее фигура обрисовывалась все четче и четче. Можно сказать, что она обязана своим возникновением читателям, любившим и поддерживавшим ее.

Мисс Марпл абсолютно не соответствует определению литературного сыщика, ее образ создан буквально «от противного». Она подчеркнута неоригинальна. В ней нет никакой эксцентричности, даже ее внешность столь типична, что не описывается. Нельзя сказать, что она добра, напротив, в «Немезиде» она сама выделяет как свое главное качество «безжалостность» и ее преданная служанка соглашается с таким определением. Она — не «маленький человек», поскольку немного элитарна по происхождению и поведению, но она и не «ангел-хранитель», поскольку не вызывает бессознательного доверительного чувства ни у персонажей (в отличие от Пуаро), ни, строго говоря, у читателей. Даже то, что она старая дева, не делает ее исключительной, поскольку таких героинь было довольно много и до, и после нее. Но мисс Марпл — одна.

Яснее всего особенности мисс Марпл выявляются в сравнении с ее предшественницами и современницами. Старая дева на роли сыщика — явление типично англосаксонское, поскольку в Англии и отчасти в Америке фигура обеспеченной, а значит, влиятельной в своем приходе, праздной, а значит, любопытной к чужим делам старой дамы была весьма характерна в провинции, вызывала не насмешки или сочувствие, а уважение и чуть ли не зависть. Одинокая пожилая леди была в наибольшей степени независима — от власти партий, правительств, денег и чинов; она являлась столпом нравственности и общественной — настоящей,

безвозмездной — жизни, хранительницей традиционных ценностей и всемогущей карательницей их ниспровергателей. Ничем не занятые дамы, по сути, составляли фундамент британского общества. Недаром еще Шерлок Холмс называл их «может быть, полезнейшими членами общества»^[14]. Эти редкие качества оказались очень подходящими для криминальных историй. Старая леди поднимала их статус, заведомо исключала всякое «неприличие», вносила дух корректности и хороший тон, а главное — абсолютную свободу мысли и свободу от всякого давления со стороны.

Одной из первых преимуществ образа старой девы использовала в 1870-е годы Энн Кэтрин Грин, выведя в романе «Дело по соседству» мисс Эмили Баттеруорт, тактично и ненавязчиво помогавшую советами сыщику-мужчине. Агата Кристи, конечно, оттолкнулась от героини Грин, правда, очень сентиментальной и вполне эпизодичной личности. Убрать сентиментальность нетрудно, но что при этом может получиться, показывает героиня Патриции Вентворт — мисс Сильвер. Она впервые упомянута в 1928 году, годом позже мисс Марпл, но очень невнятно, даже без указания возраста, а расцвела после 1937 года, уже под прямым воздействием героини Агаты Кристи. П. Вентворт это честно признала, упоминая в своих романах мисс Марпл как подругу мисс Сильвер: по той же причине, по которой сама Агата Кристи вспоминала доктора Уотсона — во избежание преследования за плагиат. Мисс Сильвер вяжет носки, она тиха и тактична, но... она профессиональный детектив! бабушка-наемница! Это обесмысливает образ старой девы, делает его карикатурным и просто неприятным. Помимо этого, ее «гениальность» проявляется в способности допросить служанку, лично видевшую преступление, что не приходит в голову дегенеративным полицейским! Увы, герой не может быть умнее автора.

Мисс Марпл никогда не получала ни пенса за свои расследования (кроме завещанных ей другом и соратником 20 тысяч фунтов в последнем романе «Немезида»). Чаще всего ею движут чувство общественного долга, деятельное стремление к восстановлению справедливости, желание помочь друзьям, иногда просто любопытство, но рожденное не скукой, а активным восприятием жизни. Агата Кристи явно ее любила и уважала. Романы с ее участием не столь лаконичны и стройны по композиции, как романы про Пуаро. Они мягче и уютнее по обстановке, в них менее яркие сюжетные перипетии. Мисс Марпл часто произносит внутренние монологи, вздыхает о прошлом, сожалеет о поведении современной молодежи, — все как положено тихой старушке. В романах пятидесятых годов она сравнилась

возрастом с Агатой Кристи и отчасти стала ее вторым «я».

Мисс Марпл отличается проницательностью. Она способна разрушить алиби преступника на основании улики, но чаще просто верно судит о людях, их поступках, об окружающем мире, что и приносит плоды в ее борьбе со злом. Ее проницательность проявляется не только в сфере расследования преступлений, а буквально во всем. Много ли пожилых людей повторят ей вслед: «В каком-то смысле, конечно, весь мир стал не тот, что был раньше. Можно винить в этом войну (и одну, и другую) или молодежь, или то, что женщины стали работать, или атомную бомбу, или хоть то же правительство, — но все это значило просто-напросто, что наступает старость». Агата Кристи написала эти строки в свои семьдесят два года (роман «Зеркало треснуло»). Если эту простую истину понимала мисс Марпл, ее понимала и писательница. Герой не может быть умнее автора...

Как бы ни были интересны Пуаро и мисс Марпл, все-таки интереснее задуматься о личности их создательницы. Собственный образ, который Агата Кристи создает в «Автобиографии», остро противоречит образу автора, возникающему в умах читателей при чтении ее романов. Тихая, робкая, крайне застенчивая, неуверенная в себе и в своей оценке людей, подчиняющаяся любому давлению, любым обстоятельствам, — неужели впрямь такова была в жизни Королева детектива? Косноязычие и застенчивость нисколько не противоречат писательскому таланту, даже ему способствуют. Но кое о чем она умолчала, либо сама этого в себе не понимала. Вспомним, как с детства любила она математику, как даже ради развлечения отправлялась на курсы бухгалтерии (вместо более полезных курсов домоводства или более приятных театральных кружков). Ей в высшей степени свойственны математичность мышления и предельный рационализм. А это уже качества, ярко проявляющиеся в ее творчестве. Даже в мистических рассказах поражает реалистичность ее восприятия мира. Весьма сомнительно, чтобы мистика хоть на миг ее увлекла, а не использовалась просто ради привлечения читателей. Склонность первого жениха к теософии тогда же оттолкнула ее, она не раз иронично развенчивала спиритизм. И хотя она описывала страхи разных героев, кажется, что самой ей *понимание* страха абсолютно чуждо. Поэтому ее персонажи никогда не впадают в истерику или в состояние аффекта,

никакие крайние обстоятельства не заставляют их терять голову или лицо. А ведь даже рафинированным аристократам Дороти Сейерс не чужды всплески бурных страстей.

Хладнокровный тон Агаты Кристи объясняется не столько ее личной бесчувственностью — ее поведение в тягостных обстоятельствах противоречит такому предположению, — сколько ее стремлением к четкому, словно бы научному анализу самых сложных психологических состояний. Если ей случалось описывать чувства, которые она не понимала, она их просто констатировала без пояснений (как в «Розе и тисе»), если же понимала, то четко препарировала, даже на собственные эмоции глядя как бы со стороны.

Такая способность отстраненно смотреть даже на самую активную свою деятельность удобна ее обладателю, хотя малопривлекательна для окружающих. Для писательского успеха она не обязательна: слава богу, писателем, как футболистом, может стать человек любого склада! Но для детективного творчества она, видимо, желательна: недаром великие предшественники Агаты Кристи — Эдгар По и Конан Дойл — обладали ею в полной мере и передавали своим героям. Герой По с отстраненным интересом наблюдает даже свою гибель в пучине Мальстрема, а уж научность мышления Дюпена и Холмса не нуждается в комментариях. Возможно, причина предпочтительности именно такого взгляда для популярности автора криминальной истории просто в том, что большая часть публики не склонна всерьез сопереживать преступникам, жертвам, полицейским или подозреваемым. Вместе с тем полная отрешенность от реальности и человечности в духе Дюпена делает персонаж неприятным читателям и потому непопулярным. Конан Дойл в своем Холмсе нашел золотую середину, — и его великий сыщик навсегда стал эталоном. Агата Кристи продолжила эту традицию.

При всей отстраненности ее авторской позиции, передающейся и читателям, общая гуманистическая направленность ее творчества не подлежит никакому сомнению. Почти христианская — или детская — вера в конечное торжество Добра, пренебрежение любыми сантиментами во имя вечной ценности Справедливости, решительная поддержка слабых против виновных в преступлениях сильных мира сего — все эти характерные особенности детективной «сказки для взрослых» вполне обычны. Но у Королевы детектива они подкрепляются жесткой логичностью и математичностью доказательств их безусловной правильности. Именно эта *закономерность* победы над злом придает ее идеалам особую весомость. И неопровержимость.

И невозможно поверить, что сама она недооценивала глубинную гуманистическую ценность своего труда, что впрямь ставила его невысоко, словно пустое развлечение. Будь это так, она бросила бы писать тогда, когда родное государство подвергло ее наихудшему преследованию, какое может выпасть человеку в цивилизованном обществе, вынуждая прекратить всякую деятельность! А она не сломалась, она боролась до последнего вздоха за себя, за свою миссию — ради своих читателей. Но эти страницы ее жизни еще впереди...

Глава восьмая

ЗЛО ПОД СОЛНЦЕМ

1

Слава Агаты Кристи стояла в зените, личная жизнь миссис Маллоуэн складывалась вполне удачно. В доме на Шеффилд-террас она даже устроила себе кабинет:

«Мне хотелось иметь угол, где никто бы меня не беспокоил. В комнате не должно быть телефона — только большое пианино, крепкий большой стол, удобная софа или диван, стул с высокой прямой спинкой, чтобы печатать на машинке, и одно кресло, в котором можно расслабиться, — больше ничего. Я купила большой „Стейнвей“ и несказанно наслаждалась своей комнатой. Пока я находилась в доме, на моем этаже запрещалось пользоваться пылесосом, и даже если бы поблизости случился пожар, я бы пальцем не пошевелила. Впервые в жизни у меня появился собственный уголок, и я блаженствовала в нем пять или шесть лет, вплоть до момента, когда во время войны дом разбомбили. Не могу понять, почему я никогда больше не устраивала себе кабинета. Наверное, потому, что привычка работать за обеденным столом или на углу умывального столика слишком въелась в меня».

Дом на Шеффилд-террас был счастливым, «дом Макса» в Уоллингфорде доставлял удовольствие обоим супругам. А тем временем «дом Агаты» — Эшфилд — хирел с годами. Кроме школы, рядом, на месте бывшей виллы соседей, устроили лечебницу для душевнобольных (через дом от школы?!). Обитатели этого заведения временами оказывались вдруг в саду Эшфилда, прогоняя тени прежнего, мешая видеть там маленькую Агату Миллер, скатывающуюся с холмика на деревянной лошадке. Эшфилд становился насмешкой над самим собой.

А тут вдруг в 1939 году выставили на продажу самую красивую усадьбу Торки, стоявшую на берегу реки Дарт, — Гринуэй. Еще мать Агаты восхищалась этой усадьбой и ее великолепным садом и парком.

Классический белый георгианский особняк был, как водится, испорчен викторианскими пристройками. Но его продавали баснословно дешево — за шесть тысяч фунтов (в 2000 году он стоил пять с лишним миллионов)! Такие деньги легко было найти, и Макс упросил жену купить дом, продав потерявший привлекательность Эшфилд. Агата сомневалась, ведь в ее детстве владельцы Гринуэя имели совсем иной социальный статус, чем хозяева вилл в Торки, и ее мать даже не мечтала проникнуть в мир родовитой знати. Ей ли стремиться к недостижимому? Макс настаивал. Правда, его привлекал не статус, не дом, не желание сделать ей приятное. И она это понимала:

«Я знала, что Макс никогда по-настоящему не любил Эшфилд. Он мне этого не говорил, но я чувствовала. Думаю, он немного ревновал меня к нему, потому что Эшфилд был той частью моей жизни, в которой его еще не было, — то была только моя жизнь».

Эшфилд продали. В тот момент девочка, выросшая в нем, ощущала себя взрослой и счастливой, не чувствовала потребности цепляться за память прошлого, — а может быть, была даже рада расстаться с местом, где ей пришлось пережить смерть матери, признание Арчи в любви к другой и все ужасы 1926 года. Думала ли она, что когда-нибудь горько пожалеет о том, что предала родное гнездо, отдала его в чужие руки, погубила навсегда? Но тогда она гордилась собой. На заработанные собственным трудом деньги она купила недоступный родителям Гринуэй, вернула ему классические пропорции, устроила внутри современные ванны. Она превратилась в леди из поместья. И на этом душа Агаты Миллер, каждую неделю устраивавшей переезды в машинке из коробки на веревочке, успокоилась. Больше переезжать было некуда, она достигла вершины.

И тут началась война.

Она началась не так внезапно, как первая, началась не сразу и не в Лондоне. В Гринуэй переехали маленькие дети подруги новой хозяйки, подальше от ожидаемых бомбежек столицы. Но первым подверглось бомбардировкам именно южное побережье.

«Дэвид Маклеод, в высшей степени смысленный мальчик, был без ума от самолетов и прилагал огромные усилия, чтобы научить меня различать их марки. Однажды, глядя в небо, он

заметил:

— Над нами летит „мессершмитт“.

— Нет, дорогой, — возразила я, — это не „мессершмитт“, это наш самолет, „харрикейн“.

— Это не „харрикейн“.

— Ну, значит, „спитфайр“.

— Это не „спитфайр“, это „мессершмитт“. Разве ты не можешь отличить „харрикейн“ или „спитфайр“ от „мессершмитта“?

— Но это не может быть „мессершмитт“, — сказала я. В этот самый момент на склон холма упали две бомбы.

Дэвид, чуть не плача, укоризненно сказал: „Я же говорил тебе, что это „мессершмитт“, а ты не верила!“».

Дети уехали, но и война как бы ушла вслед за ними. Торки больше не бомбили, зато теперь бомбы падали повсюду в Англии. Даже в тихий Эбни, дом Уотсов, свалилась маленькая бомба и, не разорвавшись, мирно улеглась перед камином рядом с ковриком недоумевающей собачки. Мэдж не знала, смеяться ей или пугаться. Но в Чешире такие случаи были скорее забавным эпизодом. Для Лондона же начались два страшных года «Битвы за Англию». Дом на Шеффилд-террас пострадал от взрывной волны так, как дом в романе «Берег удачи»: развалились нижний и верхний этажи, а средняя часть уцелела. Маллоуэнам пришлось переехать в съемную квартиру, и менять жилье пришлось еще много раз за годы войны.

Бомбежки сделались атрибутом повседневности. Агата никогда не спускалась в убежище, опасаясь оказаться заживо погребенной под развалинами дома: проще умереть сразу. Но некоторые меры предосторожности она принимала: «Ложась спать, я прикрывала голову подушкой на случай, если посыплются выбитые стекла, а на кресло, рядом с кроватью, клала самые дорогие свои пожитки: шубу и резиновую грелку — вещи совершенно незаменимые по тем холодным временам. Таким образом, я была готова к любым превратностям». Заслышав очередной вой сирен и грохот снарядов, она бормотала сквозь свой всегдашний крепкий сон «Боже, опять!» — и засыпала снова.

Удары наносили не только немецкие снаряды. Она было предоставила Гринуэй интернату, вроде описанного в «Испытании невиновностью», но вдруг Адмиралтейство поставило владелицу перед фактом, что поместье реквизируется для нужд флота и дети должны немедленно выехать. Миссис Маллоуэн и занявшая ее дом миссис Арбатнот пытались протестовать,

объясняя, что дети просто окажутся выброшенными на улицу, что надо дать им время хотя бы найти другое помещение. Но поскольку это грозило конфронтацией с Адмиралтейством, Министерство здравоохранения их не поддержало, детям пришлось уступить свое место американским офицерам.

«Можете не сворачивать ковры, к Рождеству все закончится!» Но миссис Маллоуэн убрала все полностью, хотя и не рассчитывала, что дом уцелеет от бомбежек или от самих военных. Вдобавок и дом в Уоллингфорде уже был забит эвакуированными, а когда те вернулись в Лондон, его сняли знакомые — пожилой инвалид с женой, к которым присоединилась их дочь с ребенком. Свободных домов, куда можно было бы переехать из Лондона, у Маллоуэнов не осталось.

2

Военный быт наладился довольно быстро. Агату коробило, что продовольствие распределялось не только по карточкам, как в первую войну, но было доступно в любом количестве за большие деньги. Эти деньги у нее имелись, но она не пользовалась преимуществом богатого человека, постыдным в условиях национальной драмы. Бывают моменты, когда единство народа не должно подрываться имущественными различиями! Она питалась преимущественно картошкой и тем, что посылали друзья из более спокойных уголков страны, почитая за неслыханную роскошь обычную копченую треску.

Макс был официально приписан к Министерству авиации, где требовались его знания топографии Востока, но, вероятно, пришелся кстати и где-то еще благодаря знанию арабского языка, и в конце концов после многих усилий получил назначение на театр военных действий, куда-то в Северную Африку^[15]. Жена порадовалась за него, проводила племянника Джека в памятный ей Иран, а сама вернулась к прежней профессии фармацевта и поступила провизором в аптеку при госпитале. Розалинда, к неодобрению матери, не торопилась поучаствовать в войне. Может быть, в память отца, она подала заявление в Женские вспомогательные воздушные силы, но без всякого внутреннего воодушевления: «Нужно же что-то делать, а эта работа не хуже других». После такого объяснения ей отказали в приеме на службу. Потрудившись немного то там, то сям, она заполнила бумаги для поступления в военное училище: «Там не так любят командовать, как в летных частях». Однако

еще не ушли бумаги, как она огорошила мать новым заявлением:

«— Сегодня утром я порвала все эти анкеты. В конце концов, мне вовсе не хочется работать в этом военном училище.

— Послушай, Розалинда, — грозно сказала я. — Так или иначе, но надо что-то решать. Мне все равно, чем ты займешься — выбери, что нравится, но перестань без конца рвать документы и начинать все сначала.

— Ну что ж. Я придумала кое-что получше, — ответила она и с крайней неохотой, с какой молодежь ее поколения вообще делится с родителями какой бы то ни было информацией, добавила: — В следующий вторник я выхожу замуж за Хьюберта Причарда».

Независимая, резковатая по манерам современная девица, к удивлению, устроила свою судьбу самым достойным образом. Это не был скоропалительный брак военных лет без мысли о будущем, как у ее родителей. Со своим избранником она познакомилась в доме любимой тети Москитик, куда он приехал как друг ее сына Джека. Хьюберт происходил из обеспеченной и приличной семьи владельцев огромного особняка в Уэльсе, увлекался разведением собак грейхаундов и даже носил монокль, — ничего лучшего не вообразить. Разумеется, никаких возражений брак вызвать не мог, Агата его не ожидала, но шоком событие ни в коем случае не стало.

«— Я приятно удивлена, что ты заранее уведомила меня о свадьбе, а не поставила перед свершившимся фактом.

Розалинда покраснела, и я догадалась, что попала в точку.

— Полагаю, это Хьюберт заставил тебя мне сообщить?

— Ну... В общем да, — ответила Розалинда. — Он напомнил, что мне нет еще двадцати одного года.

— Ну что ж, — сказала я, — придется тебе смириться с моим присутствием на свадьбе.

Было в Розалинде что-то „устричное“, что всегда меня забавляло, и в тот момент я тоже не удержалась от смеха».

Арчи Кристи давно уже не существовал в жизни дочери, никто и не вспомнил о нем, на свадьбу его не пригласили, но отцом он числился и вопрос о нем неожиданно всплыл, когда в Бюро записи актов гражданского

состояния состоялась церемония с желаемым невестой «минимумом суеты». Регистратор не поверил в звание отца Розалинды: полковник Арчибалд Кристи, кавалер ордена «За безупречную службу», истребительный полк Военно-воздушных сил Великобритании.

«— Если он служил в Королевских военно-воздушных силах, он не может быть полковником, — сказал регистратор.

— Тем не менее он полковник, — твердо ответила Розалинда, — его звание указано верно.

— Он должен называться командиром эскадрильи, — настаивал регистратор.

— Но он не называется командиром эскадрильи, — Розалинда изо всех сил старалась втолковать, что двадцать лет назад все было по-другому и Королевских военно-воздушных сил еще не существовало. Регистратор твердил свое: летчик не может называться полковником. Тогда мне пришлось удостоверить „показания“ Розалинды, и в конце концов регистратор с крайней неохотой записал звание Арчи так, как мы говорили».

3

В 1942 году Англии стало легче: уже воевал СССР, наконец вступили в войну и США. Да и сама Англия привыкла к иному существованию или, во всяком случае, привыкла Агата Маллоуэн: «Происходящее вокруг стало представляться уже не кошмаром, а чем-то обыденным, казалось, что так было всегда. Обычным, в сущности, стало даже ожидание того, что тебя могут скоро убить, что убить могут людей, которых ты любишь больше всего на свете, что в любой момент ты можешь узнать о гибели друзей. Разбитые окна, бомбы, фугасы, а позднее крылатые бомбы и ракеты — все это воспринималось не как нечто из ряда вон выходящее, а абсолютно в порядке вещей. Война шла уже три года, и все это стало нашей повседневностью. Мы не могли даже представить себе жизнь без войны».

На Рождество 1942 года Хьюберт Причард получил отпуск — прямо как в первую войну, когда обе армии распускались на праздники! Опять только Восточный фронт не знал каникул... А 21 сентября 1943 года у Розалинды родился сын Мэтью. Надо признать, что женщины, способные родить ребенка в 1943-м, обладали исключительно устойчивой психикой, не подверженной стрессам военных лет! Бабушка не присутствовала при

появлении внука на свет: дочь отправилась рожать под крылышко любимой тети Москитик, чем та была горда и счастлива. Но война многое изменила. В условиях нехватки врачей родильные дома перестали рассматриваться как заведения, куда приличным леди не следовало ложиться. Малыш появился на свет в роддоме около Эбни, а послеродовой период, оказавшийся крайне тяжелым, Розалинда провела в самом Эбни. Война ворвалась в его быт самым решительным образом: вместо шестнадцати человек прислуги у Мэдж осталась единственная приходящая кухарка! В шестьдесят лет ей пришлось учиться все делать самой и по дому, и в саду. Но то была Москитик! Словно динамо-машина, она носилась по дому и все успевала. Младшая сестра во время своих визитов поражалась неведомо откуда взявшимся трудолюбию и умелости старшей:

«Она все тогда делала сама — вытирала пыль, прибирала, подметала, разжигала камин, начищала медные ручки, до блеска натирала полированную мебель, а потом подавала всем ранний чай. После завтрака она чистила ванны и застилала постели. К половине одиннадцатого все в доме блестело, и она мчалась в огород, где росло много молодой картошки, гороха, фасоли, пищевых бобов, спаржи, моркови и прочих овощей. Ни один сорняк не смел поднять голову у Москитика в огороде. Никакой сорной травы никогда никто не видел и на розовых клумбах и цветниках, окружавших дом».

Хьюберт сумел приехать по случаю рождения сына и, как и его жена, лопался от гордости при виде крепкого карапуза. Но Розалинде требовалась серьезная врачебная помощь, пришлось на короткий срок перевезти ее в Лондон, где временно ослабли бомбежки (все силы Германии ударили по СССР в судорожной попытке отстоять свой «восточный вал»). Не успели они с Мэтью обосноваться в конюшенном домике, как бомбардировки снова усилились (обреченность восточных усилий рикошетом ударила по Западному фронту, где Германия еще надеялась на успех). К защите новорожденного от возможной гибели его мать и бабушка подошли несколько легкомысленно, хотя, возможно, иного выхода и не было: «Каждый вечер мы находились в состоянии полной готовности. Как только звучала сирена, мы быстро совали Мэтью с его переносной кроваткой под большой стол из папье-маше с толстым стеклом наверху — это была самая тяжелая вещь, какую мы нашли для его прикрытия. Молодой матери такие переживания давались тяжело». К счастью, вскоре оправившаяся Розалинда

сумела уехать с малышом и няней в валлийский особняк Причардов, безопасный и абсолютно пустой: ее свекор умер, свекровь уехала, Хьюберт участвовал в высадке в Нормандии.

И пропал без вести.

«Мы, конечно, надеялись — человек всегда надеется, — но, думаю, в глубине души Розалинда *знала*. Она тоже из тех, кто всегда ожидает худшего. Да и было в Хьюберте нечто — не то чтобы печальное, но что-то во взгляде, во всем облике, что наводило на мысль: долгая жизнь ему не суждена.

В течение многих месяцев никаких новостей о Хьюберте не было. То известие, которое наконец пришло, Розалинда, скорее всего, получила на сутки раньше, чем сказала мне о нем. Держалась как обычно — она всегда была человеком огромного мужества. В конце концов, с неохотой, но зная, что сделать это все равно придется, она резко сказала: „Тебе, наверное, надо прочесть это“ — и протянула телеграмму, в которой сообщалось, что Хьюберт теперь уже определенно числился среди погибших в бою.

Печальнейшая вещь на свете — находиться рядом с любимым человеком, знать, как он страдает, и быть не в состоянии ему помочь. Это трудно пережить. Можно облегчить физические страдания, но унять сердечную боль почти невозможно. Вероятно, я ошибалась, но считала лучшим, что могу сделать для Розалинды, — как можно меньше говорить, продолжать жить как прежде. Во всяком случае, я бы на ее месте желала именно этого: чтобы меня оставили в покое и не усугубляли моего горя. Думаю, она чувствовала то же самое, но никогда нельзя быть уверенным, что лучше другому. Может быть, ей было бы легче, если бы я более открыто выражала свои материнские чувства. Инстинкт ведь тоже может подвести. Всегда боишься причинить боль любимому человеку, сделать что-то не так. Кажется, знаешь, как следует поступить, но разве можно сказать наверняка?»

Да, Агата Кристи никогда не выражала свои материнские чувства, Розалинда к ним с младенчества не была приучена и никогда их не ждала, — а правильно ли это было, другой вопрос... На Розалинду свалилось слишком многое сразу: потеря мужа, явная послеродовая депрессия,

большая и непривычная работа по дому, которой она предавалась с излишним рвением новичка, одиночество вдали от лондонских друзей. Тяжелее всего оказалась полная невозможность поделиться с кем-то своей болью. Она по своему закрытому характеру никогда не имела близких друзей, никогда в них прежде не нуждалась, придумать их себе, подобно матери, не умела. А мать не давала возможности выплакаться у нее на плече... И сперва для восстановления сил и нервов, потом ради забвения, а там и в силу привычки Розалинда начала пить. (Только не надо это представлять на русский манер, опустившейся алкоголичкой она никогда не стала!) И с этих же пор началось ее более активное — пока только в переписке — общение с отцом. Она делала это втайне от матери, вероятно, втайне и от его второй жены. Встретились отец и дочь только после смерти Нэнси Нил в 1956 году.

В годы войны, оставшись одна, свободная от домашних дел, кроме короткого периода заботы о дочери, и от прекратившихся светских мероприятий, Агата Кристи написала невероятно много. Творчество отвлекало от кошмара реальности, непрерывная занятость снимала стресс: «Я была занята по горло: работала в больнице два полных дня, три раза в неделю — по полдня и раз в две недели — утром, по субботам. Все остальное время писала. Я решила работать одновременно над двумя книгами, потому что, если работаешь только над одной, наступает момент, когда она тебе надоедает и работа застопоривается. Приходится откладывать рукопись и искать себе на время другое занятие — но мне нечем больше заняться, у меня нет ни малейшего желания сидеть над пальцами. Я полагала, что, если буду писать сразу две книги, попеременно, смогу постоянно оставаться в форме».

Она с самого начала отказалась от работы пропагандистом, хотя ее просил об этом глубоко уважаемый ею Грэм Грин. Она не чувствовала в себе способности настраивать публику на единственно допустимую точку зрения. Но в понятной ей сфере она делала действительно много и для души, и для читателей. Для души она воскресила Мэри Уэстмакотт, о чем уже шла речь, и написала сборник веселых рассказов о жизни археологов в Сирии «Расскажи мне, как ты живешь». Друзья-археологи резко возражали против легкомысленного тона при описании их наиважнейшей работы, издатели с ненавистью встречали ее Мэри, но Агата Кристи твердо

отстаивала свое право писать о том, что ей дорого. Она хотела сохранить для потомков счастливые дни своей жизни с Максом, — и ссылки его коллег на то, что он был бы недоволен, на нее не действовали. Она чувствовала потребность задуматься о своей жизни, — и издатели с их отвращением к ее задушевной подруге были ей не указ.

Издатели напрасно беспокоились, что она совсем забросит детективное творчество. Своих поклонников она порадовала двенадцатью романами, вышедшими за пять военных лет (плюс двумя отложенными в сейф на «постмортем»). Очень немало! А ведь многие ее собратья по перу совсем не могли трудиться в тяжелых и нервных условиях. Ей же условия не мешали, а даже подхлестывали энергию. И только один роман касался шпионско-военной темы — «Н. или М.?» с Томми и Таппенс. Агата Кристи сразу поняла, как поняли это театральные деятели и кинематографисты всех стран, что в ужасных испытаниях мировой войны люди *не желают* встречать трагедии настоящего в художественном изложении. Им нужно *отвлечься* от реальности, вспомнить о лучших сторонах бытия, за которые они и сражаются! Фильмы на военную тематику имели по возможности комедийную окраску. В театрах шли мюзиклы. В СССР внеочередное право на билеты в оперетту имели офицеры накануне отправки на фронт.

И Агата Кристи писала о довоенном мире, правда, не всегда веселом, но хотя бы человечном. А в 1945 году, когда все неимоверно устали от страшной современности, увела читателей в Древний Египет, где было тоже страшно, но страшно *по-иному*.

Но к концу войны и она устала. Ей все чаще хотелось какой-то деятельности, прямо связанной с войной, хотелось отправиться к Максиму в Северную Африку... Однако в 55 лет на это рассчитывать было бессмысленно. Только ждать и ждать окончания войны. Война для нее закончилась раньше, чем для всего мира: в вечер, когда вернулся Макс.

«Я съездила на выходные в Уэльс к Розалинде и вернулась в воскресенье ночным поездом. Это был один из ужасных поездов военного времени, чудовищно холодный и конечно же доставлявший пассажиров на Паддингтонский вокзал в час, когда уже ни на чем никуда нельзя было добраться. Я села на другой, случайно подвернувшийся поезд, который в конце концов довез меня до какой-то станции в Хэмпстеде, не слишком далеко от моего дома на Лоун-роуд; оттуда я шла пешком, неся привезенную из Уэльса копченую рыбу и чемодан. Усталая и замерзшая, добравшись до дома, я начала одновременно зажигать

газ, снимать пальто и распаковывать вещи. Бросив рыбу на сковородку, я услышала внизу, у парадной двери какой-то щелчок и заинтересовалась, что бы это могло быть. Выйдя на балкон, взглянула вниз, на крыльцо. По ступенькам поднималась фигура, с ног до головы обвешанная каким-то лязгающими предметами — словно карикатура на бравого Билла времен Первой мировой войны. Может, самым подходящим сравнением для нее было бы сравнение с Белым Рыцарем. Трудно представить себе, что можно так чем-то обвешаться. Но сомнений в том, кто это, быть не могло — мой муж! Уже через две минуты все мои страхи — что он переменялся, что все будет теперь по-другому — рассеялись. То был Макс! Словно он уехал только вчера и вот вернулся. Мы вернулись друг к другу. Ужасный запах подгоревшей рыбы достиг наших ноздрей, и мы бросились в квартиру.

— Что, черт возьми, ты готовишь? — спросил Макс.

— Копченую рыбу, — ответила я. — Хочешь? — Мы взглянули друг на друга. — Макс, — сказала я, — ты же стал килограммов на пятнадцать тяжелее!

— Около того. Но и ты не похудела, — добавил он.

— Это потому, что ела одну картошку, — попыталась оправдаться я. — Когда нет мяса, приходится есть слишком много картошки и хлеба.

Вот так. На двоих у нас было теперь килограммов на двадцать пять больше веса, чем когда он уезжал. Казалось бы, должно было быть наоборот.

— Я думала, что жизнь в пустыне скорее способствует похуданию, — заметила я.

Макс ответил, что пустыни вовсе не способствуют похуданию, потому что там нечего делать, кроме как сидеть, есть жирную пищу и пить пиво.

Какой это был чудный вечер! Мы ели подгоревшую рыбу и были счастливы!»

Пять лет войны словно стали перерывом в ее жизни. Она долго говорила, что «нечто случилось пять лет назад», хотя с тех пор минуло десять: война в счет не шла. Послевоенная атмосфера не раз описана в ее

романах. Англия, на чью землю не ступили гитлеровские войска, пострадала гораздо меньше оккупированных стран. Но ее победа обернулась поражением. СССР, понесший неслыханные потери, ценой безмерных усилий вышел из войны сверхдержавой. Англия потеряла Империю — и себя. Прежняя жизнь стремительно разрушалась, Америка ломала британские традиции быта и нравов, цены и налоги взлетали вверх, чтобы уже никогда не упасть. Не было той эйфории от победы, которая потрясла Агату Кристи в ноябре 1918 года. И не стоит удивляться, что герой-победитель премьер-министр Черчилль потерпел сокрушительное поражение на первых же послевоенных выборах: страна, оставив позади ужас войны, голосовала против послевоенного ужаса.

Адмиралтейство вернуло Гринуэй в канун Рождества 1944 года в наихудшем виде. Хозяйке пришлось долго бороться в министерских коридорах и кабинетах за восстановление дома хоть частично за казенный счет. Но кое-что она сохранила как память о войне: «В Гринуэе у меня есть собственный военный музей. В библиотеке, которую во время постоя превратили в столовую, по верхнему периметру стен кто-то из постояльцев сделал фреску. На ней изображены все места, где побывала эта флотилия, начиная с Ки Уэста, Бермуд, Нассау, Марокко и так далее, до слегка приукрашенной картины лесов в окрестностях Гринуэя с виднеющимся сквозь деревья белым домом. А дальше — незаконченное изображение нимфы — очаровательной обнаженной девушки, которая, полагаю, воплощала мечту этих молодых людей о райских девах, ждущих их в конце ратного пути. Их командир спросил у меня в письме, желаю ли я, чтобы эту фреску закрасили и сделали стены такими, как прежде. Я тут же ответила, что это своего рода исторический мемориал, и я очень рада иметь его в своем доме. Над камином кто-то сделал эскизы портретов Уинстона Черчилля, Сталина и президента Рузвельта. Жаль, что я не знаю имени художника».

Теперь она устраивалась в поместье на всю оставшуюся жизнь. Расчищала одичавший сад, расставляла мебель. То были приятнейшие хлопоты, успокаивавшие истерзанные нервы. Она снова чувствовала себя леди, замужней женщиной, просто человеком в человеческом окружении. Правда, правительство начало отравлять покой граждан бесчисленными анкетами, очень долго не снимались ограничения на продукты и предметы первой необходимости, прислуга исчезла как класс, в обществе царил депрессия. Думать об экономике или политике вовсе не хотелось. И мучительно билась мысль, что война окончилась — и никаких проблем не разрешила! жертвы оказались напрасными.

Но писатель в лучшем положении, чем его сограждане. Он может выплеснуть боль и тоску на бумагу. И тут одной Мэри Уэстмакотт недостаточно. Агата Кристи смотрела на героев войны, безуспешно пытавшихся втянуться в мирную жизнь, и нет-нет да вспоминала первого мужа, чьи послевоенные страдания некогда прошли незамеченными ею. Как сложилась бы его судьба, окажись он молодым в новых условиях? У нее не было оснований вспоминать Арчи добром, но кое-что, непонятое прежде, хотелось переосмыслить. И она написала «Берег удачи».

Зато в другом отношении писатель уязвим. Налоговые службы всех стран зверствовали, изыскивая любые источники пополнения истощенной казны. Еще во время войны ее счета в США были заморожены, хотя проценты по налоговым требованиям американских властей за прошедшие десятилетия с нее требовали! В Англии же на Агату Кристи обрушилась чудовищная налоговая ставка — в 18–19 шиллингов с фунта!! Такая фантастическая ставка (всего в фунте 20 шиллингов) была установлена для однократных значительных доходов, а не для постоянно высоких зарплат. По этой причине представители свободных профессий жили под «прикрытием» адвокатских контор, театров, лицензий частных детективов, что давало им налоговые льготы как предпринимателям или служащим. Но писатель считался лицом *неработающим*! Люди, на которых держался книгоиздательский бизнес (входящий, между прочим, в «большую пятерку» самых прибыльных занятий), не имели профессионального статуса. Художники его обычно тоже не имели, но картина — произведение однократное. Авторские же права писателей налоговый департамент рассчитывал не с рассказа или романа, а с их тиража! то есть считал один рассказ за 20 тысяч рассказов! Для женщины, которая жила *только* на гонорары за многотиражные издания и продажу авторских прав, это было равносильно требованию просто перестать что-то писать! Грустно читать, какой ужас у ее агента Эдмунда Корка вызывала перспектива клиентки получить более 100 тысяч фунтов за год, что поднимало ставку налога еще выше!

Но словно этого мало, налоги на американские доходы, которые она выплатила в США по таким же кошмарным ставкам, в Англии не засчитали! Это значило, что она обязана выплатить их еще раз на родине и, следовательно, не только не получить никаких денег, а еще остаться должницей. И любые новые поступления — а они текли широким потоком — лишь увеличивали ее задолженность в астрономической профессии. Королева детектива была одна на весь свет, но чиновникам, как обычно, не было до этого дела, они даже не пытались привести ее конкретную

ситуацию к нормальному решению, подчистую отбирая все, ею зарабатываемое. Нет смысла теперь вникать в этот финансовый бред, достаточно сказать, что отныне до конца дней она жила под бременем налогового террора. Виноват ли в том ее агент Корк, чьи обязанности в ту пору вышли за пределы его компетенции литературного помощника автора, или виновато ее неумение сводить расходы с доходами, или все тот же Гитлер, — только любой в таких условиях перестал бы работать. И можно с уверенностью сказать, что с этого момента она писала не ради прибыли, а с верой в свой талант, в свое творческое призвание! И с безмерным восхищением склонимся перед ее силой духа, которая спасла нам столько чудесных книг...

Она никогда не теряла оптимизма:

«Я пришла в ярость, узнав об одной французской супружеской паре средних лет. Увидев, что разразилась война, что немцы вступили во Францию и победно маршируют по ней, они не нашли ничего лучшего, как совершить самоубийство. Но это же бессмысленно! Напрасный, достойный сожаления жест! Своим самоубийством они никому не принесли пользы. Между тем могли бы превозмочь тяжкие испытания, борясь за то, чтобы выжить. Сдаваться нельзя до самой смерти!»

Бороться за то, чтобы выживать, приходится порой и в мирное время. В надежде облегчить налоговый гнет она фиктивно продала Гринуэй Розалинде, которая перевела его в ранг садово-огородной компании «Сады Гринуэя» и в самом деле завела там огороды. Американские налоги Эдмунду Корку постепенно удалось зачестить в Англии. Но ставка 18 шиллингов с фунта осталась в силе! За 1954 год Агата Кристи заработала 30 тысяч фунтов, а налог составил 25 100 плюс по 25 800 за два предшествующих года! Абсурд! даже если не учитывать прошлогодние задолженности, вычитание 90 процентов из гонорара превращало ее в дойную корову налогового ведомства. Требовались радикальные меры. И в 1955 году по предложению Корка была создана компания «Агата Кристи лимитед», контролируемая самой писательницей, где, однако, она имела статус наемного работника на жалованье, обязанного писать романы. Ее зарплата составляла ту же незначительную сумму, что оставалась прежде после вычета налогов, но зато компания имела налоговые льготы. Через два года создали компанию «Авторские права Кристи», которой передали права на почти все ее произведения. Это сделали в интересах ее дочери — в

противном случае налог на наследование авторских прав мог зашкалить за многие миллионы фунтов. Налоговый департамент возмутился потерей своей дойной коровы и запретил законно оформленное спасение, а суд встал на его сторону (еще бы!).

Агате Кристи не посчастливилось, она жила во времена наихудшей налоговой политики. Именно тогда владельцы родовых замков с горечью продавали их Национальному тресту, будучи не в силах платить налоги на наследство и недвижимость. Только в 1980-е годы рейганомика и тэтчеризм ввели здесь некоторые разумные послабления. В конечном счете налоговики вынудили самую популярную и, по видимости, самую богатую писательницу мира продать контрольный пакет всех ее компаний и все свои авторские права компании «Букер Макконнелл» к вящей выгоде этой последней. Комментарии излишни^[16].

И все это происходило на фоне всемирной славы Агаты Кристи. В 1956 году она получила орден Британской империи. Елизавета II дала ей аудиенцию. Ее величество не могла бы пригласить более благодарную подданную. До конца дней та вспоминала свое исполнившееся желание: ужин с Королевой Англии. А другие подданные продолжали грабить Королеву детектива.

Спасением утомленной души миссис Маллоуэн, потерявшей всякое желание иметь дело с алчным современным миром, стало незнакомое доселе удовольствие от общения с растущим внуком. После появления сына Розалинда ясно поняла, что без матери не обойтись. Она никогда не работала, целиком полагаясь в материальном плане на мать и на то, что уцелело от состояния Причардов. Она так и жила с ребенком в огромном валлийском доме, приглашая мать на помощь или отправляя сына к ней в Гринуэй. В ее положении молодой вдовы военного не было ничего привлекательного — таких женщин осталось бесчисленное множество и они перестали встречать особое сочувствие общества. Розалинде посчастливилось. В 1949 году она снова нашла превосходного мужа — Энтони Хикса, — доброго и внимательного к ее семье, состоятельного и обаятельного, адвоката по профессии, ставшего полезным советчиком в условиях финансовой драмы ее матери. Детей от второго брака у нее не было. Проведя достаточно безрадостное детство, она и сама не сумела стать заботливой матерью, по мнению многих, уделяя своим собакам больше внимания, чем сыну. Единственно любимую ею тетю Москитик она с горестью похоронила в 1950 году. И безысходный пессимизм остался с нею навсегда.

Но Мэтью не унаследовал тяжелый нрав и закрытый характер матери.

Он сделался средоточием радостей семьи, объединил вокруг себя всех, кого не соединяли родственные узы. «Он обладал особым даром — чувствовать себя счастливым». Это счастье дарила Мэтью его неисчерпаемая вера в лучшее, столь полезная в послевоенную пору. Он никогда не терял надежды. И его бабушке было отрадно с ним, ее освежал детский оптимизм, — только он поддерживал теперь ее собственный.

К 1948 году мир настолько окреп, что вспомнил о Вечности: начались археологические раскопки. Ирак снова открыл двери англичанам, хотя отнюдь не на прежних благоприятных условиях. Макс Маллоуэн принял кафедру западно-азиатской археологии Института археологии Лондонского университета, работа со студентами его не обременяла, и он мог каждый год организовывать экспедиции. Он по-прежнему мечтал о Нимруде и твердо решил изыскать средства на раскопки. «Это будет открытие, равное открытию гробницы Тутанхамона, — сказал он, — Кносского дворца на Крите и Ура. На такие раскопки и денег просить не стыдно».

Деньги нашлись. Их дали бесчисленные спонсоры, но кроме того, хотя об этом нет ни слова в автобиографии, дала и его жена через свои пожертвования Британской школе археологии в Ираке. И отныне десять лет подряд она ежегодно меняла неброскую роскошь и английский комфорт дома и сада в Гринуэе на постройку из необожженного кирпича посреди пустыни. Экспедиционное помещение состояло

«из кухни, гостиной, столовой, маленькой конторы, реставрационной мастерской, просторного склада, помещений для гончарных работ и крошечного чуланчика (мы все ночуем в палатках)». Все удобства, разумеется, были на улице, нередкий ветер с тучами песка опрокидывал палатки. Спустя два года миссис Маллоуэн за свой счет пристроила к дому «комнатку площадью примерно в три квадратных метра. Земляной пол покрыт циновками и двумя грубошерстными ковриками. На стене — выполненная яркими красками картина молодого иракского художника-кубиста, изображающая двух осликов, бредущих по суку. Есть в комнатке и окошко, через которое открывается вид на снежные вершины восточного хребта Курдистана. Снаружи к двери прикреплена квадратная табличка со стилизованными под

клинопись словами: „Бейт Агата“ (Дом Агаты).

Это мой „дом“, предназначенный для того, чтобы здесь, в полном уединении, я могла посвятить себя литературной работе. По правде говоря, не все здесь способствует сосредоточенному труду. Над головой по крыше с радостными воплями скачут арабские рабочие, весело перекрикиваются друг с другом и переставляют с места на место хлипкие стремянки. Лают собаки, кулдыкают индюки. Позвякивает сбруей лошадь полицейского. Двери и окна не желают закрываться и хлопают на ветру. Я сижу за шатким деревянным столом, а рядом стоит весело раскрашенный жестяной сундучок, неизбежная принадлежность путешествующих арабов. В него я намереваюсь складывать страницы рукописи».

И она складывала! И страницы «Автобиографии», и кипы страниц романов. А между тем ее отвлекала работа по обработке черепков, фотографирование находок, проявление пленок, наклеивание ярлыков, составление каталогов, упаковка... Где-то рядом Барбара Паркер занималась организационным обеспечением раскопок. А Агата Маллоуэн гордо несла бремя жены археолога. Служащие благословляли ее присутствие в Нимруде. Маллоуэн, как привычно в мире археологии, стал диктатором со всеми положенными диктатору срывами и выходками. Но его власть и злость прекращались перед лицом жены, которая обеспечивала приемлемый рабочий климат в экспедиции. И при этом находила время писать. Ей казалось, что ее писательство — нестоящая вещь в сравнении с работой мужа: «Моя — для обывателей, его — для избранных». Не муж ли все же, хотя и неосознанно, внушил ей пренебрежение к своему творчеству? Но именно посреди столь неудобной и неподходящей на сторонний взгляд обстановки, под горячим южным солнцем таяли трагические воспоминания военных лет. Восток успокаивал неспешностью течения жизни, отвлекал от тягостных финансовых проблем на родине, избавлял от чиновников. Прикосновение к Вечности, когда в ее руках оказывались вдруг глиняная собачка древнеассирийских времен или табличка об усыновлении ребенка, или плита с перечнем блюд пира, или головка уродливой женщины, по-иному заставляло отнестись к быстротекущему настоящему. Ремесленные поделки прошлого трогали ее своей человечностью, а всякие споры о пластах и планах раскопа она оставляла профессионалам.

Макс исполнил свою мечту и, к радости жены, опубликовал в 1965

году монографию «Нимруд и то, что в нем сохранилось»^[17]. И она сама почувствовала вдохновение и исполнила давний замысел, написав во время первой же экспедиции «Кривой домишко», а потом, вдохновенно или нет, еще полтора десятка романов. Ей только в Ираке и писалось. Поклонники, ставшие в те годы нередко грубо-навязчивыми, там докучали хоть немного меньше; налоговые дразги там не нервировали; очередная голливудская фантазия с мисс Марпл, жующей резинку, туда не доходила. Гринуэй остался на попечении Хиксов, сама она проводила там со всей семьей обычно только август, лучший месяц в Англии. Остальное время, свободное от полевых экспедиций, они с Максом путешествовали. Она смогла повидать мир, о чем так долго мечтала! Дважды побывала на родине предков в Америке, ездила даже в Индию, а уж Европа в ее самых приятных частях стала ей почти родным домом. За все платила она, хотя вкусы Макса — лучшие отели, роллс-ройс, ужин с вином по десять тысяч франков бутылка (сама она не пила!) — обходились недешево, приводя в бешенство Розалинду, безуспешно пытавшуюся сократить расходы матери.

Дочь никогда не имела того, что в высшей степени было присуще ее матери — умения наслаждаться жизнью. Это наслаждение определялось не внешними обстоятельствами, а внутренним настроем души. Любой возраст дарил ей радости, радости менялись вместе с возрастом, но тем большим было их разнообразие! она открывала для себя все новые поводы почувствовать счастье бытия.

«Я с большим удовольствием пережила вторую молодость, наступающую, когда заканчивается жизнь чувств и личных отношений и вдруг обнаруживаешь, скажем, лет в пятьдесят, что перед тобой открыта полноценная новая жизнь, наполненная размышлениями, открытиями, чтением. Вдруг понимаешь, что теперь посещать художественные выставки, концерты, оперу так же увлекательно, как в двадцать или двадцать пять. Какое-то время назад все силы уходили на личную жизнь, теперь ты снова свободна и с удовольствием оглядываешься вокруг. Можно наслаждаться отдыхом, можно наслаждаться вещами. Ты еще достаточно молода, чтобы получать удовольствие от путешествий по новым местам, хотя уже и не так непритязательна в отношении бытовых условий, как прежде. В тебе словно происходит прилив жизненной энергии и новых идей. Но следом идет расплата надвигающейся старостью: у тебя почти постоянно где-нибудь что-нибудь болит — то прострел в пояснице, то всю

зиму мучает ревматизм шейных позвонков, так что повернуть голову — сущая мука, то артрит в коленках не дает долго стоять на ногах и спускаться под гору — все это неотвратно, и с этим нужно смириться. Зато именно в эти годы острее, чем когда бы то ни было в молодости, испытываешь признательность за дар жизни. Это сродни реальности и насыщенности мечты — а я все еще безумно люблю мечтать».

Только теперь мечты уводили не в будущее, а в прошлое. Она все сильнее и сильнее погружалась в мир детства, память о котором никогда не оставляла ее. Она хотела вспомнить все до последней мелочи, ибо в детстве не существует мелочей. И в том же своем «Бейт Агата» начала писать «Автобиографию», желая запечатлеть только счастливые минуты своей жизни и не желая касаться всего неприятного и болезненного: «Воспоминания — одна из наград, которые приносит возраст, и при этом награда сладостная». Автобиография стала доброй, мягкой идиллией, быть может, не вполне достоверной, но ее писала женщина, предпочитавшая доброту точности.

7

Маллоуэн тем временем проводил действительно интереснейшие раскопки. Их значимость настолько возросла, что иракское правительство провело к Нимруду асфальтовую дорогу. А по дороге двинулись автобусы с экскурсантами, со школьными группами. На археологов свалились лишние заботы: надо было водить приезжих по раскопу и не позволять им свалиться в глубокие ямы.

«Мы умоляли учителей держать детей подальше от них, но те, разумеется, относились к нашим просьбам с обычным арабским „Иншаалла!“, все обойдется! А однажды прибыла группа родителей с грудными детьми.

Роберт Хэмилтон, оглядывая комнату для рисования, где стояли три коляски с пронзительно орущими младенцами, вздохнул и недовольно сказал:

— Это не раскопки, а какие-то детские ясли! Пойду замерять уровни.

Мы все громко запротестовали:

— Ты что, Роберт, ты же отец пятерых детей! Кому же, как не тебе, присматривать за яслями? Не на этих же молодых холостяков оставлять детей!

Роберт смерил нас ледяным взглядом и вышел, не удостоив ответом.

Хорошие были времена! Каждый год отмечен чем-нибудь приятным, хотя, в определенном смысле, жизнь год от года становилась все сложнее, теряла простоту, урбанизировалась.

Что касается самого холма, он утратил былую красоту из-за множества перерезавших его высоких отвалов. Ушло первозданное очарование каменных глыб, торчавших из зеленой травы, напоминавшей ковер, расшитый лютиками».

Конечно, Макс не замечал ущерба природе, любой археолог перекопал бы при подобном замечании его жены. И не замечал, что асфальт привлек не только экскурсантов, но любителей автографов и фотографий с Королевой детектива, которые нагло вламывались даже в ее «Бейт Агата». Но и он заметил, как радостно приветствуют их прежние рабочие, хотя прошло целых пятнадцать — двадцать лет. В памятной Арпачии им навстречу с радостными возгласами выбежала вся деревня, без конца вспоминая давние раскопки и знаменитые скачки.

А однажды она ехала по Мосулу в грузовике:

«Полицейский-регулировщик вдруг поднял свой жезл и с криком: „Мама! Мама!“ — бросился к грузовику, схватил мою руку и бешено затряс ее.

— Какая радость видеть тебя, мама. Я Али — мальчик-официант, помнишь? Да? Теперь я полицейский!

С тех пор при каждой поездке в Мосул я встречала Али, и как только он видел нас, движение на улице замирало, мы приветствовали друг друга, после чего он давал нам зеленую улицу».

Как многие англичане былых времен, подолгу жившие в колониях, Агата Маллоуэн влюбилась в окружавший ее мир, такой непохожий на родную, но тоскливую Англию. Ее восхищали сердечность местных жителей, их безудержное гостеприимство, их громогласность и порывистость. По контрасту смешно было описывать готовившуюся вечеринку в романе «Объявлено убийство», где на половину деревни

приготовили полбутылки хереса и блюдечко сырных палочек. То ли дело Восток!

«Какое счастье иметь таких друзей — добросердечных, простодушных, жизнерадостных, всегда готовых посмеяться! Арабы вообще большие любители посмеяться и славятся своим гостеприимством. Когда бы вы ни проходили через деревню, где живет хоть один из ваших рабочих, он обязательно выйдет из дома, уговорит войти и угостит кислым молоком.

Как я любила этот уголок земли!

Я и сейчас люблю его и буду любить всегда».

Для Агаты Кристи эти строки в «Автобиографии» означали итог: «Если речь идет о жизни, уже все сказано». Но Восток — это и есть Восток. Революция в Ираке 1958 года прервала работу экспедиции. Последний раз Маллоуэнам удалось там побывать ненадолго в 1967 году, после чего время путешествий для них завершилось. Миссис Маллоуэн весила уже почти 100 килограммов, ноги отекали и не держали, хотя здоровье в целом было лучше, чем у Макса, доведшего себя непрерывным курением до инсультов и резко состарившегося на вид. Пришлось осесть в Гринуэ, куда переселилась и Розалинда с мужем, поскольку валлийский дом Причардов перешел к рано женившемуся Мэтью. Признаться, покупка Гринуэ не принесла новой его владелице никаких радостей, кроме чувства удовлетворенного честолубия в течение нескольких месяцев 1939 года. Конечно, войны, исчезновения прислуги и налогового террора она предвидеть не могла, и все же... Горько было думать, что родной Эшфилд, который она так опрометчиво, хотя вроде бы разумно обменяла на Гринуэй, был стерт с лица земли однообразными пригородами разросшегося Торки. Она попыталась найти место, где он стоял... не надо перечитывать эти строки в «Автобиографии»...

Писательница превратилась почти в добровольную затворницу, став чуть не мифом. Она не выступала в печати, крайне редко и неохотно соглашалась давать интервью. Публичность оставалась ей отвратительна, тем более что журналисты редко бывали деликатны. То кто-нибудь спросит, что она помнит о Крымской войне («Я недостаточно стара!»), то попросят перечислить ее откровенно плохие книги («Если бы моя книга оказалась действительно плохой, я бы ее никогда не опубликовала»). Но и журналистам с ней бывало трудно, она так и не научилась говорить о себе и своем деле, что сама понимала, признавала — но не желала изменить:

«Эльза Боукер всерьез взялась учить меня, как вести себя во время предстоявшего интервью.

— Ну, Агата, — воскликнула она с иностранным акцентом своим восхитительным голосом, — я вас не понимаю. Будь я на вашем месте, я бы радовалась и гордилась. Я бы им сказала: „Да, да, заходите, садитесь, пожалуйста! То, что я сделала, замечательно, я знаю. Я лучший автор детективных романов на свете. И этим горжусь. Да, да, разумеется, я вам все расскажу. Я очень талантлива! Я в восторге!“ Если бы я была на вашем месте, я бы чувствовала себя талантливой, я бы чувствовала себя такой талантливой, что без умолку об этом говорила бы.

Я от души рассмеялась и ответила:

— Как бы я хотела, Эльза, на ближайшие полчаса поменяться с вами местами. Вы бы дали прекрасное интервью, и репортеры носили бы вас на руках. А я совершенно не умею вести себя на публике».

В 1968 году ее муж за выдающиеся достижения в области археологии был удостоен рыцарского звания, и она стала леди Маллоуэн. Приятно? но неужели ее собственные достижения, если не в творчестве, то хотя бы в развитии британского книжного бизнеса и экспорта не заслуживали признания? И нельзя уже было ссылаться ей в утешение на настороженное отношение двора к разведенным лицам: ведь Лоуренс Оливье давно стал сэром. Нет никаких сведений, что леди Маллоуэн чувствовала унижение. Она давно уверилась, что работа супруга намного важнее ее, соответственно и вознаграждение должно быть выше. И с пренебрежением относилась к собственному творчеству. Может быть, это пренебрежение было просто защитной реакцией на удары по самолюбию? А впереди ее ждали еще годы жизни, и они оказались заполнены не одним лишь «ожиданием вызова в прихожей у смерти». Почти все радости последних лет она создала себе сама, все удары пришли извне.

Глава девятая

ДРАМА В ТРЕХ АКТАХ

(Драматургия Агаты Кристи)

Акт I. Увертюра

Агата Миллер обожала театр. Чудесные часы детства она провела на дневных спектаклях в Эксетере и Лондоне. Пьесы, на которые водили ее отец и бабушка-тетушка, иной раз были вполне бездарны, но девочка с благодарной радостью смотрела из зала на завораживающий мир сцены, наслаждаясь не содержанием спектакля, а его зрелищностью. Она восхищалась игрой актеров и никогда не забывала, что подростком вместе с мамой успела увидеть великого сэра Генри Ирвинга в бессмертном «Бекете». По правде сказать, она, кажется, с равным удовольствием посещала оперы и мюзиклы, шекспировские постановки и викторианские мелодрамы. И если это не свидетельствовало о ее верном вкусе, зато свидетельствовало о безмерной любви к театру. Она и сама выходила на сцену в любительских операх, поставленных ее соседями в Торки, но, как ни странно, собственные успехи на подмостках не произвели на нее столь же сильного впечатления.

В 1924 году она познакомилась с театральным миром несколько с другой стороны: в Лондонском Королевском театре в Вест-Энде шла пьеса ее сестры Мэдж «Претендент» в постановке прославленного Бэзила Дина. Режиссер выражал такое бурное восхищение гениальностью и великосветскими манерами миссис Уотс, что младшей сестре было о чем задуматься. Она просилась поприсутствовать на репетициях, но Мэдж ее не пустила. (Биографы видели в ее желании побывать на репетициях завистливую надежду убедиться, что пьеса сестры нехороша. Разве невероятно, что страстная любительница театра просто мечтала познакомиться с его закулисной жизнью?) Агата уже опубликовала несколько романов и рассказов, получила за них хорошие деньги, издала за свой счет томик стихов, но тут почувствовала, что читать рецензии, видеть обложки своих книг в магазинах — не то же самое, что лично ощутить непосредственную реакцию живых людей на свое творчество. Ей захотелось написать для театра.

И она написала вполне традиционный шпионский триллер «Черный кофе» с воплощением мирового зла в лице Главного преступника, с Пуаро и молодой парой, успешно побеждающими зло. Позднее эта схема прекрасно работала в фильмах об агенте 007, только с прибавкой всесильного секса. У Агаты Кристи действие строилось только на сюжете, отчего пьеса не показалась сценичной и ее отклонили. Лишь в 1930 году ее поставили в Лондоне с приличным успехом, а в пятидесятые годы, в эру Джеймса Бонда, она вдруг пришлась как нельзя более кстати и шла довольно долго.

Но неудачно попробовавшая себя в драматургии писательница не провидела будущего. И когда после громкого успеха «Убийства Роджера Экройда» продюсер Майкл Мортон предложил ей сделать инсценировку романа, она с удовольствием согласилась, не представляя, на что идет. Пьесу называли «Алиби». Но работа над ней стала кошмаром, который она позднее испытала еще не раз: «Первый вариант мне очень не понравился: Пуаро в нем был лет на двадцать моложе, звали его Красавчик Пуаро, и все девушки в него влюблялись. К тому времени я уже так привязалась к Пуаро, что поняла: это на всю жизнь. Вот почему я яростно возражала против искажения его образа. В конце концов с помощью продюсера Джеральда Дюморье, который поддержал меня, удалось сохранить Пуаро, пожертвовав сестрой доктора».

Первым воплотил Эркую Пуаро выдающийся, даже великий актер Чарлз Лоутон, тогда еще молодой, подвижный и не слишком полный (помните его брызжущего энергией Генриха VIII?), но все равно абсолютно не подходивший на эту роль. Ужасны оказались накладки на премьере: «По ходу действия дворецкий и врач стучат в дверь кабинета, а потом, в нарастающей тревоге, взламывают ее. На премьере дверь взламывать не пришлось — она с готовностью распахнулась прежде, чем кто бы то ни было к ней прикоснулся, и перед изумленными зрителями предстал труп, удобно устраивающийся в посмертной позе». С тех пор Агата Кристи возненавидела премьеры, но тоска по живой реакции публики ее не покидала.

Она написала пьесу «Эхнатон», которая была послана знаменитому соратнику Лоуренса Оливье Джону Гилгуду, но не вдохновила того: он ответил, что в ней мало юмора. Агата Кристи, поразмыслив, сочла, что он прав — юмор возможен и в худшие моменты древнеегипетской истории. Однако Гилгуд, едва ли знакомый с историей фараона-реформатора, просто имел в виду, что сюжет скучноват и растянут. Пьеса увидела свет рампы только 40 лет спустя, по случаю юбилея открытия гробницы Тутанхамона

(племянника Эхнатона), в сильно сокращенном и измененном виде. Зато в качестве слабого утешения писательнице с конца 1920-х годов посыпались один за другим кинофильмы по ее детективным романам, один другого слабее: немецкий «Авантюристы» (по «Тайному врагу», причем немцы восстановили именно первоначальное название романа), экранизации пьес «Алиби» и «Черный кофе», романа «Смерть лорда Эджвейра» и пьесы «Любовь незнакомца» (по рассказу «Коттедж „Соловей“»). Все это были фильмы-однодневки, и Корк напрасно старался ее уверить, что при всей своей слабости они, по крайней мере, поднимают тиражи книг. Она признавала, что, возможно, он прав, но неужели нельзя создать лучшие сценарии?!

Одновременно к ее досаде инсценировали «Замок Чимниз» — меньшее расстройство, так как там хотя бы Пуаро нет, а спектакль после проволочек так и не состоялся. Зато не повезло «Загадке Эндхауза» — пьеса вышла на подмостки, а создательница Пуаро имела несчастье в очередной раз лицезреть его скверное воплощение. Эта постановка стала той каплей, которая бесповоротно решила отношение Агаты Кристи к миру театра: она его любит как в детстве, она желает видеть свои произведения на сцене как во времена соперничества с Мэдж, но она не желает их видеть в чужом безобразном искажении:

«Мне вдруг пришло в голову, что если другие инсценируют мои книжки неудачно, я сама должна попробовать сделать это лучше. Мне казалось, неудачи проистекают оттого, что инсценировщики не могут оторваться от текста и обрести свободу. Детектив дальше всего отстоит от драматургии, и его инсценировать труднее, чем что бы то ни было другое. В нем ведь такой замысловатый сюжет и обычно столько действующих лиц и ложных ходов, что пьеса неизбежно получается перегруженной и чрезмерно запутанной. Адаптируя детектив для театра, его нужно *упрощать*».

Последний тезис спорен — упрощение сохраняет сюжет, но обычно выхолащивает все то, что и составляет обаяние книг Агаты Кристи. Однако ее первый опыт оказался на редкость удачным. В 1943 году, во время своего творческого взлета военных лет, она инсценировала «Десять негритят»: «На первый взгляд это казалось невозможным, потому что под конец не остается в живых ни одного персонажа, который мог бы объяснить, что же произошло. Пришлось несколько изменить сюжет. Я считала, что путем

введения одного нового хода сумею сделать отличную пьесу — нужно лишь оставить двух действующих лиц невинными».

В кои-то веки работа над спектаклем и потом сам спектакль доставили автору полное удовлетворение! Текст не искажался, образы остались такими, какими она их видела, режиссер и актеры чутко воплотили ее замысел. И успех был полным и заслуженным. А тотчас после этого пьесу экранизировал Рене Клер в Голливуде в комедийном ключе (по причине военного времени), но совершенно великолепно. Фильм вышел под «политкорректным» названием «И никого не осталось», отныне закрепившимся за романом. Возможно, в Голливуде не стали бы менять название, если бы знали, что в эти самые годы в совершенно невероятных обстоятельствах ставится самая невозможная любительская инсценировка этого романа: «Десять негритят» были играны — по их собственному желанию! — заключенными Бухенвальда! Не укладывается в голове, что в месте, где страшнейшие виды смерти были кошмаром ежедневной реальности, из всей мировой литературы (если недоступной в виде книг, то, конечно, хранившейся в памяти многих узников) мог быть выбран самый безнадежный роман, в конце которого погибают все действующие лица! И одно это, казалось бы, должно было навеки сохранить исконное авторское название. Каков был бы эффект, если бы роман попал в бараки Бухенвальда под своим «политкорректным» названием — «И никого не осталось»?!

Агата Кристи тогда не знала об уникальной постановке своей лучшей книги. Но и без того она могла радоваться замечательному приему у английской публики ее детищ. Она выкраивала время, покидала свою аптеку при госпитале и ездила со спектаклями по стране, чтобы воочию увидеть реакцию зрителей не только в Лондоне, но и в провинции. С этого момента она стала считать себя драматургом: «Впредь никто, кроме меня, не будет инсценировать мои вещи: я сама буду выбирать, что инсценировать, и решать, какие из моих книг для этого пригодны».

«Закусив удила», как сама выразилась, она в конце войны взялась за роман «Встреча со смертью», который считала неудачным, и попробовала его приспособить для сцены, изменив сюжет и выбросив Пуаро. Он давно ее там раздражал своей никчемностью, но изменять текст книги она не считала нужным (ее брат по перу Рекс Стаут в те годы без раздумий менял текст на прямо противоположный, если первый вариант не встречал полного одобрения читателей): «Привыкнув к тому, что он действует во всех моих книгах, я, естественно, ввела его и в эту. Однако здесь он был не к месту. Он честно выполнял свою работу, но я не могла отделаться от

мысли, что без него книга вышла бы намного лучше. Вот почему, приступив к инсценировке, я выкинула Пуаро». Несмотря на кардинальную переделку, пьеса унаследовала от романа избыток психологизма, совсем затмившего слабый детективный сюжет. Однако продюсер Питер Сондерс принял ее к постановке в театре на Пиккадилли и сумел заинтересовать послевоенную публику восточным колоритом, дававшим некоторый отдых от суровой реальности, хотя рецензии были сдержанными.

Все в том же невероятном творческом порыве последних военных лет Агата Кристи инсценировала еще и «По направлению к нулю», и «Смерть на Ниле» (пьеса называлась «Невидимый горизонт»), и «Убийство в доме викария», и «Лощину». Все они принимались с воодушевлением в Лондоне и с еще большим успехом перебирались на Бродвей, давая отличные сборы, поднимая тиражи соответствующих романов — и пугая ее литературного агента призраком банкротства!

Акт II. Апофеоз

Но даже самая удачная инсценировка — это все же не оригинальная пьеса. Агата Кристи мечтала взять следующую высоту. В 1947 году к ней обратились организаторы празднования восьмидесятилетнего юбилея королевы-матери с просьбой написать что-то для радиопостановки, так как королева Мария любит ее сочинения. Верноподданная его величества не смогла отказать и с ходу придумала радиоскетч «Три слепых мышонка». Услышав его, королева просила передать миссис Маллоуэн одобрение. А мысль миссис Маллоуэн уже неслась дальше — к полномасштабной пьесе на тот же сюжет. Она хотела, чтобы события и место действия казались самыми правдоподобными, а персонажи выглядели вполне реальными людьми, — и годы спустя она с удовлетворением убедилась, что замысел удался, что пьеса нравится людям разных возрастов и вкусов. Даже ее внук Мэтью приводит на бабушкин спектакль друзей-студентов, а его оксфордские профессора приходят сами! Когда пьеса была готова, ее зять Энтони Хикс предложил новое название — «Мышеловка» (аллюзия из «Гамлета»). Питер Сондерс взялся ее поставить в престижном театре «Амбассадор». Подбор исполнителей стал одним из слагаемых самого невероятного успеха в истории мирового театра.

Агата Кристи чувствовала себя бесконечно счастливой на репетициях, видя работу влюбившихся в роли актеров. Но премьера прошла без особого шума, и она испытала разочарование — где та живая реакция публики, о

которой она мечтала четверть века назад?

«Питер Сондерс мягко кивнул мне и сказал: „Не волнуйся! Мой прогноз — пьеса удержится больше года, уж четырнадцать-то месяцев я точно буду ее давать“.

— Нет, столько она не продержится, — ответила я. — Ну, от силы восемь. Да, думаю, восемь месяцев.

Когда я пишу эти строки, подходит к концу тринадцатый год, как пьеса остается в репертуаре, в спектакле сменилось бесчисленное множество исполнителей. Театру „Амбассадор“ за это время пришлось полностью заменить кресла в зрительном зале и занавес. Недавно я слышала, что они обновляют и декорации — старые истрепались. А зрители *все ходят* на спектакль».

Зрители ходили на спектакль каждый день в течение двадцати двух лет, до 1974 года! «Мышеловка» ежедневно идет и сейчас — но это уже другая история...

Сондерс из года в год устраивал пышные приемы в «Савое» по случаю успеха спектакля. На десятилетнем юбилее от автора потребовали выступить с крошечным спичем. Любая публичность для Агаты Кристи была пугающе страшна.

«Ожидался шикарный суперприем в „Савое“ со всеми его ужасными атрибутами: толпами людей, телевидением, фотографами, репортерами, речами и так далее, и тому подобное. На свете не было менее подходящей фигуры на роль героини этого действия, чем я. Тем не менее я понимала, что придется через это пройти. Мне полагалось не то чтобы произнести речь, но сказать несколько слов, чего я никогда не делала прежде. Я не умею произносить речи, я никогда не произношу речей, я не буду их произносить, и это к лучшему, потому что я бы делала это очень скверно».

Убедив себя, что нет ничего ужаснее грозящего ей испытания, она начала с того, что постаралась вообще не попасть на прием:

«Когда я попыталась пройти через отдельный вход для участников приема, меня развернули назад: „Пока входа нет, мадам, начнем пускать через двадцать минут“. Я ретировалась.

Почему я не решилась сказать: „Я миссис Кристи, и меня просили прийти заранее“, — не знаю. Видимо, из-за своей несчастной, отвратительной, неистребимой робости. Как бы то ни было, встретив отпор, я поджала хвост и стала бродить по коридорам „Савоя“, пытаясь собрать все свое мужество, чтобы вернуться и сказать, как леди Маргот Асквит: „Вот, это я!“ К счастью, меня выручила милая Верити Хадсон — главный менеджер Питера Сондерса. Она не могла удержаться от смеха, как и Питер, и они долго надо мной потешались. Итак, меня ввели, заставили разрезать ленточки, целоваться с актрисами, изображать улыбку до ушей, жеманиться и переносить удары по самолюбию: прижимаясь щекой к щеке какой-нибудь молоденькой хорошенькой актрисы, я знала, что на следующий день это будет показано в новостях: она — красивая и естественная в своей роли, я — откровенно ужасная. Ну что ж, так самолюбию, наверное, и надо!»

Эта история, когда автор не смеет войти в зал для собственного чествования, стала одним из классических театральных и биографических анекдотов. Самой же Агате Кристи она казалась вполне естественной. Почему ее заставляют делать ради других то, что ей не нужно и неприятно? «Есть профессии, для носителей которых общественное лицо важно — например, актеры или политические деятели. Дело же писателя — книжки писать, это другая профессия». Добро бы профессия писателя считалась таковой повсеместно! А то объясните налоговым службам, что писатели *работают*... А нет, так хоть оставьте в покое того, кто ненавидит публичность.

Но был и в ее жизни звездный вечер.

В следующем, 1953 году в малопрестижном театре Вест-Энда «Друри-Лейн» увидела свет пьеса по рассказу «Свидетель обвинения». Ее поставил тот же Сондерс, но на сей раз он не верил в успех, отчего и загнал премьеру на задворки в самое неудачное время театрального сезона. Больше всего его беспокоил финал, совсем иной, чем в рассказе. Он требовал его переделать, Корк поддержал режиссера. Но память об уступке, сделанной некогда Стивену Гленвилу, была жива. Агата Кристи категорически отказалась: «Я решила не отдавать финал. Обычно я не держусь мертвой хваткой за собственные идеи — мне для этого не хватает убежденности, — но здесь твердо стояла на своем. Развязка будет такой и никакой иной — в

противном случае я забираю пьесу из театра». И она сполна насладились победой! Премьера оказалась такой, о какой она тщетно мечтала многие годы — лучшим вечером в жизни автора. Зал был переполнен, к удивлению Сондерса, хотя скорее удивительно его удивление — в конце концов, публика уже год держала «Мышеловку» на сцене. Агата Кристи, как обычно, забилась в самый темный угол закрытой ложи, и в мыслях не держа возможность общения с залом. Но занавес подняли — и тревоги ушли. Зрители встретили спектакль так, как только можно было мечтать. То была награда за великолепную игру актеров и гениальность автора.

«Я была счастлива, я сияла от восторга, слыша овацию в зале. Как только занавес опустился в последний раз, я, по обыкновению, выскользнула на Лонг-Акр. За те несколько минут, что я искала машину, меня окружила толпа приветливых людей, рядовых зрителей, узнавших меня. Они похлопывали меня по плечу и одобрительно восклицали: „Это ваша лучшая вещь, голубушка!“, „Первый класс — во!“ — и вверх взлетал большой палец или поднимались средний и указательный в форме буквы V — „Победа!“. Мне протягивали программки, и я радостно раздавала автографы. Мою замкнутость и нервозность как рукой сняло.

Да, то был памятный вечер, до сих пор горжусь им. Время от времени, копаясь в памяти, я извлекаю его оттуда, любовно оглядываю и приговариваю: „Вот это был вечер так вечер!“».

Через год она сама устроила в «Савое» прием по случаю годовщины спектакля, такой, какой не был бы ей неприятен — только для своих. Среди «своих» оказался и ее бывший деверь Кристоаль Кристи, тоже внезапно вышедший в драматурги. И ни тени Арчи.

Розалинда присутствовала. Со свойственной ей сдержанностью она ценила творчество матери, но ненавидела премьеры и приемы. Ведь грубая осада Стайлса журналистами в 1926 году произвела на нее в том ее уязвимом детском возрасте еще более тягостное впечатление, чем на ее родителей. Она вынесла всю эту осаду, не имея возможности уехать, под присмотром Карло, испытывавшей горечь подозрения в убийстве и, конечно, с трудом контролировавшей себя в присутствии девочки — чем она могла объяснить ребенку происходившее, если сама ничего не понимала? С тех пор ненависть к малейшей публичности вошла в плоть и кровь Розалинды. Обе свои свадьбы она потребовала провести без

малейшей шумихи, без гостей, даже без подвенечного платья. Она не устраивала коктейлей и вечеринок, не выносила гостей, кроме принадлежавших к узкому домашнему кругу, не давала интервью. Журналисты, естественно, платили ей неприязнью и обвиняли в зависти и ревности к знаменитой матери. Несомненно, быть дочерью такой матери тяжело. Розалинда молча и мрачно несла свой крест, но никогда не переносила личные чувства на произведения Агаты Кристи. Она всегда их читала, и если ей нравилось, честно это признавала.

«Свидетель обвинения» имел самую счастливую судьбу не только на премьере. Он произвел фурор на Бродвее, и в пору антикоммунистической истерии маккартизма и «охоты на ведьм», когда современные сюжеты стали опасны для Голливуда, удостоился экранизации самим Билли Уайлдером. Права на экранизацию пьесы продали за 116 тысяч фунтов — сумму, ужаснувшую Корка (ожидавшего получить 5 тысяч). Он посоветовал немедленно передать полученные деньги вместе со всеми правами на фильм Розалинде по дарственной, не облагаемой налогами, и тем спас свою великую клиентку от немедленной долговой тюрьмы (нечего писать блестящие вещи! а написал — расплачивайся свободой).

Экранизация стала сенсацией. Чарлз Лоутон на сей раз оказался полностью на своем месте в блестяще сыгранной роли адвоката. Марлен Дитрих была непревзойденна в роли жены-немки. Тайрон Пауэр, звезда вестернов тридцатых годов, в роли молодого обвиняемого был умеренно хорош, но он играл на краю могилы, и Уайлдер сделал ему последний комплимент, предложив в сцене в кинозале посмотреть давний фильм с его собственным участием. И даже на маленькую роль старой служанки пригласили лучшую голливудскую комедийную актрису второго плана тех же тридцатых годов Уну О'Коннор, которая сделала свой эпизод в суде одним из ярчайших в фильме. Единственная из всех экранизаций по ее книгам, эта удостоилась одобрения Агаты Кристи, несмотря на то, что Уайлдер внес в финал элемент необходимого Америке хеппи-энда. Нет смысла добавлять, что фильм имел огромный кассовый успех, вышел в прокат и в СССР и, к радости Агаты Кристи, не разорил ее вконец, а обеспечил ее дочь.

Акт III. Финал

«Свидетель обвинения» стал для Агаты Кристи высшей и последней радостью в театре и кино. И вообще ее жизнь после 1956 года пошла уже

как-то не так. Она лишилась своей подруги Нэн Уотс, с которой так радостно было болтать о прошлых проказах. Давно еще мисс Марпл в романе «Объявлено убийство» проницательно сказала: «Человек остается один, когда уходит последний, кто помнил его молодым». Теперь одиночество постепенно начинало обволакивать и саму писательницу. Правда, с нею осталась дочь. И даже Арчи! В том же году он потерял жену, и Агата Маллоуэн послала ему великодушное письмо с соболезнованиями. Что он подумал, получив это первое после их встречи в 1927 году свидетельство ее внимания? Он ответил не менее благожелательным выражением благодарности за 30 лет счастья с Нэнси, которое ему подарила первая жена (!) — но они не встретились уже никогда.

Зато Розалинда после стольких лет увидела старого отца, которому, конечно, не Нэнси мешала видаться с дочерью все предшествующие годы, поскольку это было бы не в ее силах. Вероятно, дочь все-таки не простила отцу ухода из семьи, хотя наверняка обвиняла во всем *ту женщину*. Но теперь та женщина умерла, отец и дочь начали общаться не только в переписке. Арчи подарил дочке на память о себе два колечка, он словно желал под конец выполнить родительский долг, — но не слишком ли поздно? Дочь присутствовала и на его похоронах в 1962 году, где впервые увидела своего единокровного брата, тоже Арчибальда Кристи. Тот, кажется, только тогда и узнал, кто была первая жена его отца. В 2000-е годы, когда мистер Кристи был уже очень не молод, биографы Агаты Кристи часто расспрашивали его об обстоятельствах, связанных с жизнью и разводом великой писательницы. Что он мог знать? Его отец никогда об этом не упоминал. Тем не менее мистер Кристи отвечал на вопросы и, наверное, убедил даже самого себя в верности своих представлений о неведомом прошлом — кто проверит?

Агата Кристи закрывала глаза на существование первого мужа и на общение дочери с ним. Она снова трудилась с активностью военных лет, но если ее романы встречали полное одобрение прессы и читателей, на театре дела шли все хуже и хуже. Она написала комедийную пьесу-детектив «Паутина» для конкретной актрисы — Маргарет Локвуд (со специальной ролью для ее дочери), — спектакль продержался два года. Потом был сдержанно принятый «Нежданный гость» и провалившийся на премьере «Вердикт». Его неудача опять объяснялась психологической глубиной, которой зрители не ждали и не желали от творчества Королевы детектива: «Спектакль по этой пьесе назывался „Вердикт“ — плохое название. Я назвала пьесу „Не растут в полях амаранты“ — по строке Уолтера Ландора: „Не растут амаранты по эту сторону могилы...“. Я до сих пор считаю, что

это лучшая моя пьеса после „Свидетеля обвинения“. И провалилась она, полагаю, лишь потому, что не была ни детективом, ни боевиком. Да, это пьеса об убийстве, но смысл ее в том, что идеалисты опасны: они легко губят тех, кто их любит. В ней поставлен вопрос: где тот предел, за которым недопустимо жертвовать, нет, не собой, а теми, кого любишь, в кого веришь, даже если они не платят тебе взаимностью?» На премьере очередная накладка, когда занавес упал слишком рано, отсекала финальные реплики и весь смысл, публика свистела.

Причины всех этих неудач лежали не в угасании таланта Агаты Кристи, а отчасти в смене вкусов зрителей, отчасти в плохих постановках, отчасти в ее поиске новых сторон своего дарования. И бальзамом на душу стало обращение голландского общества бывших военнопленных с просьбой разрешить — нет, не поставить, а *возобновить* постановку бухенвальдских «Десяти негритят»! Конечно, Агата Кристи немедленно дала согласие на повторение того невероятного спектакля. Возможно, объяснением немыслимого бухенвальдского выбора пьесы для спектакля может послужить история 1970 года, когда попавший в плен в Южной Америке англичанин Д. Джексон в критической для себя ситуации читал запоем испанские издания книг Агаты Кристи и позднее с горячей благодарностью писал ей: «Что особенно помогало мне, так это постоянные напоминания мисс Марпл и месье Пуаро о том, что существует другой мир, который по-прежнему живет в соответствии с абсолютными ценностями»^[18]. Вероятно, только в особых испытаниях становится по-настоящему осознанием неброский, сдержанный, но непреклонный гуманизм творчества Королевы детектива. Добро всегда победит, зло всегда будет наказано — библейская заповедь?.. сказочная фантазия?.. но и они бывают иногда отчаянно нужны...

Однако в английском обществе молодежь, возмущенная послевоенной депрессией, уже позабывшая или вовсе не знавшая войну, «оглянулась во гнев». И гнев ее пал и на кумиров прежних лет. Мир изменился, и изменилась публика театров. Вечерние спектакли уже не посещали дамы в бриллиантах и джентльмены в смокингах. Внешние формы демократизма заставляли тех же зрителей держаться иначе: в пестрой одежде эпохи «павлиньего переворота» невольно станешь шумным и бесцеремонным.

Последние инсценировки и оригинальные, хотя легковесные, триллеры Агаты Кристи встречали заранее предсказуемый провал. Грубой и бестактной стала и пресса спектаклей, чья тональность была настолько враждебной, что шокировала всех, даже Розалинду, никогда не ждавшую от жизни ничего хорошего. Агата Кристи оставалась в уверенности, что

зрители ее по-прежнему любят, а отвратительные рецензии продиктованы злобой на непроходивший успех «Мышеловки». Во многом она была права. Неприятно признать, но то была кампания, определяемая в лучшем случае конкуренцией, если не прямо инспирированная кем-то: мол, мало ей мировой славы писательницы, так еще отняла целый театр своей «Мышеловкой» и рвется в другие театры! «Старуху, пережившую свой век», откровенно гнали с подмостков. Иначе чем объяснить, что тотчас после ее смерти травля стихла и те же спектакли пошли во всех репертуарных театрах с отменным успехом? Она этого увидеть уже не смогла.

После спектакля

Кто же был прав в оценке драматургии Агаты Кристи — обычно недоброжелательная критика? зрители, восторженно принимавшие одни пьесы и свистевшие другим? автор, считавший своей лучшей пьесой непонятый «Вердикт»? Не напрасно ли Королева детектива столько творческих и эмоциональных сил вкладывала в дело, где ее достижения не казались впечатляющими? Ведь даже уникальная по своей театральной истории «Мышеловка» с успехом идет только в Лондоне. Отчасти это можно объяснить отсутствием прав на постановку у других театров (хотя такие опыты имелись), но чувствуется и то, что в других местах и странах она едва ли приобретет сравнимый блеск.

Пьесы Агаты Кристи можно разделить на две части: ее собственные инсценировки своих романов и оригинальные произведения. Первые, как правило, проигрывают исходным романам, поскольку существенно их упрощают и тем ослабляют. Исключений два. Пьеса «Встреча со смертью» четче и лаконичнее растянутого и аморфного по форме романа, но состязаться с ним было нетрудно. А вот инсценировка «Десяти негритят» — подлинное достижение. Роман безупречен по замыслу и воплощению, идеальная красота конструкции его сюжета не допускает никаких изменений. И удивительно, что пьеса, по необходимости существенно изменившая часть замысла и даже введшая хеппи-энд, оказалась столь же безупречной. Многим она наверняка должна понравиться элементами комизма и отсутствием трагической безысходности финала. Однако оценивая драматургию Агаты Кристи, следует все же говорить лишь о пьесах в полном смысле слова, а не об инсценировках, как бы удачны они ни были.

У всех ее пьес есть несколько явных достоинств. Они очень сценичны. Во многих из них — в том числе как раз в «Мышеловке» — выполняется классицистское требование единства места, времени и действия, хотя нет сведений, чтобы писательница когда бы то ни было в жизни увлекалась классицистской драмой или читала Аристотеля. По-видимому, здесь просто сказалось ее острое чувство театра. Драматическое начало вообще было так сильно в ее творчестве, что ярко проявлялось даже в романах. Так, большая часть «Убийства в Восточном экспрессе» локализована в вагоне-ресторане и представляет собой чистую пьесу (вдобавок с пьесой в пьесе), которая так и просится на сцену, причем Пуаро в финале просто раскланивается как в спектакле и на этом «занавес опускается».

Помимо сценичности, ее пьесы отличаются превосходно созданными ролями: количество мужских и женских персонажей приблизительно равно, образы допускают великое множество интерпретаций от трагических до комических, среди них практически или вовсе нет проходных и малозначимых в действии, при этом обычно нет преобладания одной-двух ролей, оттесняющих на задний план остальные, к вящей зависти коллег-актеров. Язык пьес простой, реплики не бывают длинными, диалог быстр, действие крепко построено, сюжет ясен, держит зрителей в напряжении без лишних эффектов и неизменно отличается драматически яркой развязкой.

Но эти свойства таят в себе и противоположность. Например, «Встреча со смертью» предлагает несколько великолепно выписанных и совершенно несхожих женских ролей, но в каждом ли театре имеется столько резко характерных актрис, способных воплотить замысел автора и не впасть в карикатуру? А никогда не ставившаяся пьеса «Дочь есть дочь», где совершенно отсутствует действие как таковое, могла бы (если сократить всех персонажей кроме матери и дочери) превратиться в замечательный, полный глубокого психологического накала спектакль двух актрис (наподобие «Милого лжеца») — но всюду ли найдутся соответствующие дарования? Экранизация «Убийства в Восточном экспрессе» показала, что и знаменитые актеры предпочитают подмять образы под себя, совершенно исказив их смысл и многогранность (что, конечно, вина режиссера, а не «звезд»). И наоборот, удачные спектакли и экранизации убеждают, что дополненные талантливыми актерскими находками в рамках авторского замысла образы Агаты Кристи приобретают выпуклость и силу, незаметные при чтении ее пьес. То же относится к простоте текста, который обязательно требует подкрепления игрой, давая простор сильным артистам, но ничем не помогая слабым.

Можно провести параллель с пьесой «Опасный поворот» Дж. Пристли,

написанной в 1932 году и либо оказавшей определенное влияние на драматургию Агаты Кристи, либо, что вероятнее, лежавшей в одном с нею идейном русле. Стремление к предельному психологизму и кризисному финалу ей не требовалось ни у кого заимствовать, поскольку они изначально в полной мере присущи всему ее творчеству. Но яркость и равнозначность всех без исключения ролей, крайняя ограниченность места и времени действия, исследование наипростейших, по сути, человеческих страстей в их предельном воплощении, — все это особенности театра 1930–1950-х годов, проявлявшиеся лишь в лучших достижениях. По этой причине пьесы Агаты Кристи прекрасно принимались публикой всех стран вплоть до середины XX века, потом ставились лишь эпизодически, а ее поздние произведения освистывались как несоответствующие духу времени. Но представим, что не Шекспир, а какой-нибудь автор шестидесятых годов вздумал бы написать «Гамлета», перенесенного в новое время — не встретили бы зрители хохотом и свистом терзания принца датского? А уж выход безумной Офелии, бесспорно, сопровождался бы всеобщим гоготом как самая комичная сцена! Не вина Агаты Кристи, что она оказалась более или менее забытой. Конечно, она не обладала гением, способным прорваться сквозь границы своей эпохи. Но талант у нее был. И нет сомнения, что для выдающихся актеров, умеющих передавать психологические коллизии, ее пьесы, даже (или особенно?) малоизвестные — еще не открытый кладезь возможностей.

Скорее удивительно, что они так редко находят путь на экран. Экранизации тех ее романов, которые она сама преобразовала в пьесы, редко опираются на ее инсценировки. Исключение — упоминавшиеся фильмы Рене Клера и Билли Уайлдера. Неужели только великие режиссеры способны понять, что нет сценариста лучше самого автора?!

Самой Агате Кристи этот факт казался всю жизнь непреложным. И как бы ни огорчали ее многочисленные театральные горести последних лет, но в обожаемом с детства театре ждали ее худшие переживания.

В 1960 году Корк крайне неудачно продал компании Метро Голден Майер права на экранизацию всех книг своей клиентки, даже не поставив ее в известность, что по договору Голливуд сможет отныне писать сценарии на свой вкус без согласования с автором. Первой досталось мисс Марпл. Ее играла хорошая актриса Маргарет Рутерфорд, внешне не подходящая, но не в ней была беда. Ее вводили в экранизации книг, где мисс Марпл изначально отсутствовала («После похорон», «Миссис Макгинти»), кардинально меняя содержание романов. А уж когда в 1964 году вышел

фильм «Убийство: аврал!», где «мисс Марпл» действовала на военном корабле (!?) без малейших аллюзий на какую бы то ни было ее книгу, Агата Кристи не сдержала эмоций: «Почему, черт возьми, МГМ не может писать собственные сценарии, снимать Маргарет Рутерфорд в роли некой старой дамы, скажем мисс Сампсон, получать массу дешевого удовольствия и оставить в покое мои сочинения?»^[19] Ей вторит миссис Оливер в романе «Миссис Макгинти...»: «Я на своих романах зарабатываю достаточно — большую часть, само собой, забирают кровопийцы, стоит мне заработать еще больше, они снова тут как тут, так что перенапрягаться особого смысла нет. Но вы не представляете, какая это мука — кто-то берет твоих героев и заставляет их говорить то, что они никогда бы не сказали, делать то, что они никогда бы не сделали. А начинаешь возражать, в ответ одно: „У театра свои законы“. Если он (сценарист. — Е. Ц.) такой башковитый, пусть напишет собственную пьесу и оставит моего бедного финна в покое».

Но кому нужна афиша с неведомыми именами? Нужны прославленные названия и герои — и чем больше, тем лучше. МГМ выпустила фильм «Убийство по алфавиту», где соединила «Пуаро» — старого развратника — и ту же «мисс Марпл». Зрители решительно проголосовали долларом «против», в чем компания обвинила Агату Кристи: мол, надо предоставить сценаристам еще больше прав по «адаптации текстов». В ответ Голливуд получил от нее категорический запрет на какие бы то ни было экранизации ныне и впредь.

Но компания «Агата Кристи лимитед» ей уже не принадлежала. Фильмы выходили против ее воли: «Десять маленьких индейцев» и «Убийство по алфавиту» в 1966-м, «Ночная тьма» в 1972-м, сверхзвездное по подбору актеров «Убийство в Восточном экспрессе» в 1974 году, полностью исказившие все ее образы и почти весь сюжет. Каждая экранизация становилась новым ударом по изношенному сердцу, уже существовавшему на лекарствах. Агата Кристи все-таки приехала на премьеру в инвалидной коляске, но привлекло ее туда не желание увидеть откровенно слабый фильм, а присутствие Королевы Англии, которую Королева детектива по этикету приветствовала стоя.

Потом вышли очередные «Десять маленьких индейцев», где подбор «звезд» был прекрасен, но все они опять находились абсолютно не на своем месте. Фильм успеха не имел. Тогда настала очередь Питера Устинова, еще одного толстяка на роль Пуаро. Его создательница давно удивлялась: «Странно: почему-то роль Пуаро всегда исполняли актеры нестандартных габаритов». И впрямь, неужели нет в мире талантов требуемого роста и веса? Устинов снял прекрасный фильм «Смерть на

Ниле» с замечательным Дэвидом Нивеном в роли Рейса, но его дальнейшие работы нельзя назвать шедеврами, а последние откровенно плохи.

Агата Кристи возмущалась, протестовала публично, ей казалось, что ужасные сценарии и скверные актеры позорят ее перед всем миром; газеты в свою очередь уверяли, что ее театральные провалы убивают интерес к романам-оригиналам пьес, — но все это ни в малейшей степени не соответствовало действительности. Все неудачные фильмы, будь то тридцатых или семидесятых годов, стали в лучшем случае однодневными сенсациями. И, говоря словами Вальтера Скотта об аналогичных явлениях прошлого, выползая на миг из болота, где их расплодили, тотчас в него и канули. А тиражи книг Агаты Кристи росли все шестидесятые годы, достигли заоблачной высоты в ее юбилейный год — и на этом пике остались.

Но если неудачи по-прежнему били по сердцу, успехи уже не согревали душу старой больной женщины, почти разорвавшей контакты с современностью. Последний ее выход в свет произошел в 1974 году все на тот же очередной ежегодный прием в честь «Мышеловки». Но теперь страх публичных встреч больше ее не мучил, она была погружена в себя, ожидая без страха и с живым любопытством неведомой последней встречи — со своим Создателем.

Эпилог

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К НУЛЮ

1

Восьмидесятилетие Королевы детектива в 1970 году стало Событием. Оно превратилось буквально в празднество мирового масштаба, на котором было все... кроме героини торжества. Она, правда, дала несколько коротких интервью, но, как прежде, требовала оставить ее в покое. Только один раз ей все-таки пришлось выйти в свет: в 1971 году она наконец получила от Королевы Англии титул кавалерственной дамы: «леди Агатой» можно только родиться, но можно стать «дамой Агатой». Она ею стала.

Но ей уже было не пять лет, когда она, полураскрыв удивленный ротик, слушала безапелляционное суждение Няни о титулах и знатности... Или ей все еще пять лет? Детство, столь властное над нею, становилось единственным прибежищем измученной души. И чем дальше оно уходило, тем ярче ощущалось. Исчезло все горькое, что было в нем, что помнилось еще во времена Мэри Уэстмакотт. Она полностью убедила себя, что то было время безоблачного, ничем не омраченного счастья. И погружалась в детскую веру в бесконечную радость бытия. И вместе с тем не отрывалась от себя нынешней, ведь и ныне она чувствовала радость от простой возможности жить:

«Я, сегодняшняя, точно такая же, как та серьезная маленькая девочка с белесыми льняными локонами. Дом — тело, в котором обитает дух, — вырастает, развивает инстинкты, вкусы, эмоции, интеллект, но я сама, я вся, я — настоящая Агата, я — остаюсь. Я не знаю всей Агаты. Всю Агату знает один только Господь Бог.

Вот мы проходим все поочередно: маленькая Агата Миллер, юная Агата Миллер, Агата Кристи и Агата Маллоуэн. Куда мы идем? Конечно же никто не знает, и именно от этого перехватывает дыхание.

Я люблю жизнь. И никакое отчаяние, адские муки и несчастья никогда не заставят меня забыть, что просто *жить* — это великое благо».

Старость лишила многого, многое отняли и люди, но душа человека не умирает, пока он жив, — а она верила, что и после смерти. Да и старость еще не лишила всего:

«Многое еще и остается. Опера и концерты, чтение, наслаждение, которое испытываешь, ложась в постель и засыпая, самые разные сны, молодежь, которая приходит навестить меня и бывает удивительно мила. А самое, пожалуй, лучшее, сидеть на солнышке, тихо дремать и... вот мы и добрались до главного — вспоминать! „Я вспоминаю... Я вспоминаю дом, где я родился...“

Подобно поэту, и я всегда мысленно возвращаюсь в дом, где родилась, — в Эшфилд.

Как много он для меня значит! Мне почти никогда не снятся ни Гринуэй, ни Уинтербрук. Только Эшфилд. Старая, хорошо знакомая обстановка усадьбы, где начиналась жизнь, хоть люди во сне могут быть и нынешние. Как хорошо я знаю там каждую мелочь: вот вылинявшая красная портьера на кухонной двери, медная решетка с узором из подсолнухов перед камином в холле, турецкий ковер на лестнице, большая, обшарпанная классная комната с тисненными обоями — темно-синими с золотом».

И надо всем — канарейка в клетке над кроватью... собачка Тони... Может быть, они так сладко вспоминались ей потому, что всегда были рядом, всегда позволяли себя любить? и потому так страшно стало исчезновение — предательство любви! — канарейки Голди и так невероятно важно ее возвращение?! Она и сама предала родной дом, продав его, и горько раскаивалась в этом проступке против любви. Но не поступила ли она все-таки правильно, сохранив его *только* в воспоминаниях? Реальный Эшфилд уже давно не был бы домом ее детства, тот дом исчез со своей эпохой и существовал бы сейчас как нелепый пережиток прошлого. В памяти же он остался нетронутым, неся в душу свет и тепло, которых в нем в действительности всегда недоставало.

Агата Кристи вводила детские воспоминания в каждую из своих поздних книг, словно только ради этого их и сочиняла. А американские издатели не желали их печатать: «...персонажи такие чертовски дряхлые!» Вероятно, люди в Америке умирают молодыми?

Существует мнение, что после 1971 года леди Маллоуэн страдала болезнью Альцгеймера. Возможно. Тема эта благодатна для тех, кто уверен, что ни его, ни его близких никогда не коснется трагедия старческого

угасания. Предвидя возможность такого конца, сама Агата Кристи еще в Эпilogue «Автобиографии» иронически размышляла:

«Такой жизнью, какую прожила я, — достойной и насыщенной, — можно гордиться. Хорошо, конечно, писать такие возвышенные слова. А что если я проживу лет до девяноста трех, сведу с ума всех близких тем, что не буду слышать ни слова, стану горько сетовать на несовершенство слуховых аппаратов, задавать бесчисленное множество вопросов, тут же забывать, что мне ответили, и спрашивать снова то же самое? Буду яростно ссориться с сиделкой и обвинять ее в том, что она хочет меня отравить, или сбегать из лучшего заведения для благородных старых дам, обрекая свою бедную семью на бесконечные тревоги? А когда наконец схвачу бронхит, все вокруг станут шептать: „Бедняжка, но нельзя не признать, что это для всех будет избавлением...“

Это действительно будет избавлением — для них; и это лучшее, что может случиться».

Но этого не случилось. Сердечные припадки, переломы шейки бедра, сотрясения мозга, — она испытала все невзгоды дряхлости. А за ужасной видимостью согбенной иссохшей старушки пряталась прежняя счастливая сущность ребенка. Больная или нет, она не стала невыносима, не портила жизнь близким. Она просто сидела, полуослепшая, погруженная в себя, как сидела ее бабушка в 1914 году, так же с горечью наблюдая рушащийся вокруг мир, за который она боролась в своих романах, но который безнадежно исчезал. А где-то ползали ее правнуки, дети Мэтью, и другие малыши семидесятых годов, и считали этот мир единственно возможным и правильным...

Она умерла 12 января 1976 года в Уоллингфорде и похоронена в церкви соседней деревни Чолси. Возможно, она сама выбрала бы свою церковь в Торки, среди основателей которой была с рождения и о которой всегда заботилась? Она радовалась, когда на доход от подаренного ею рассказа в церкви создали по ее желанию витраж Доброго Пастыря: «Мне хотелось, чтобы витраж выглядел радостным и доставлял удовольствие детям».

Ее верная Шарлотт Фишер после смерти хозяйки начала испытывать сердечные приступы и умерла через три месяца. Напрасно Агата Кристи

всю жизнь считала, что преданность свойственна лишь викторианцам! Преданность окружала ее, но она ее не замечала, ибо ее проявления не походили на памятную ей преданность кухарки Джейн. И только ли Карло Фишер! *Никто* из многолетних помощников и доверенных лиц, никто из знакомых и братьев по перу, ни зять, ни дочь, ни муж, ни даже вторая жена Макса не обрушились на умершую Королеву детектива со всяким злоречием. Единственные, вполне бессмысленные, сплетни касались добрых отношений двух ее мужей с их вторыми женами да пресловутого «исчезновения» 1926 года. Немногим всемирным знаменитостям посчастливилось оставить по себе кристально чистую память...

Приятно было бы написать, что эта память жива, что Агата Кристи ушла не в небытие, а в бессмертие. Долгие годы казалось, что так оно и есть. Ее слава стояла высоко как никогда. Ее книги читались и перечитывались миллионами людей едва ли не на всех языках мира. Экранизации по ее произведениям продолжали создаваться одна за другой во многих странах, в том числе и в СССР. При жизни она так и не дождалась достойного воплощения образов ее главных героев. В кино им не посчастливилось до сей поры, а вот их судьба на телевизионном экране — к которому писательница относилась с неодобрением, — сложилась удачнее.

Самая большая удача выпала мисс Марпл. В 1984 году канал Би-би-си запустил одноименный телесериал с Джоан Хиксон в главной роли. Леди Маллоуэн знала ее давно и давно выразила надежду увидеть именно эту актрису в образе своей любимой героини. И час настал. В 80 лет Джоан Хиксон дождалась роли жизни. Ее снимали очень быстро — 12 фильмов за восемь лет, ведь время работало против нее. Увидев первый же телефильм, Розалинда выразила *восторг*, а в ее устах даже малейшее сдержанное одобрение дорогого стоило. На десять лет старше дочери Агаты Кристи, Джоан Хиксон, без сомнения, сумела так точно воплотить образ провинциальной старой дамы из старой доброй Англии потому, что то был ее собственный мир, в который искусство помогло ей возвратиться хотя бы на экране. Не все фильмы оказались равнозначными, в некоторых сценарии или выбор исполнителей вызывали легкое недоумение; «Зеркало треснуло» оказалось слабее голливудского образца, в котором большинство героев

были маловыразительны, мисс Марпл незаметной, но надо всеми доминировала Элизабет Тейлор в роли почти самой себя. Однако «Отель „Бертрам“», «Объявлено убийство», «Убийство в доме викария» стали подлинными достижениями детективных телеинтерпретаций. В них не было ни одной фальшивой ноты, никаких аллюзий с современностью. Даже встречая в романах двух пожилых женщин, живущих одним домом, в экранизациях, согласно духу романов, не придавали этому обстоятельству грязного смысла, помня, что в те времена дама без средств буквально не могла — не могла! — выжить в одиночестве и, если ей не посчастливилось найти опору в муже, шла в компаньонки или хотя бы объединялась со старой подругой ради совместной, и от того более надежной, борьбы с такой нуждой, о которой европейцы благополучно позабыли на следующие полвека. Джоан Хиксон стала, по всеобщему мнению, идеальной мисс Марпл и получила высокое признание в виде ордена Британской империи. Но не ее одну надо поблагодарить за этот великолепный сериал, безупречно воссоздавший в актерских работах, в визуальных образах и в музыке не только букву, но что гораздо сложнее — дух, атмосферу романов о мисс Марпл. Режиссеры менялись постоянно, сценаристы тоже были разными, остается выразить глубокую признательность продюсерам Гаю Слейтеру и Джорджу Галлахью, первыми понявшим, что сюжеты произведений Агаты Кристи не надо «улучшать» современными извращениями и прочей грязью, — они велики своей чистотой, своей мягкой, но бескомпромиссной гуманностью. Создатели сериала поверили, что зрители рады будут встретиться с добротой и порядком минувших дней. И зрители их горячо одобрили.

И тогда пришел черед Пуаро. Актер, которого в одном из самых поздних и неудачных своих фильмов про Пуаро Питер Устинов заставил безобразно, даже гадко изобразить инспектора Джеппа, вдруг объявился в новой ипостаси. Наконец мечты писательницы о Пуаро требуемой комплекции осуществились. С 1988 года Дэвид Суше стал подлинным Эркюлем Пуаро, разве только со слишком маленькими усами. Его упрекали за жеманность походки и манер, но несправедливо. Образ Чарли Чаплина производил комический эффект в его время оттого, в частности, что бродяга в обносках воспроизводил в утрированном виде облик и манеры щеголей 1910 годов, — а Пуаро и был таким щеголем (включая и его усы по моде тех лет), чья старомодная франтоватость казалась смехотворной в новые времена. Так что внеся смягченные чаплинские нотки в свою роль, Суше поступил совершенно верно. Другие актеры были выбраны столь же превосходно: Хью Фрейзер как Гастингс и Полин Моран как мисс Лемон

были немного более человечны, чем их прототипы, но это не портило впечатления, а Филипп Джексон как старший инспектор Джепп — просто превосходен. И опять-таки великолепие сериала основывалось на точной передаче духа рассказов Агаты Кристи, без привнесения в них эффектов голливудских боевиков и модных блокбастеров. Но радость зрителей длилась недолго. Полнометражные экранизации романов оказались значительно хуже, и дело было не в располневшем Дэвиде Суше, а в смене режиссерских концепций. Сюжеты начали менять вплоть до полного искажения исходного смысла, съемки... но это уже не важно. Пуаро обрел свое лицо, как и мисс Марпл, а все дальнейшие их «перевоплощения» — просто область истории теле-или киножанров.

Но одно произведение Агаты Кристи никак не может предстать перед кино-или телезрителями. Права на экранизацию «Мышеловки» были проданы с условием начала съемок через полгода после схода пьесы со сцены. Она так и не сошла, перейдя после смерти писательницы из театра «Амбассадор» в театр «Сент-Мартен». Она действительно идет непрерывно каждый день с 1952 года и недавно отпраздновала 23-тысячный спектакль. Сама Агата Кристи недоумевала, почему эта легкая развлекательная вещица стала единственным в своем роде явлением во всем мировом театральном искусстве? Вероятно, такая уникальная история одного спектакля возможна только в Англии с ее культом традиций. И можно признать, что если в первые десятилетия «Мышеловку» смотрели и узнавали себя жители Британских островов, то уже давно она потеряла связь с их сегодняшней жизнью и обитателями, стала просто туристским аттракционом, без которого экскурсионные программы обеднеют, как без Тауэра и королевских регалий. Вот таким же памятником прошлого и стоит на подмостках столь долго «Мышеловка», и кажется памятником самой себе мисс Марпл Джоан Хиксон, и ранний Пуаро Дэвида Суше. Но памятники рано или поздно кто-то захочет сбросить с пьедестала...

Розалинда до последних дней с яростью и активностью, которых от нее трудно было ожидать, защищала память матери от любых нападков, шла ли речь о ее жизни или творчестве. Она писала статьи в газетах. Она прямо или косвенно старалась влиять на деятельность компании «Агата Кристи лимитед». Она хранила под замком письма и записные книжки матери, если они содержали что-нибудь слишком личное. Но все-таки не сожгла их.

В 2000 году она была вынуждена передать Гринуэй Национальному тресту, но с условием, что до кончины ее самой и ее мужа публика туда допускаться не будет.

Розалинда Хикс умерла в 2004 году, исполнительным директором «Агата Кристи лимитед» стал ее сын Мэтью Причард. Сразу после ее смерти он заявил в беседе с журналисткой Лорой Томпсон, что «она не гордилась матерью и тем, чем та занималась»^[20]. Сама Розалинда ничего подобного не говорила. И все, что она делала при жизни и после смерти матери, противоречит этому заявлению. С ее кончиной многое изменилось. Биографы или, во всяком случае, журналисты получили доступ ко всему наследию бабушки мистера Причарда. Гринуэй стал полноценным музеем (что, конечно, можно только приветствовать). А в 2011 году компания «Агата Кристи лимитед» объявила, «что приостанавливает на неопределенный срок выдачу лицензий на производство кино-и телефильмов по романам и пьесам писательницы. Возобновление выдачи лицензий состоится после того, как классические детективы будут кардинально переработаны с целью радикально их осовременить»^[21]. Отражает ли это решение позицию самого мистера Причарда или объясняется биржевыми играми, заложницей которых давно стала компания, только читателей и зрителей ждут теперь большие перемены.

Естественно, в новых редакциях не будет места мисс Марпл: во Франции официально запрещено употребление оскорбительного для незамужних особ обращения «мадемуазель», и Англия, несомненно, вскоре последует этому примеру. Непонятно только, оскорбителен статус старой девы? или само деление женщин на замужних и нет? и как быть — ликвидировать институт брака или всех снабжать мужьями? и кому как не Англии гордиться своими старыми девами?!

Конечно, станет невозможен и Пуаро с его усами: ведь усы — проявление мужского шовинизма, оскорбительного для женщин, усов не имеющих (а особенно их имеющих). И капитан Гастингс должен быть убран: насмешка над армией неполиткорректна! И невозможны упоминания об англичанах, типично английских юных леди, английских пейзажах и английском климате — кто такие англичане? В последней переписи населения Соединенного Королевства графа «англичане» в списке национальностей отсутствовала. Разумеется, нельзя говорить и о каких бы то ни было других национальностях. В ранних романах Агаты Кристи нередки русские злодеи и интриганки, неизменно «скуластые и с раскосыми глазами». Русские читатели только усмехнутся, встретив таких

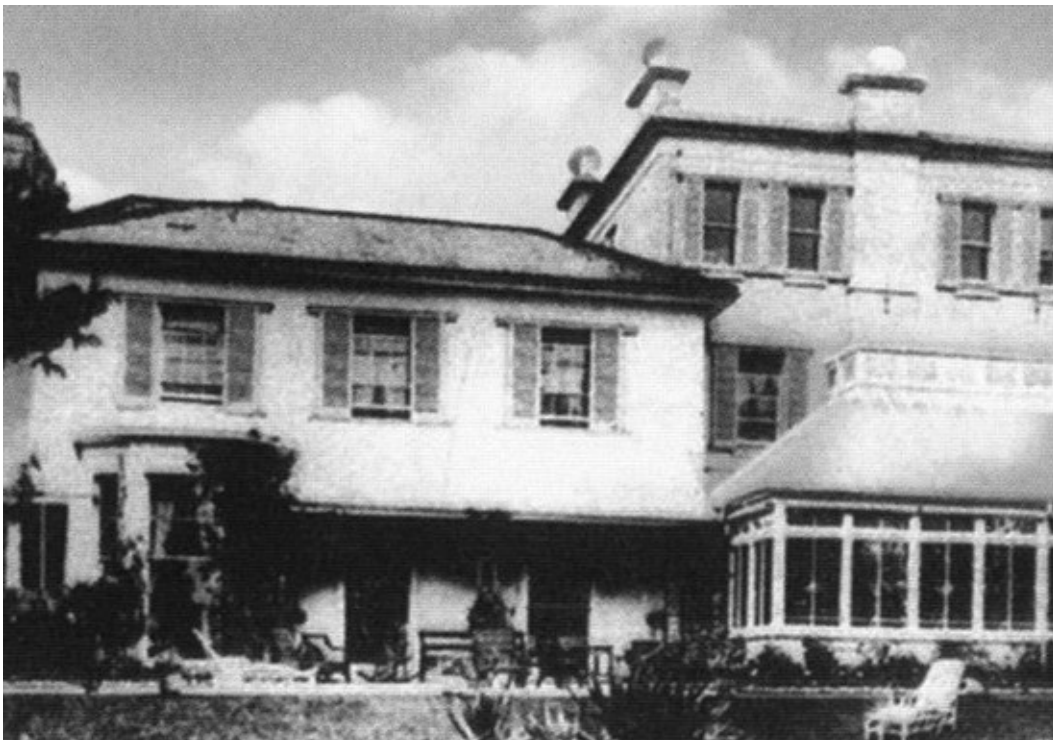
персонажей, но некоторые народы очень обижаются на подобные выпады. Несомненно, всякие там викарии с их церквями должны быть заменены на... э-э... на что-нибудь иное. И обязательно следует произвести необходимые корректировки в отношении между персонажами: сделать пары влюбленных однополыми и пр. и пр. А главное, придется изъять из детективов всякие упоминания об убийствах, особенно в порицающем тоне, — ведь это посягательство на права личности всех осужденных за подобные преступления!

Гротеск? Думается, реальность окажется значительно хуже. Вся мировая литература, все художественное искусство, созданные до «эры политкорректности» или любой иной эры борьбы с инакомыслием, будут подлежать «кардинальной переработке с целью радикально их осовременить». И тогда только в «бабушкиных шкафах» найдут подлинные тексты те, чья жизнь сейчас только начинается и кто считает нынешний мир единственно возможным и правильным.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Агата Миллер

Эшфилд, родной дом Агаты

Клара Миллер, мать Агаты

Отец, Фред Миллер, с маленькой Агатой в саду Эшфилда

Торки, гавань

Бабушка-тетушка

Агата Миллер (в центре) в танцевальном классе в Торки

Агата и Арчибалд Кристи. 1919 г.

Агата Кристи на пляже Вайкики, Гавайи

Агата Кристи. Конец 1920-х гг.

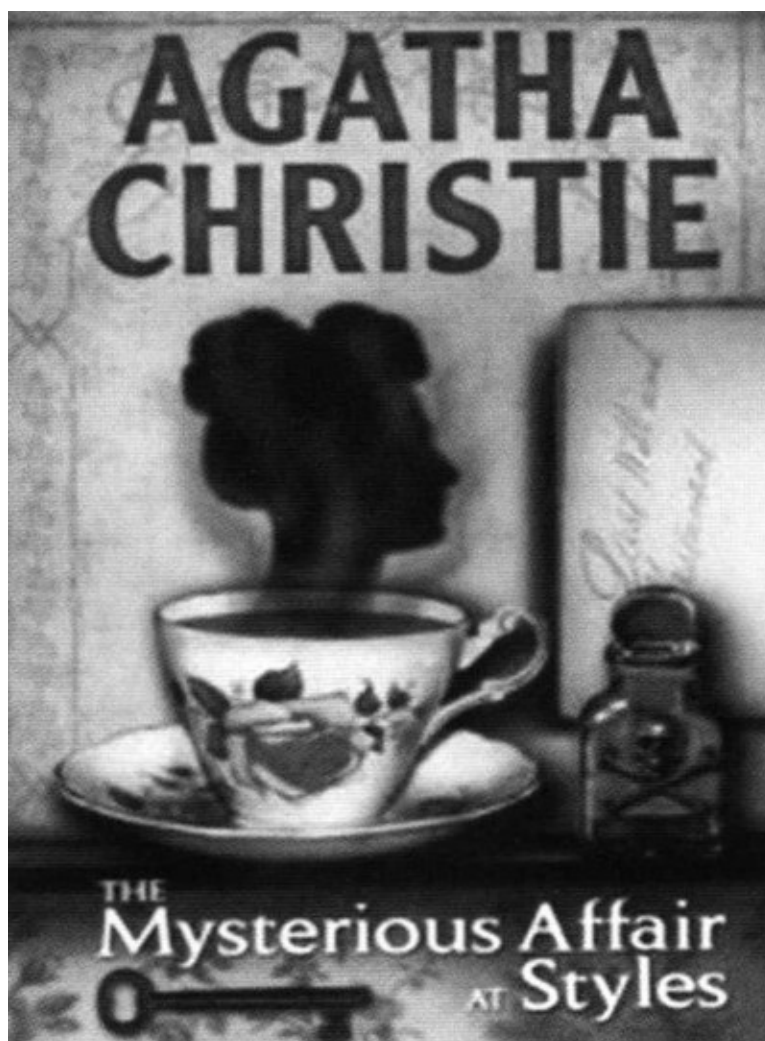
«Моррис Каули» первый автомобиль Агаты Кристи

Агата Кристи с дочерью Розалиндой и деревянным жирафом из Южной Африки

Агата Кристи в 1920-е годы

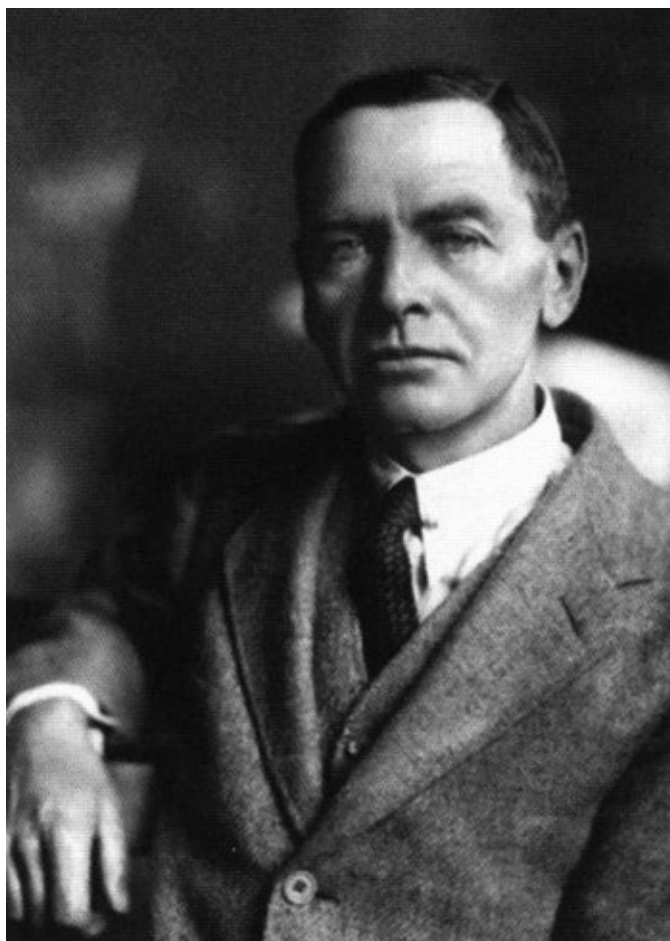
Обложка первого романа Агаты Кристи «Таинственное происшествие в Стайлс». Написан в 1916 году

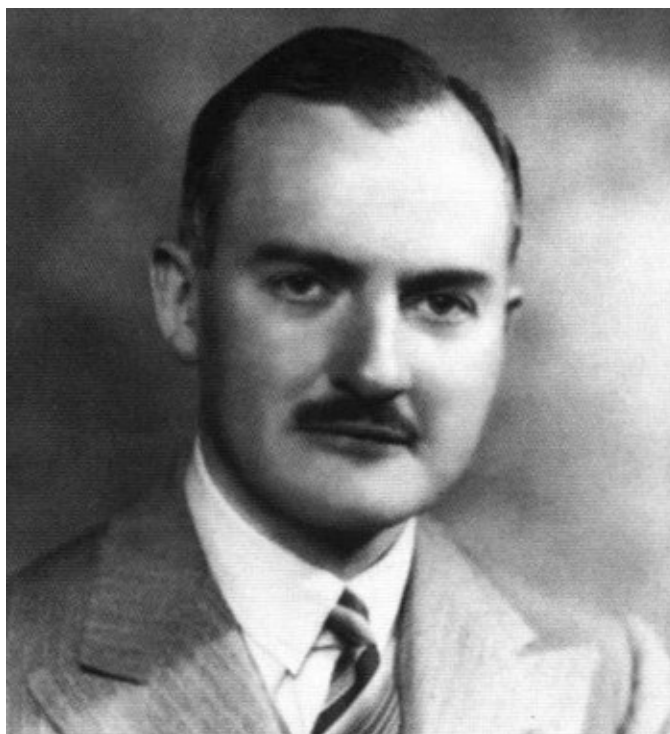
Пропавшей миссис Кристи были посвящены первые страницы всей британской прессы. 1926 г.

Агата Кристи с терьером Питером

Леонард Вулли

Макс Маллоуэн, второй муж Агаты

На раскопках Нимруда

Мемориальный номер в отеле Pera Palace (Стамбул), где останавливалась Агата Кристи

Гринуэй, поместье Агаты Маллоуэн

Агата Маллоуэн. 1930-е гг.

У камина в Гринузе

За пишущей машинкой в Гринуэ

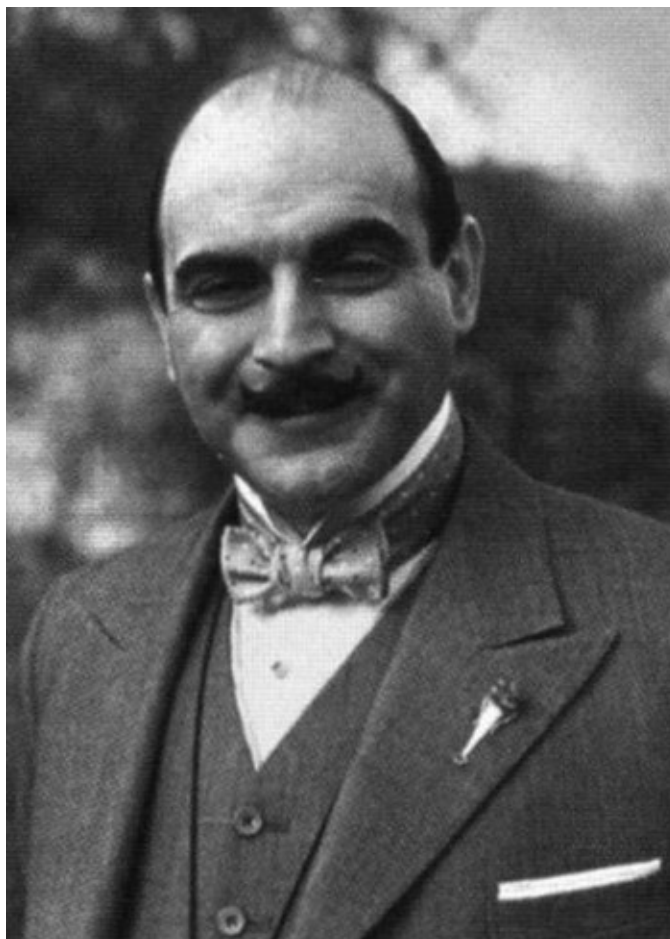
Театр St. Martin's в Лондоне, где идет пьеса «Мышеловка»

С Максом в Гринузе

Джоан Хиксон в роли мисс Марпл

Дэвид Суше в роли Эркюля Пуаро

Кадр из фильма «Свидетель обвинения»

С Максом в Гринузе. 1974 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АГАТЫ КРИСТИ

1890, 15 сентября — в семье Фредерика и Клариссы Миллер в Эшфилде (г. Торки, Девоншир, Англия) родилась Агата Мэри Кларисса Миллер.

1895 — уход Няни, игравшей главную роль в ее детстве.

1896–1897 — путешествие с родителями и старшей сестрой Маргарет (Мэдж) во Францию: Гасконь, Париж, Нормандские острова.

1901 — смерть отца, Фредерика Миллера. Брат Луис Монтан (Монти) вступает в армию.

1902 — брак Мэдж с Джеймсом Уотсом.

1903 — рождение сына Мэдж, племянника Агаты Джека Уотса. В том же году родился будущий второй муж Агаты Макс Маллоуэн.

1906–1907 — обучение Агаты в различных парижских пансионах, попытка стать профессиональной певицей или пианисткой.

1908 — миссис Миллер с Агатой проводят зиму в Каире (Египет).

1909–1911 — две помолвки Агаты Миллер, последовательно разорванные. Попыты творчества в поэзии, в жанре психологических рассказов и романа, отвергнутых издательствами.

1911, Рождество — 1912, Новый год — встреча и помолвка с лейтенантом авиации Арчибальдом Кристи.

1914, август — начало Первой мировой войны. Арчибальд Кристи отправлен в эскадрилью истребительной авиации во Францию; Агата Миллер вступает в Женский добровольный медицинский корпус, работает сиделкой в госпитале Торки, потом помощником фармацевта там же.

Рождество — брак Агаты Миллер и Арчибальда Кристи во время его отпуска с фронта.

1916 — работа над первым детективным романом «Таинственное происшествие в Стайлс».

1917 — перевод Арчи Кристи в Министерство авиации; начало семейной жизни супругов Кристи в Лондоне.

1919, 5 августа — в Эшфилде у Агаты и Арчибальда Кристи родилась дочь Розалинда Маргарет.

1920 — выход в издательстве «Бодли Хэд» романа «Таинственное происшествие в Стайлс», где впервые появился Эркюль Пуаро.

1922 — там же опубликован роман «Тайный враг», первый с Томми и

Таппенс.

1923 — поездка супругов Кристи в отпуск во Францию. Выходит роман «Убийство на поле для гольфа».

1924, январь — ноябрь — кругосветное путешествие супругов Кристи в составе Миссии Всебританской выставки: Южная Африка, Австралия, Новая Зеландия, Гавайские острова, Канада, США.

Конец года — выходит роман «Человек в коричневом костюме» по следам путешествия. Он же печатается в «Ивнинг ньюс» под названием «Авантюристка Энн». Выходит сборник «Пуаро ведет следствие», составленный из ранее напечатанных в журналах рассказов.

1925 — выходит роман «Тайна замка Чимниз», последний в издательстве «Бодли Хэд».

1926, начало — семья Кристи переезжает из Лондона в знаменитый полями для гольфа пригород Саннингдейл, в дом, названный Стайлс.

В издательстве «Коллинз» (отныне все произведения Агаты Кристи выпускает только оно) выходит роман «Убийство Роджера Экройда».

Май — смерть матери, Клариссы Миллер. Агата с Розалиндой приезжает в Эшфилд разбирать вещи.

Август — Арчи Кристи просит развод.

Декабрь — «исчезновение» Агаты Кристи, скрытно уехавшей в г. Харрогит, Йоркшир.

1927, февраль — Агата с Розалиндой и секретаршей Шарлотт Фишер отдыхают на Канарах. Опубликован роман «Большая четверка» на основе ранее напечатанных рассказов.

Середина 1927—середина 1928 — процесс о разводе супругов Кристи.

1928 — выходит роман «Тайна Голубого поезда». Поставлен спектакль «Алиби» по «Убийству Роджера Экройда». **Осень** — Розалинда поступает в школу-пансион. Путешествие Агаты Кристи в Ирак, посещение археологической экспедиции Леонарда Вулли в Уре.

1929 — выходят сборник «Партнеры по преступлению», романы «Тайна семи циферблатов» и «Хлеб Гиганта» (последний — под псевдонимом Мэри Уэстмакотт). Смерть брата Монти.

1930 — выходят роман «Убийство в доме викария», где впервые выведена мисс Марпл, и сборник рассказов «Таинственный мистер Кин». Написана пьеса «Черный кофе». Второе путешествие по Ираку и Ближнему Востоку с супругами Вулли, знакомство с ассистентом Леонарда Вулли Максом Маллоуэном.

Лето — возвращение в Англию, помолвка с Максом Маллоуэном.

11 сентября — венчание Агаты Кристи и Макса Маллоуэна в

Эдинбурге.

Сентябрь-октябрь — свадебное путешествие супругов Маллоуэн по Югославии и Греции.

Середина октября — Макс уезжает в Ирак к Вулли, Агата в Англию.

1931 — выходит «Загадка Сиггафорда». В марте Агата навещает Макса в Уре и вместе они возвращаются в Англию через Иран (Персию) и СССР.

1932 — публикация романа «Загадка Эндхауза». Макс переходит в экспедицию доктора Кэмпбелл-Томпсона в Ниневию, осенью раскапывает собственный курган в Арпачии (при финансовой помощи жены), Агата приобщается к археологии.

1933 — раскопки Маллоуэна в Сирии (до 1938, ежегодно). Агата работает там как помощница археолога и писательница, выпускает сборник «Гончая смерти», сборник «Тринадцать загадочных случаев» («Клуб „Вторник“»), роман «Смерть лорда Эджвейра».

1934 — Маллоуэны покупают виллу в Уоллингфорде на берегу Темзы. Выходит «Убийство в Восточном экспрессе», сборники «Расследует Паркер Пайн», «Тайна Листердейла», роман «Неоконченный портрет» (как Мэри Уэстмакотт).

1935 — за один год написаны и опубликованы романы «Драма в трех актах», «Почему не Эванс?», «Смерть в облаках».

1936 — Розалинда представлена ко двору подругой Агаты, так как разведенных женщин туда не допускают. Выходят «Убийство по алфавиту», «Убийство в Месопотамии», «Карты на стол» (!).

1937 — выходят романы «Безмолвный свидетель», «Смерть на Ниле», сборник «Убийство в проходном дворе». Написаны пьесы «Эхнатон» (сыграна в 1973) и «Дочь есть дочь» (как Мэри Уэстмакотт, не игралась).

1938 — опубликован роман «Встреча со смертью».

1939 — написаны в один год и вышли романы «Десять негритят», «Убить легко», «Рождество Эркюля Пуаро», сборник «Тайна регаты и другие рассказы» (!!). Агата продает Эшфилд и покупает поместье Гринуэй в Торки. *Сентябрь* — начало Второй мировой войны. Макс Маллоуэн поступает на службу в Министерство авиации, Агата работает фармацевтом в госпитале в Лондоне. Готовит романы «Спящее убийство» и, вероятно, «Занавес» для посмертной публикации. Гринуэй реквизирован Адмиралтейством для нужд американских офицеров.

1940 — выходит «Печальный кипарис». Агата Кристи инсценирует «Десять негритят» и «Загадку Эндхауза». Помолвка и брак Розалинды с Хьюбертом Причардом. Макс Маллоуэн направлен в Северную Африку.

1941 — выходят романы «Зло под солнцем», «Н. или М.?», «Раз, два — пряжку застегни» (!).

1942 — написаны и опубликованы романы «Труп в библиотеке», «Пять поросят», «Одним пальцем» (!).

1943, 21 сентября — рождение сына Розалинды, Мэтью Причарда. Гибель Хьюберта Причарда в Нормандии. Первый год без новой книги.

1944 — выходит роман «По направлению к нулю» (одновременно создана его инсценировка, ставилась несколько раз), романы «Сверкающий цианид» и «Разлука весной» (последний — как Мэри Уэстмакотт). Возвращение Макса, Гринуэй возвращен Адмиралтейством.

1945 — выходит детектив на древнеегипетский сюжет «Смерть приходит в конце». Инсценирован в измененном виде роман «Встреча со смертью». Прозвучал радиоскетч «Три слепые мышки».

1946 — выходит роман «Лощина» (инсценирован в 1951). Инсценирован роман «Смерть на Ниле».

1947 — выходит сборник «Подвиги Геракла».

1948 — возобновление раскопок Маллоуэна в Ираке, экспедиция в Нимруде (до 1958). Опубликованы роман «Берег удачи», сборник «Свидетель обвинения», роман «Роза и тис» (как Мэри Уэстмакотт).

1949 — выходит «Кривой домишко», поставлена пьеса по «Убийству в доме викария». Брак Розалинды с Энтони Хиксом.

1950 — выходят роман «Объявлено убийство», сборник «Мышеловка». Смерть Мэдж. Начало работы над «Автобиографией».

1951 — публикуются роман «Встреча в Багдаде», сборник «Неудачник».

1952 — выходит роман «С помощью зеркал». Первое представление пьесы «Мышеловка». Пьеса «Дочь есть дочь» (как Мэри Уэстмакотт) вышла как роман.

1953 — выходят романы «Карман, полный ржи», «После похорон». Поставлена пьеса «Свидетель обвинения».

1954 — второй год без новой книги. Поставлена пьеса «Паутина».

1955 — выходят романы «Хикори Дикори Док», «Место назначения неизвестно». Организована компания «Агата Кристи лимитед».

1956 — получает орден Британской империи. Выходят романы «Глупость мертвеца» и «Бремя» (последний — как Мэри Уэстмакотт).

1957 — выходят романы «В 4.50 из Паддингтона», «Испытание невиновностью».

1958 — третий и последний год без романа. Провал пьес «Вердикт», «Нежданный гость».

1959 — выход романа «Кошка на голубятне».

1960 — сборник «Приключение рождественского пудинга», провал спектакля «Назад к убийству».

1961 — роман «Вилла „Белый конь“», сборник «Двойной грех».

1962 — роман «Зеркало треснуло». Провал пьесы «Правило трех».

1963 — роман «Часы».

1964 — роман «Карибская тайна».

1965 — роман «Отель „Бертрам“». Закончена «Автобиография» (издана посмертно).

1966 — роман «Третья девушка».

1967 — роман «Бесконечная ночь».

1968 — роман «Щелкни пальцем только раз». Посвящение в рыцари Макса Маллоуэна за выдающиеся достижения в археологии.

1969 — роман «Вечеринка в Хэллоуин».

1970 — роман «Пассажир на Франкфурт».

1971 — выходят роман «Немезида» (последний по сюжету с мисс Марпл), сборник «Золотой мяч». Агата Маллоуэн получает титул кавалерственной дамы ордена Британской империи (аналог рыцарского звания).

1972 — выходит роман «Слоны могут помнить».

1973 — выходит роман «Врата судьбы» (последний с Томми и Таппенс). Неудача пьесы «Тройка скрипачей».

1974 — публикуется сборник «Ранние дела Пуаро» из рассказов в журналах разных лет.

1975 — выходит роман «Занавес», последний с Пуаро.

1976, 12 января — смерть Агаты Маллоуэн в Уоллингфорде. Похоронена в церкви соседней деревни Чолси. Посмертно вышли: роман «Спящее убийство» (1976), формально последний с мисс Марпл, но по сюжету более ранний, чем «Немезида», сборники «Ранние дела мисс Марпл» (1979), «Хлопоты в Польенсе» (1991), «Чайный сервиз „Арлекин“», «Доколе длится свет» (оба — 1997) — все сборники составлены из ранее публиковавшихся рассказов.

Ко всем позднее вышедшим пьесам по ее романам и романам по ее пьесам Агата Кристи прямого отношения не имела.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Романы Агаты Кристи

Оригинальное название^[22]

The Mysterious Affair at Styles

The Secret Adversary

Murder on the Links

The Man in the Brown Suit

The Secret of Chimneys

The Murder of Roger Ackroyd

The Big Four

The Mystery of the Blue Train

The Seven Dials Mystery

The Murder at the Vicarage

The Sittaford Mystery

Peril at End House

Lord Edgware Dies *Thirteen at Dinner*

Murder on the Orient Express

Three Act Tragedy

Why Didn't They Ask Evans?

Death in the Clouds *Death in the Air*

The A. B. C. Murders *The Alphabet Murders*

Murder in Mesopotamia

Варианты переводов на русский язык^[23]

Таинственное происшествие в Стайлс
Загадочное происшествие в Стайлзе

Тайный враг Таинственный противник

Убийство на поле для гольфа

Человек в коричневом костюме Человек
в коричневом Человека в коричневом
пиджаке

Тайна замка Чимниз

Убийство Роджера Экрояда

Большая четверка

Тайна Голубого поезда Тайна Голубого
экспресса

Тайна семи циферблатов

Убийство в доме викария

Загадка Ситтафорда

Загадка Эндхауза Опасность в доме на
краю

Смерть лорда Эджвейра Тринадцать
сотрапезников

Убийство в Восточном экспрессе

Драма в трех актах Трагедия в трех актах

Почему не Эванс? Ответ знает Эванс
Почему не позвали Уилби?

Смерть в облаках

Убийство по алфавиту Убийство в
алфавитном порядке

Убийство в Месопотамии

Cards on the Table	Карты на стол Карты на столе
Dumb Witness	Безмолвный свидетель Немой свидетель
Death on the Nile	Смерть на Ниле Убийство на пароходе «Карнак»
Appointment with Death	Встреча со смертью
Ten Little Niggers <i>Ten Little Indians And Then Were None</i> (И никого не стало) ^[24]	Десять негритят
Murder is Easy <i>Easy to Kill</i>	Убить легко
Hercule Poirot's Christmas	Рождество Эркюля Пуаро Убийство под Рождество
Sad Cypress	Печальный кипарис Чаепитие в Хантерберри
Evil Under the Sun	Зло под солнцем
N or M?	Н. или М.? Икс или игрек? Агент Н. или М.
One, Two, Buckle My Shoe	Раз, два — пряжку застегни Раз, раз — гость сидит у нас Преступление могло остаться нераскрытым
The Body in the Library	Труп в библиотеке Происшествие в старом замке
Five Little Pigs <i>Murder in Retrospect</i>	Пять поросят Шестнадцать лет спустя
The Moving Finger	Одним пальцем Движущийся палец Перст судьбы Каникулы в Лимстоке
Towards Zero	По направлению к нулю Час ноль
Sparkling Cyanide <i>Remembered Death</i>	Сверкающий цианид День поминовения
Death Comes as the End	Смерть приходит в конце
The Hollow	Лощина Долина
Taken at the Flood <i>There is a Tide</i>	Берег удачи Унесенный потоком Прилив
Crooked House	Кривой домишко Скрюченный домишко Нелепый домик и пр.
A Murder is Announced	Объявлено убийство

They Came to Baghdad	Встреча в Багдаде Багдадская встреча
Mrs McGinty's Dead	Миссис Макгинти с жизнью рассталась Смерть миссис МакГинти
They Do It with Mirrors	С помощью зеркал Фокус с зеркалами Жизнь за спасение сына
A Pocket Full of Rye	Карман, полный ржи Зернышки в кармане
After the Funeral	После похорон
Hickory Dickory (Dock)	Хикори Дикори Док Тайна пансионата
Destination Unknown	Место назначения неизвестно
Dead Man's Folly	Глупость мертвеца Причуда мертвеца Каприз
4.50 from Paddington <i>What Mrs. McGillicuddy Saw</i>	В 4.50 из Паддингтона
Ordeal by Innocence	Испытание невиновностью Горе невинным
Cat Among the Pigeons	Кошка на голубятне Кошка среди голубей
The Pale Horse	Вилла «Белый конь» Конь блед
The Mirror Crack'd from Side to Side	Зеркало треснуло Разбилось зеркало, звеня И в трещинах зеркальный круг И, треснув, зеркало звенит...
The Clocks	Часы
A Caribbean Mystery	Карибская тайна
At Bertram's Hotel	Отель «Бертрам»
Third Girl	Третья девушка
Endless Night	Бесконечная ночь Ночная тьма
By the Pricking of My Thumbs	Щелкни пальцем только раз Пальцы чешутся, к чему бы?
Hallowe'en Party	Вечеринка в Хэллоуин
Passenger to Frankfurt	Пассажир на Франкфурт
Nemesis	Немезида
Elephants Can Remember	Слоны могут помнить Слоны помнят долго
Postern of Fate	Врата судьбы

Curtain Занавес

Пьесы Агаты Кристи, публиковавшиеся на русском языке

Witness for the Prosecution **Свидетель обвинения**

The Mousetrap **Мышеловка**

Романы под псевдонимом Мэри Уэстмакотт (Mary Westmacott)

Giant's Bread **Хлеб Гиганта**

Unfinished Portrait **Неоконченный портрет**

Absent in the Spring **Разлука весной** Пропавшая весной

The Rose and the Yew Tree **Роза и тис**

A Daughter's a Daughter **Дочь есть дочь**

The Burden **Бремя** Бремя любви Ноша

БИБЛИОГРАФИЯ

Кристи Агата. Автобиография. М.: Вагриус, 1999, 2001; М.: Эксмо, 2009.

Анджапаридзе Г. Вечные загадки Агаты Кристи // А. Кристи. Неоконченный портрет. Тверь: ТОО «Россия-Великобритания», 1993.

Белозерова И. В. Национальная концептосфера в детективном романе А. Кристи, Ч. П. Сноу, Д. Фрэнсиса: Автореф. дисс. ...канд. фил. наук. Воронеж, 2006.

Бушардо Ю. Агата Кристи как она есть. М.: Радуга, 2001.

Дмитриев В. Ключ к прозе Агаты Кристи // Советский экран. 1978. 19 октября.

Ильина Н. Агата Кристи на отечественном литературном фоне// Иностранная литература. 1992. № 11–12.

Карран Дж. Агата Кристи: секретный архив. М.: Эксмо, 2010.

Морган Дж. Агата Кристи. Смоленск: Русич, 1999.

Надеждин Н. Я. Агата Кристи: «Никто не хотел убивать». М.: Майор, 2008.

Томпсон Л. Агата Кристи. Английская тайна. М.: АСТ [и др.], 2010.

Тусина Н. В. Недетективные романы Агаты Кристи: особенности поэтики: Автореф. дисс... канд. фил. наук. Самара, 2007.

Тугушева М. Опасный мир Агаты Кристи // Под знаком четырех. О судьбе произведений Э. По, А. Конан Дойла, А. Кристи, Ж. Сименона. М.: Книга, 1991.

Хэк Р. Агата Кристи. Герцогиня смерти. М.: КоЛибри, 2011.

Шагинян М. Агата Кристи // Звезда Востока. 1982. № 6.

Примечания

Список наиболее известных биографий Агаты Кристи, вышедших на русском языке, приведен в разделе «Библиография».

См. пятую главу настоящей книги.

Так, отлично переведенный в советское время роман «Берег удачи» позднее выходил под названиями «Прилив», «Унесенные волной», которые возникли из-за буквально понятой идиомы «to take at the flood».

Кристи А. Смерть в облаках. Киев, 1990.

Ср.: Радуга. 1990 и серия «Детектив и политика», 1990.

Переводы на другие языки и даже современные англоязычные издания тоже не гарантируют полный текст! Невозможно отследить все переводы, вышедшие в России в 2000-е годы. Хотелось бы верить, что среди Полных собраний сочинений есть и такие, которые представляют русским читателям именно *всю* Агату Кристи. Но есть ли?

С той поры она слышать не желала о медиумах, поэтому ее спиритические рассказы — нередко восходившие к ранним опытам — не следует принимать чересчур всерьез. Мистика была ей чужда.

Второго мужа писательницы злоязычно именовали «мистер Агата Кристи». Конечно, Арчи Кристи застрелился бы от такого прозвища.

Полученные от Британской школы археологии в Ираке, куда их вложила его жена.

Для самой Агаты Кристи это первоначальное название до конца жизни осталось единственным. Поскольку в русском языке слово «негритята» не имеет уничижительного оттенка и вдобавок существует аналогичная считалка, автор не видит необходимости отказываться от него в пользу «политкорректного». Кроме того, в романе слово «негритята» относится не к детям, а к статуэткам, которые, вероятно, не очень обидчивы. Существует и еще одно серьезное возражение против политкорректного заголовка, о котором пойдет речь в восьмой главе.

Цит. по: *Кестхейи Т.* Анатомия детектива. Будапешт, 1989.

Причины устойчивости и обязательности тандема Холмс — Уотсон рассмотрены в кн.: *Цимбаева Е. Н.* Исторический анализ литературного текста. М.: УРСС, 2005.

Лучший перевод названия дан в советские времена: «Почему не позвали Уилби?». Замена склоняемого имени на несклоняемое сохраняла интригу и смысл вопроса, тем более что само имя не имело значения в сюжете.

Оборотной стороной была их борьба с прогрессивным инакомыслием. Жертвы этой борьбы встречаются где угодно. Роберт Скотт попытался достичь Южного полюса на пони и моторных санях, а не на собаках, от чего и погиб, не по глупости или неопытности. Собаки удобны тем, что едят друг друга на обратном пути, даже полярники ими питаются. Но после такого похода он вернулся бы в Англию парией! Собственная мать или жена отвернулись бы от него: как?! они ели собачек?! У него не было выбора.

После войны он демобилизовался полковником. Столь быстрое продвижение в чинах без участия в боях, вероятно, нельзя объяснить одной лишь службой по Министерству авиации?

В настоящий момент компания «Агата Кристи лимитед» входит в группу «Chorion PLG».

Выпущена издательством «Коллинз» по требованию Агаты Кристи, Э. Корк работал над выпуском книги бесплатно.

Цит. по кн.: *Томпсон Л.* Агата Кристи. Английская тайна. М., 2010.

Томпсон Л. Агата Кристи. Английская тайна. М., 2010. С. 534–535.

Томпсон Л. Цит. соч. С. 539.

www.lenta.ru

Варианты оригинальных названий даны курсивом.

Перевод, принятый в настоящем издании, выделен жирным шрифтом.

Первое американское издание выпустило роман под этим политкорректным заглавием; оно сохранилось во всех последующих изданиях.